ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Гулам Нинэль Яхьевна

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ ШОС К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С АФГАНИСТАНОМ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Князев Александр Алексеевич

Москва — 2026

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Теоретико-концептуальные подходы к изучению афганского фактора и его роль в становлении ШОС 42

§1.1. Эволюция афганского фактора в системе евразийской безопасности: генезис, политологические подходы к интерпретации и роль американского дискурса 43

1.1.1. Специфика афганской государственности: диалектическое соотношение институтов центральной власти и сетевых структур социума 45

1.1.2. Афганистан в политическом дискурсе США в контексте «глобальной войны против терроризма» 56

1.1.3. Афганский фактор евразийской безопасности в XXI веке через призму теории региональных комплексов безопасности 67

§1.2. Генезис ШОС в контексте динамики региональных комплексов безопасности евразийского пространства 74

Выводы к главе 87

Глава 2. ШОС как региональный институт: концептуальные основы анализа и деятельность на афганском направлении 90

§2.1. ШОС в фокусе региональных исследований: региональный институт и «продукт» незападного регионализма 91

2.1.1. Сравнительный регионализм: исследовательский подход в процессе становления и поле для дискуссий 92

2.1.2. Теория институционального дизайна как подход к объяснению специфики незападных региональных объединений 96

2.1.3. Институциональный дизайн ШОС 105

§2.2. Специфика взаимодействия ШОС с Афганистаном с 2001 по 2021 гг. 114

§2.3. Политические трансформации в Афганистане после 2021 года и деятельность ШОС 123

Выводы к главе 133

Глава 3. Позиции и интересы государств-членов ШОС по вопросу взаимодействия с Афганистаном и их влияние на деятельность организации 135

§3.1. Великие державы: Россия и Китай 136

§3.2. Государства Центральной Азии 152

§3.3. Индия и Пакистан 181

§3.4. Иран 200

Выводы к главе 213

Заключение 215

Список источников и литературы 222

Источники 222

Литература 242

Приложения 283

Введение

Актуальность настоящего диссертационного исследования диктуется потребностью в разрешении комплекса противоречий в развитии ШОС как гаранта региональной стабильности, чья дееспособность сегодня напрямую зависит от выработки эффективных мер реагирования на хронический афганский кризис в условиях продолжающегося институционального оформления евразийской архитектуры безопасности.

Произошедшая в августе 2021 года кардинальная трансформация военно-политической ситуации в Афганистане, вызванная выводом военных контингентов США и НАТО и приходом к власти Движения талибов[1] (ДТ), привела к окончательному демонтажу прежней системы региональной безопасности, выстраивавшейся в условиях определяющего воздействия внерегиональных сил. Описанные обстоятельства обусловили фактическое делегирование ответственности за решение т.н. «афганского вопроса»[2] региональным акторам и институтам, напрямую заинтересованным в стабилизации обстановки в афганском государстве, среди которых ШОС занимает центральное место в силу своего географического охвата и представительности, включая в себя не только большинство

---

[1] Движение «Талибан» признано террористическим решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 г. № ГКПИ 03-116. На основании решения Верховного Суда РФ от 17.04.2025 г. № АКПИ25-174с ранее установленный запрет деятельности движения на территории Российской Федерации приостановлен, а сформированное им правительство Исламского Эмирата Афганистан официально признано МИД РФ законными властями страны (нота МИД России от 03.07.2025 г.).

[2] В рамках настоящего исследования под «афганским вопросом» понимается комплексный узел взаимосвязанных этнополитических, социально-экономических и трансграничных проблем и вызовов, определяющих состояние нестабильности в Афганистане и создающих прямые угрозы безопасности и развитию соседних государств (терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик, миграционные риски и т.п.).

непосредственных соседей Афганистана, но и великие[3] и крупные региональные[4] державы в лице России, Китая, Индии и Ирана.

На протяжении более двух десятилетий «афганский фактор»[5] выступал ключевой детерминантой институционального развития ШОС, послужив еще в конце 1990-х годов критическим импульсом для трансформации «Шанхайской пятерки» в полноценную международную организацию на почве борьбы с трансграничными угрозами (терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком)[6]. В силу специфики географического положения афганского государства на карте Евразии угрозы, исходящие с его территории на протяжении десятилетий, начиная с середины 1970-х годов, непосредственным образом сказываются на безопасности и возможностях

---

[3] В работе используется определение Т.А. Шаклеиной, в соответствии с которым великая держава — это государство, *«(1) сохраняющее очень высокую (или абсолютную) степень самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики, (2) не только обеспечивающее национальные интересы, но и оказывающее существенное (вплоть до решающего) влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран (мирорегулирующая деятельность), (3) обладающее всеми или значительной частью традиционных параметров «великой державы» (территория, население, природные ресурсы, военный потенциал, экономический потенциал, интеллектуальный и культурный потенциал, научно-технический, иногда отдельно выделяется информационный потенциал)»* (См. подробнее: Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. — 2011. — № 2 (9). — С. 29-39).

[4] В работе используется определение А.Д. Воскресенского, в соответствии с которым региональная держава — это государство, которое *«обладает значительными возможностями действовать в пределах своих регионов, определяет параметры региональной полярности, однако, как правило, не выходит на глобальный уровень и не может эффективно действовать в нескольких регионах, хотя иногда пытается, даже довольно успешно, это делать»* (См. подробнее: Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — С. 30-58).

[5] Здесь и далее под словосочетанием «афганский фактор» понимается обстановка длительной военно-политической турбулентности в Афганистане, наблюдавшейся, начиная с середины 1970-х годов.

[6] Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. — Москва: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2012. — С. 12; Khalil A.B. Afghanistan and the Shanghai Cooperation Organization // The Diplomat. 14.07.2021. URL: https://thediplomat.com/2021/07/afghanistan-and-the-shanghai-cooperation-organization/ (accessed: 12.10.2023).

развития сопредельных с ним стран. В данной связи любые значимые трансформации военно-политической обстановки в Афганистане представляют собой как «проверку на прочность» для механизмов самой организации, так и персональный вызов для каждого её отдельно взятого государства-члена. На современном этапе наблюдается переосмысление участниками ШОС международно-политической роли организации, в результате которого она всё чаще воспринимается как центральный элемент формирующейся евразийской архитектуры безопасности[7]. Эти изменения в восприятии ШОС формируют новые запросы к организации, что требует критического анализа функциональных возможностей данного института в контексте актуальных вызовов, выступающих прямым следствием афганской нестабильности.

Описанные выше обстоятельства обусловливают особую значимость изучения как возможностей, так и естественных институциональных

---

[7] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 12.10.2023); Pooling the Strength of the Shanghai Cooperation Organization to Improve Global Governance // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. 01.09.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyjh/202509/t20250901_11699629.html (accessed: 20.10.2025); English Translation of Prime Minister's statement during the 25th SCO Summit (September 01, 2025) // Ministry of External Affairs, Government of India. 01.11.2025. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/40075 (accessed: 06.12.2025); مزایای عضویت رسمی جمهوری اسلامی ایران در سازمان همکاری شانگهای، در تاریخ ماندگار خواهد شد/ رویکرد «همسایگی و همگرایی» را مبنای سیاست خارجی خود قرار داده‌ایم/ شکل‌دهی به نظم عادلانه بین‌المللی نیازمند حذف دلار به عنوان ابزار سلطه غرب است/ اهانت برخی کشورها به ارزش‌های ملت‌ها بیانگر سقوط اخلاقی آنها و موجب گسترش نفرت‌پراکنی است/ رژیم صهیونیستی نماد عینی تجاوز به حق حاکمیت ملت‌هاست] [Привилегия официального членства Исламской Республики Иран в Шанхайской организации сотрудничества войдёт в историю / Мы строим свою внешнюю политику, опираясь на подход «соседство и конвергенция» / Формирование справедливого международного порядка требует устранения доллара как инструмента западного господства / Оскорбления некоторыми странами национальных ценностей отражают их моральный упадок и ведут к распространению ненависти / Сионистский режим является наглядным символом посягательства на суверенитет наций] // پایگاه اطلاع رسانی ریاست جمهوری اسلامی ایران. 04.07.2023. URL: https://president.ir/fa/145187 (дата обращения: 26.01.2026).

ограничений ШОС в качестве механизма многостороннего взаимодействия по вопросам региональной повестки безопасности. В соответствии с Декларацией о создании Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2001 года, её участники *«придают приоритетное значение региональной безопасности и осуществляют тесное взаимодействие в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»*[8]. Иными словами, в основу функционирования объединения был положен принцип коллективного реагирования на нетрадиционные угрозы и вызовы, имеющие трансграничный характер, в то время как тесное соседство большинства его участников с Афганистаном превращало пространство ШОС в первый эшелон противодействия комплексу асимметричных вызовов, исходящих с его территории.

В настоящее время, несмотря на декларируемое единство целей, государства-члены организации демонстрируют существенные расхождения в своих внешнеполитических практиках и самих подходах к взаимодействию с афганским правительством, сформированным Движением талибов в 2021 году, что естественным образом сужает пространство для их коллективного маневра[9]. Выявление баланса между коллективными обязательствами в рамках

---

[8] Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3406 (дата обращения: 22.10.2023).

[9] Россия поддержала возобновление работы группы ШОС — Афганистан, заявил МИД // РИА новости. 11.06.2024. URL: https://ria.ru/20240611/shos-1952098076.html (дата обращения: 26.12.2025); Таджикистан выступил против части пунктов декларации встречи московского формата // ТАСС. 29.09.2023. URL: https://tass.ru/politika/18874719 (дата обращения: 20.12.2025); موازنه‌گری ایران در رابطه با طالبان/ چرا تهران رویکردی محتاطانه در پیش گرفته‌است [Балансирование Ирана по вопросу признания талибов / Почему Тегеран занимает осторожную позицию] // ایرنا. 21.08.2025. URL https://www.irna.ir/news/85919079/موازنه-گری-ایران-در-رابطه-با-طالبان-چرا-تهران-رویکردی-محتاطانه (дата обращения: 17.01.2026); India condemns Pakistan's airstrikes in Afghanistan // Anadolu Ajansı. 06.01.2025. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/india-condemns-pakistans-airstrikes-in-afghanistan/3442735 (accessed: 26.01.2026); Strikes on Afghan civilians are acts of war: India denounces Pakistan at UN // India Today. 11.12.2025. URL: https://www.indiatoday.in/world/story/india-condemns-pakistan-airstrikes-afghanistan-breach-international-law-threaten-regional-stability-2834215-2025-12-11 (accessed: 26.01.2026);

ШОС и национальными стратегиями отдельно взятых государств-членов организации имеет критическую значимость для понимания её будущего как дееспособного актора на евразийском пространстве и эффективного механизма по согласованию усилий её участников по поддержанию региональной стабильности. Представляется, что в отсутствие предметного взаимодействия с Афганистаном организация будет не в состоянии выполнять свою основную функцию; в данной связи вопрос установления официальных отношений ШОС с Исламским Эмиратом Афганистан носит принципиальный характер, так как во многом именно от него зависит готовность афганской стороны оказывать содействие объединению в купировании общерегиональных вызовов безопасности. По этой причине осмысление природы внутренних противоречий, лимитирующих возможности ШОС по формированию консолидированной стратегии на афганском направлении, обладает выраженной **прикладной значимостью**.

Степень разработанности проблематики в исследовательской литературе. Элементы диссертационного исследования имеют различную степень научной разработанности. Достаточно объемно в литературе рассмотрена проблематика формирования и становления Шанхайской организации сотрудничества до момента её первого расширения (в особенности — в первое десятилетие её существования), политико-правовые основы её деятельности, а также специфика её институциональной и бюрократической структур. Тем не менее необходимо признать, что существующий объем фундаментальной академической литературы по

Астана исключила Талибан из списка террористических организаций для интеграции Афганистана в мировое сообщество // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. 15.02.2024. URL: https://ecrats.org/ru/archive/facts_of_terrorism/8899/ (дата обращения: 20.04.2025); Киргизия перестала считать талибов террористами // Ведомости. 06.09.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/06/1060394-kirgiziya-perestala-schitat-talibov-terroristami (дата обращения: 20.04.2025).

данному вопросу часто не включает упоминания обновлённых международно-политических условий, в число которых входит, с одной стороны, присоединение к ШОС целого ряда новых членов, что неизбежно оставляет свой заметный «отпечаток» на деятельности организации, с другой — изменения в региональной геополитической ситуации, наиболее существенные из которых произошли начиная с 2021 года. Здесь имеется в виду, в первую очередь, прекращение активного вовлечения США во внутренние дела Афганистана и вывод из этой страны иностранных военных контингентов, смена власти в самом афганском государстве, приобретение системного и необратимого характера внешнеполитической переориентации России на незападный мир и ряд других факторов.

Подобные трансформации закономерным образом создают для Шанхайской организации сотрудничества как новые стимулы для решения региональных проблем и вызовов, так и, что немаловажно, новые препятствия, которые необходимо преодолевать на обозначенном пути. При этом представляется, что в исследовательской литературе уделяется недостаточное внимание вопросу влияния существующего институционального дизайна ШОС на эффективность взаимодействия стран-членов в рамках объединения по различным вопросам, а также коллективного решения общерегиональных проблем и вызовов. В то же время действующие закономерности развития современных отношений ШОС с Афганистаном и влияние институциональной структуры организации на это взаимодействие и его практические результаты, механизмы соотнесения общей политики ШОС как политики организации, так и национальных политик на афганском направлении, остаются недостаточно изученными. Проблематика взаимоотношений ШОС с Афганистаном редко подвергается анализу с концептуальной точки зрения, а превалирующие подходы к её изучению либо ограничиваются эмпирическим описанием, либо сводятся к анализу исключительно через призму традиционных угроз

региональной безопасности, связанных с так называемыми «тремя силами зла» на пространстве ШОС.

При существенном дефиците русскоязычных исследований, подробно и адресно рассматривающих проблематику эволюции институтов и инструментов ШОС для взаимодействия с Афганистаном, а также взаимосвязи становления организации и афганского фактора, необходимо отметить, что существует ряд работ общего характера за авторством Р.К. Алимова[10], М.А. Конаровского[11], А.В. Лукина[12] и А.Ф. Мочульского[13], А.И. Быкова[14], В.И. Василенко, В.В. Василенко и А.Г. Потеенко[15], изучающих общие вопросы функционирования организации, а также экономические и политико-правовые

---

[10] Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2017. — 336 с.; Alimov R. The Shanghai Cooperation Organisation and the Development of Eurasia // The “Roads” and “Belts” of Eurasia. Ed.: A. Lukin. — Palgrave Macmillan, Singapore, 2020. — P. 261-301.

[11] Конаровский М.А. Расширение ШОС: возможности и проблемы // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. — 2015. — №1 (11). — С. 105-118; Конаровский М.А. Россия-ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. — 2016. — № 4. — С. 149-161; Конаровский М.А. Россия — ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. — 2016. — №4. — С. 149—161.

[12] Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества и российские интересы в Центральной Азии и Афганистане. Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — №5 (20). — С. 37-47; Лукин А.Н. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? // Россия в глобальной политике. — 2007. — № 3 (5). — С. 78-93.

[13] Мочульский А.Ф. Экономическое сотрудничество в ШОС: слова и дела // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 4 (19). — С. 49-53; Лукин А.В., Мочульский А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки НКСМИ. — 2005. — № 2 (4). — С. 3-28; Мочульский А.Ф. БРИКС, РИК и ШОС в процессе кристаллизации многополярности в современных международных отношениях // Ежегодник ИМИ — 2012. — Москва: МГИМО-Университет, 2012. — С. 60-67.

[14] Быков А.И. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС: основные направления и перспективы развития: монография. — Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 232 с.

[15] Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). — Москва: Проспект, 2014. — 192 с.

аспекты её деятельности; И.Е. Денисова[16], И.А. Сафранчука[17], С.И. Лунёва[18], В.И. Белова (Юртаева)[19], Л.Е. Васильева[20], В.И. Никитенко[21], В.Н. Москаленко[22], А.С. Каукенова[23], Е.Г. Гарбузаровой[24], К.А. Кокарева[25], А.А. Кольтюкова[26], А.Ю. Баранова[27], сосредоточившихся на рассмотрении роли

---

[16] Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 3 (48). — С. 112-122.

[17]Сафранчук И.А. Проблемы ШОС на стыке трендов глобализации и регионализации // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. — 2016. — №3-4 (48-49). — С. 54-61; Сафранчук И.А. ШОС в системе региональных организаций в Евразии // Международная аналитика. — 2015. — № 2. — С. 92-94.

[18] Лунев С.И. Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия-Индия-Китай // Сравнительная политика. — 2020. — № 2. — С. 76-88.

[19] Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2017. — № 3 (17). — С. 469-482.

[20] Васильев Л.Е. Перспективы решения проблем безопасности Евразии в свете расширения ШОС // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия. Ред.-сост. Л.Е. Васильев. — М.: ИДВ РАН, 2020. — С. 36-57; Васильев Л.Е. Сотрудничество Китая, России и других государств — участников ШОС в борьбе с терроризмом в восточной части Евразии // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия. Ред.-сост. Л.Е. Васильев. — М.: ИДВ РАН, 2020. — С. 127-150.

[21] Никитенко В.И. Евразийские векторы сотрудничества стран — участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и региональной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2018. — № 1. — С. 25-34.

[22] Москаленко В.Н. Проблемы безопасности: ШОС и Пакистан // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. — М.: ИДВ РАН, 2008. — С. 351-368.

[23] Каукенов А.С. Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 3. — С. 73-89; Каукенов А.С. Внутренние противоречия Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. — 2013. — № 2. — С. 7-18.

[24] Гарбузарова Е.Г. Роль ШОС в процессе нейтрализации региональных вызовов и угроз // Проблемы постсоветского пространства. — 2021. — № 8 (4). — С. 425-436.

[25] Кокарев К.А. К вопросу о политике ШОС в сфере безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: материалы Третьего заседания Форума ШОС (Китай, г. Пекин, 19-21 мая 2008 года). — М., 2008. — С. 95-98.

[26] Кольтюков А.А. Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. — М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. — С. 257-258.

[27] Баранов А.Ю. Шанхайская организация сотрудничества и политика США в Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. — М.: Институт США и Канады РАН, 2010. —

организации в обеспечении региональной безопасности и деятельности конкретных стран в её рамках; С.Г. Лузянина[28] и Е.В. Колдуновой[29], в своих работах уделяющих внимание роли и месту ШОС в иерархии региональных структур и институтов. При несомненной значимости приводящихся в указанных работах эмпирических наблюдений о специфике и обстоятельствах организационного становления ШОС и прогнозах её дальнейшей эволюции, их характеризует преимущественно описательный формат в сочетании с недостаточно высоким уровнем концептуализации и преобладанием логико-интуитивных методов исследования. В данной связи обращают на себя внимание работы Ю.А. Никитиной[30] за счёт приведённого в них сравнительного анализа моделей регионализма ШОС и ОДКБ с опорой на концептуальный аппарат региональных исследований. Кроме того, представляет интерес исследование Г.Д. Хонрада и С.А. Бокерия[31], где проводится сравнительный анализ нарративов двух организаций, созданных и функционирующих в духе незападного регионализма — ШОС и АСЕАН.

При рассмотрении работ зарубежных исследователей, посвящённых указанной тематике, необходимо оговориться, что довольно долгое время в

---

196 с.

[28] Лузянин С.Г. ШОС: проблемы развития (методология, экономика, безопасность) // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. — М.: ИДВ РАН, 2012. — С. 15-22.

[29] Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. — 2013. — № 2. — С. 60-69.

[30] Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. — М.: Навона, 2009. — 200 с.; Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. — 2011. — № 2 (97). Т. 17. — С. 45-53; Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — №6 (15). — С. 134-140; Никитина Ю.А. Эволюция механизмов и международно-политических стратегий ОДКБ и ШОС: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. — М.: МГИМО (У) МИД России, 2008. — 210 с.

[31] Хонрада Г.Д., Бокерия С.А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2023. — № 2 (23). — С. 253-264.

западных академических кругах деятельность ШОС либо игнорировалась вовсе, либо же сталкивалась со скептическим, если не враждебным отношением (организации присваивались такие характеристики, как «коалиция недемократических государств»[32], «клуб диктаторов»[33], «новый “Варшавский договор”»[34] и т.п.). Тем не менее данный пласт научно-публицистической литературы также содержит ряд комплексных и фундированных работ, среди которых особый интерес представляет исследование С. Ариса[35]: опубликованное в 2011 году, оно, тем не менее, содержит значительное число выводов и наблюдений, актуальных и по сей день. В данном разделе также необходимо выделить работы представителей исследовательских сообществ стран, непосредственно входящих в ШОС (напр., за авторством С. Чжуанчжи[36], Дж. Карами[37], А. Анади[38], Э. Кулаи и М.

---

[32] Obydenkova A.V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — P. 226.

[33] Debre M. Five Questions on How Dictators’ Clubs are Defending Autocracy // UC Institute on Global Conflict and Cooperation. 08.08.2025. URL: https://ucigcc.org/blog/five-questions-on-how-dictators-clubs-are-defending-autocracy/ (accessed: 10.10.2025).

[34] Maher H. Central Asia: US Helsinki Commission Concerned About SCO's Influence. // Eurasianet. 01.10.2006. URL: https://eurasianet.org/central-asia-us-helsinki-commission-concerned-about-scos-influence (accessed: 10.10.2025).

[35] Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation (Critical Studies of the Asia-Pacific). — Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. — 215 p.

[36] Zhuangzhi S. New and Old Regionalism: The Shanghai Cooperation Organization and Sino-Central Asian Relations. // The Review of International Affairs. — 2004. — Vol. 3. No. 4. — P. 600-612.

[37] Karami J. L’Iran et l’Organisation de coopération de Shanghai. Capacités, obstacles et perspectives d’avenir [Иран и Шанхайская организация сотрудничества: возможности, препятствия и перспективы на будущее] // L’Organisation de coopération de Shanghai et la construction de la «nouvelle Asie» [Шанхайская организация сотрудничества и построение «новой Азии»]. Ed.: P. Chabal. — Zurich: Peter Lang International Academic Publication, 2015. — С. 293-308; Карами Дж. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2023. — № 3 (23). — С. 547-561.

[38] Anadi A. New Regionalism and Norm Creation: A Case of Shanghai Cooperation Organization // Journal of Strategic Security. — 2024. — Vol. 17 No. 1. — P. 100-111. DOI: https://doi.org/10.5038/1944-0472.17.1.2184.

Тишеяр[39] и т.п.), в том числе раскрывающие особенности применения теории «нового регионализма» при объяснении специфики организации. Англоязычные исследования ШОС за авторством А. Обыденковой и А. Либмана[40], рассматривающих ШОС как региональный институт в сравнительной перспективе через призму теории нового регионализма, а также И. Ахмада[41] и под редакцией М. Фредхольма[42] примечательны за счёт внимания, уделённого специфике региональных взаимоотношений и историко-политическому контексту.

Непосредственно деятельность ШОС на афганском направлении в разные годы выступала предметом анализа М.Р. Аруновой[43], М.А. Конаровского[44], В.В. Агрономова[45], В.В. Парамонова, В.В. Строкова и О.А. Столповского[46], в чьих работах уделяется значительное внимание предыстории, а также международному и региональному контексту

---

[39] Koolaee E., Tishehyar M. New Regionalism in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) // International Studies Journal (ISJ). — 2014. — Vol. 11 No. 1. — P. 97-119.

[40] Obydenkova A.V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 318 p.

[41] Ahmad I. Shanghai Cooperation Organization: China, Russia, and Regionalism in Central Asia. // Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective. Ed.: H. Loewen, A. Zorob. — United Nations University Series on Regionalism. — 2018. — Vol. 14. — Springer, Dordrecht. — P. 119-135.

[42] Fredholm M. Too Many Plans for War, Too Few Common Values: Another Chapter in the History of the Great Game or the Guarantor of Central Asian Security? // The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges. Ed.: M. Fredholm. — Copenhagen: NIAS Press, 2013. — P. 3-19.

[43] Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. — Москва: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2012. — 197 с.

[44] Конаровский М.А. Афганистан в политических оценках и практической деятельности ШОС // Проблемы национальной стратегии. — 2013. — № 2(17). — С. 7-21.

[45] Агрономов В.В. Афганистан и ШОС // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (к 10-летию образования ШОС). — Москва: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2011. — С. 17-30.

[46] Парамонов В.В., Столповский В.В., Строков О.А. Роль и место ШОС и Афганистана в политике России и Китая в Центральной Азии. // Князев А.А. (ред.) Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии: Материалы междунар. конф. — Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, 2008. — С. 68-88.

описываемых событий. Однако упомянутые исследования, лежащие преимущественно в плоскости исторических наук, хронологически не охватывают всего периода сосуществования афганского государства и ШОС, в связи с чем не отражают тех метаморфоз, которые происходили во взаимодействии организации и Афганистана в последние годы, особенно — после возвращения к власти в этой стране Движения талибов. В данной связи представляют интерес работы за авторством А.С. Давыдова[47] и К.Х. Рахимова[48], в которых рассматриваются, хотя и в малой степени, относительно недавние попытки активизации ШОС по вопросу содействия «афганскому замирению».

Пересекающиеся с тематикой настоящей работы вопросы генезиса афганского кризиса как системного фактора в сфере евразийской безопасности и его влияние на ситуацию в сопредельных странах и регионах, в том числе относящихся к пространству ШОС, пристально изучались как отечественными, так и зарубежными авторами в лице В.Г. Коргуна[49], А.А.

---

[47] Давыдов А.С. Активизация взаимодействия ШОС с государствами-наблюдателями и иными структурами в интересах стабилизации обстановки в Афганистане // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. — М.: ИДВ РАН, 2016. — С. 57-68.

[48] Рахимов К.Х. Вклад государств-членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО // Постсоветские исследования. — 2022. — № 4 (5). — С. 367-385.

[49] См. например: Коргун В.Г. Ислам и государственная власть в Афганистане // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). — М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. — С. 173-179; Коргун В.Г. Афганский конфликт и Центральная Азия // Россия и мусульманский мир. — 2012. — № 6. — С. 106-114; Коргун В.Г. Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана, 1919-1999 гг. : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. — Москва, 2000. — 277 с.

Князева[50], Ю.П. Лалетина[51], О.А. Столповского[52], С.М. Акимбекова[53], В.Я. Белокреницкого и Р.Р. Сикоева[54] (причём основной акцент в указанных исследованиях вновь получают исторические аспекты), а также А.А. Казанцева[55], И.А. Сафранчука[56], А.А. Умарова[57], М.О. Нессара[58], А.Р. Мирзоевой[59]: к числу характерных черт данных работ следует отнести

---

[50] Князев А.А. Американский тупик в Афганистане, ШОС и значение стран наблюдателей: поиск новых парадигм // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, 2009. — С. 130-138; Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — 640 с.; Князев А.А. Влияние афганского кризиса на безопасность Центральной Азии: 1990-е — начало 2000-х гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. — Бишкек: КРСУ, 2004. — 327 с.

[51] Лалетин Ю.П. Ситуация в Афганистане и ее воздействие на южный фланг СНГ // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Возможности и вызовы для России. Под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. — МГИМО (У) МИД России; ИНО-Центр. — М.: Логос, 2003. — С. 246-300.

[52] Столповский О.А. Государства Центральной Азии в контексте военной операции в Афганистане // Афганистан и безопасность Центральной Азии, Вып. 4. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — С. 63-70.

[53] Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. — Алма-Ата: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Республики Казахстан, 1998. — 280 с.

[54] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2014. — 216 с.

[55] Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — Москва: МГИМО-Университет, 2008. — 382 с.

[56] Сафранчук И.А. Афганская проблема в региональном контексте // Россия в глобальной политике. — 2009. — № 3 (7). — С. 141-149; Safranchuk I. Afghanistan and Its Central Asian Neighbors // Center for Strategic & International Studies. 26.06.2017. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170612_Safranchuk_AfghanistanCentralAsianNeighbors_Web.pdf (accessed: 02.11.2024).

[57] Умаров А.А. Фактор Афганистана в региональной безопасности Центральной Азии в начале XXI века: Монография. — Ташкент: УМЭД, 2017. — 320 с.; Umarov A. The “Afghan factor” in Uzbekistan's foreign policy: Evolution and the contemporary situation // Asian Affairs. — 2021. — Vol. 52. No. 3. — P. 536-553.

[58] Нессар М.О. Афганский фактор в политике стран Центральной Азии. Трансформация восприятия // Обозреватель-Observer. — 2025. — № 4. — С. 40-50; Нессар М.О. Афгано-пакистанские отношения на современном этапе // Международная жизнь. — 2025. — № 7. — С. 46-55.

[59] Мирзоева А.Р. Кризис в Афганистане в контексте региональной безопасности на постсоветском пространстве (1991-2024 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.7. — М. : РУДН им. Патриса Лумумбы, 2026. — 245 с.

преимущественное внимание к вопросам истоков существующей нестабильности, а также анализ, прежде всего, двусторонних отношений государств региона с Афганистаном[60], в то время как проблематике эффективности региональных институтов (в том числе ШОС) в решении афганского вопроса внимание не уделено, либо уделено в незначительной степени. Аналогичные подходы характерны и для англоязычных работ зарубежных исследователей в числе Б. Рубина, Д. Мэнсфилда, Н. Бижана и А. Джустоцци[61], Дж. Муртазашвили[62], Н. Шахрани[63], Т. Шарана[64], Л. Гудсона[65] и других.

Особое значение для осмысления национальных стратегий государств-членов ШОС на афганском направлении представляют труды отечественных и зарубежных исследователей, раскрывающие специфику двусторонних и многосторонних отношений государств Центральной Азии и сопредельных регионов, в том числе с целью активизации усилий, направленных на реализацию совместных проектов и отражение общерегиональных вызовов. К первой группе авторов представляется необходимым отнести работы В.Г.

---

[60] Например: Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. — 2023. — № 3 (6). — С. 266-280; Мамедова Н.М. Иранские интересы в Афганистане и основные параметры ирано-афганских отношений // Современный Афганистан и сопредельные страны. Сборник статей. — М., 2011. — С. 71-91; Махмудов Р.Б. Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. — 2023. — № 2 (8). — С. 80-93; Саженов Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 — начало 2020 г.) / Отв. ред. Р. Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2020. — 220 с.

[61] Рубин Б. Афганистан. Что о нем нужно знать каждому / Б. Рубин, Д. Мэнсфилд, Н. Бижан, А. Джустоцци [пер. с англ. М. Тарасов]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 391 с.

[62] Murtazashvili J.B. Afghanistan: A Vicious Cycle of State Failure // Governance. — 2016. — Vol. 29. No. 2. — P. 163-166.

[63] Shahrani N.M. War, Factionalism, and the State in Afghanistan // American Anthropologist. — 2002. — Vol. 104. No. 3. — P. 715-722.

[64] Sharan T. Inside Afghanistan: Political Networks, Informal Order, and State Disruption. — Routledge, 2022. — 352 p.

[65] Goodson L. Afghanistan's Endless War: State Failure, Regional Politics, and the Rise of the Taliban. — University of Washington Press, 2001. — 279 p.

Коргуна[66], В.Я. Белокреницкого[67], М.Р. Аруновой[68], А.А. Князева[69], А.А. Казанцева[70], С.И. Чернявского[71], А.Д. Богатурова и Е.Ф. Троицкого[72], Г.Г. Мачитидзе[73], Ю.П. Лалетина[74], И.Д. Звягельской[75], С.А. Притчина[76], исследовавших проблемы обеспечения стабильности и устойчивого развития центральноазиатского региона, а также взаимодействия входящих в него государств в контексте или с учетом ситуации в Афганистане. Вторая группа представлена авторами, прежде всего, из стран Центральной Азии (К.Л.

---

[66] Коргун В.Г. Афганский конфликт и Центральная Азия // Россия и мусульманский мир. — 2012. — № 6. — С. 106-114.

[67] Белокреницкий В.Я. Пакистан и афганский кризис // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — № 3 (60). — С. 83-91.

[68] Арунова М.Р. Афганская проблема и соседние мусульманские страны // Россия и мусульманский мир. — 2014. — № 10. — С. 119-139.

[69] См. например: Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — 640 с.; Князев А.А. История Афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. — Изд-во КРСУ. — Изд-е 2-е, переработ. и доп. — Бишкек, 2002. — 136 с.

[70] Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — М.: МГИМО-Университет, 2008. — 382 с.

[71] Чернявский С.И. Россия и Центральная Азия — проблемы двустороннего сотрудничества // Россия и Центральная Азия: новые перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и государствами Центральной Азии. — 2018. — С. 109-132.

[72] Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Ред. И.В. Болгова. — М.: НОФМО, 2010. — 104 с.

[73] Мачитидзе Г.Г. Роль Афганистана в международной стратегии России // Перспективы. — 2014. — № 2. — С. 36-40.

[74] Лалетин Ю.П. Трансафганский газопровод как фактор интеграции Афганистана в Большую Восточную Азию // Сравнительная политика. — 2010. — №1. — С. 144-165.

[75] См. например: Звягельская И.Д., Казанцев А.А. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. Рабочая тетрадь РСМД. — М.: РСМД, 2016. — 54 с.; Звягельская И.Д., Ларуэль М. Перспективы сотрудничества России и США в Центральной Азии. Совместная оценка. Доклад РСМД №14/2014. Гл. ред. И.С. Иванов. — Москва: Спецкнига, 2014. — 32 с.

[76] Притчин С.А. “Большая игра 2.0” в Центральной Азии на современном этапе. // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — № 6 (66). — С. 112-123; Притчин С.А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — № 4 (20). — С. 781-790; Притчин С.А. Центральноазиатская интеграция: ограничители и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — № 3 (69). — С. 63-73.

Сыроежкин[77], С.К. Кушкумбаев[78], М.Т. Лаумулин[79], Э.Т. Арипов[80], Р.Б. Махмудов[81], З.Т. Мураталиева[82]), уделяющими особое внимание системным угрозам стабильности, этнополитической и конфессиональной, водной и энергетической проблемам в регионе), а также исследователями из Китая, Индии, Ирана, Пакистана и ряда западных стран (напр., В. Хайнюнь[83], И. Ахмад[84], М. Ван[85], анализирующие роль региональных структур в

---

[77] См. например: Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. — Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте РК, 2006. — 299 с.; Сыроежкин К.Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений: монография. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014. —432 с.; Сыроежкин К.Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана: монография. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — 336 с.

[78] Кушкумбаев С.К. Казахстан и Центральная Азия между вызовами из прошлого и грядущего. Сборник статей, выступлений и интервью. — Астана: КИСИ при Президенте РК, 2022. — 372 с.; Kushkumbayev S., Kushkumbayeva A. Water and energy issues in the context of international and political disputes in Central Asia // Chinese Journal of International Law. — 2013. — Vol. 12. No. 2. — P. 211-218.

[79] Лаумулин М. Безопасность Центральной Азии в контексте ситуации в Афганистане после 2014 года // Центральная Азия и Кавказ. — 2013. — № 3 (16). — С. 7-23; Лаумулин М.Т. Центральная Азия в эпоху трансформации. — Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. — 464 с.

[80] Арипов Э.Т. Афганистан: время для диалога // Россия в глобальной политике. — 2024. — № 6 (22). — С. 169-176.

[81] Махмудов Р.Б. Возвращение Талибана к власти как как фактор трансформации угроз и вызовов для региональной безопасности // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — № 2 (69). — С. 65-75; Махмудов Р.Б. Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. — 2023. — № 2 (8). — С. 80-93.

[82] Мураталиева З.Т. Россия и Китай в Центральной Азии и фактор ШОС. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — 152 с.

[83] Хайюнь В. Укрепление сотрудничества в сфере безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: материалы Третьего заседания Форума ШОС (Китай, г. Пекин, 19-21 мая 2008 года). — М., 2008. — С. 91-95.

[84] Ahmad I. Shanghai Cooperation Organization: China, Russia, and Regionalism in Central Asia. // Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective. Ed.: H. Loewen, A. Zorob. — United Nations University Series on Regionalism. — 2018. — Vol. 14. — Springer, Dordrecht. — P. 119-135.

[85] Wan M. The Shanghai Cooperation Organization: The Security-Economics Nexus // Linking Trade and Security: Evolving Institutions and Strategies in Asia, Europe, and the United States. Ed.: V. Aggarwal, K. Govella. — New York: Springer, 2013. — P. 111-133.

купировании трансграничных вызовов безопасности; К. Блёэр и С. Каземи[86], А. Михр, П. Сорбелло, Б. Вайфен[87], дающие оценку влиянию афганского фактора на региональную стабильность). Вместе с тем, при всей фактологической насыщенности, данные работы носят преимущественно дескриптивный характер и часто демонстрируют дефицит теоретической концептуализации, что открывает пространство для дополнительного научного анализа. В данной связи обращает на себя особое внимание исследование К. Харпвикен и Ш. Таджбахш[88], в котором с целью осмысления роли и места Афганистана в сфере евразийской безопасности активно применяется концептуальный аппарат теории региональных комплексов безопасности (РКБ) Б. Бузана и О. Уэвера.

Наконец, в контексте всестороннего анализа деятельности ШОС на афганском направлении нельзя не обратиться к пласту теоретической литературы в рамках региональных исследований (Regional / Area Studies) и зарубежного регионоведения, поскольку именно он предоставляет инструментарий для оценки эффективности многосторонних механизмов, а также для осмысления динамики внутреннего развития таких организаций, как ШОС, и их взаимодействия с региональной средой. Отечественные региональные исследования отличаются весьма динамичным развитием и большим вниманием к вопросам изучения специфики процессов регионализации за пределами евроатлантического макрорегиона (в особенности — в Азиатско-Тихоокеанском регионе), а также к разработке

---

[86] Bleuer C., Kazemi S.R. Between Co-operation and Insulation: Afghanistan's Relations with the Central Asian Republics // Afghanistan Analysis Network. 27.06.2014. URL: https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/2014/06/20140608-Bleuer_Kazemi-Central_Asia.pdf (accessed: 02.11.2023).

[87] Mihr A., Sorbello P., Weiffen B. Securitization and Democracy in Eurasia: Transformation and Development in the OSCE Region. — Springer Cham, 2022. — 411 p.

[88] Harpviken K.B., Tadjbakhsh S. A Rock Between Hard Places: Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity. — Oxford University Press, 2016. — 224 p.

понятийного аппарата, теоретического и методологического инструментария зарубежного регионоведения. В данной связи необходимо упомянуть работы за авторством А.Д. Воскресенского[89], Е.В. Колдуновой[90], М.М. Лебедевой[91], А.А. Байкова[92], Д.А. Кузнецова[93], Ю.А. Никитиной[94], А.А. Киреевой[95], И.Л. Прохоренко[96]. Исследования незападных региональных процессов в англоязычной литературе получили своё наибольшее развитие начиная с 1990-х годов: сюда следует отнести прежде всего работы пионеров «нового регионализма» Б. Хеттне[97] и Ф. Содербаума[98], исследователя «мира регионов» П. Каценштейна[99], а также внесших значительный вклад в развитие

---

[89] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — № 2. — С. 30-58.

[90] Колдунова Е.В. Региональные трансформации в Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // Сравнительная политика. — 2019. — № 4 (10). — С. 52-64.

[91] Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Трансрегионализм — новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 5. — С. 71-84.

[92] Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 256 с.

[93] Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. — 2016. — № 7(2(23)). — С. 14-25.

[94] Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. — М.: Навона, 2009. — 200 с.; Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. — 2011. — № 2 (97). — С. 45-53.

[95] Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. — 2017. — № 2. — С. 37-57.

[96] Прохоренко И.Л. Новый регионализм и трансформация международного порядка // Пути к миру и безопасности. — 2015. — № 2. — С. 20-28.

[97] Hettne B. The New Regionalism Revisited // Theories of New Regionalism. Ed.: F. Söderbaum, T.M. Shaw. — London: Palgrave Macmillan, 2003. — P. 22-42.

[98] Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. — 1998. — Vol. 17. No. 3. — P. 6-21; Hettne B. Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Regionalisms in the Global Political Economy: Theories and Cases. Ed.: Shaun Breslin et al. — London: Routledge, 2002. — P. 33-47.

[99] Katzenstein P.J. Regionalism in Comparative perspective // Cooperation and Conflict. — 1996. — Vol. 31. No. 2. — P. 123-159; Katzenstein P.J. Regionalism and Asia // New Political Economy. — 2000. — Vol. 5, No. 3. — P. 353-368; Katzenstein P.J. Asian Regionalism. — East Asia Program, Cornell University, 2000. — 169 p.

сравнительного регионализма А. Ачарии[100], А. Джонстона[101], Ф. де Ломберда, Л. Ван Лангенхове, Ф. Баэрта[102] и других. Фундаментальное значение для понимания динамики евразийского пространства имеют наработки Б. Бузана и О. Уэвера, предложивших теорию региональных комплексов безопасности, а также внёсших заметный вклад в её адаптацию к реалиям центральноазиатского контекста 2020-х годов С. Элзинги[103], Л. Сунавар[104] и Д.С. Амабле[105]: исследования указанных авторов, в частности, позволяют преодолеть избыточный государствоцентризм классической теории РКБ, акцентируя внимание на роли транснациональных негосударственных акторов (таких, как радикальные движения и террористические сети) в формировании внутренней динамики безопасности региона. Вместе с тем, признавая значительный вклад существующих в настоящее время теоретико-концептуальных подходов в изучение региональных процессов, следует отметить, что ни один из них не обладает исчерпывающим потенциалом для объяснения рассматриваемых в настоящем исследовании аспектов функционирования ШОС, что диктует необходимость обращения к методологическому синтезу и формированию гибридной теоретической рамки.

---

[100] Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. — 2012. — Vol. 47. No. 1. — P. 3-15; Acharya A. Regionalism Beyond EU-Centrism // The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Ed.: T.A. Börzel, T. Risse. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P. 109-130.

[101] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 1-31.

[102] De Lombaerde P., Van Langenhove L., Baert F. The problem of comparison in comparative regionalism // Review of International Studies. — 2010. — Vol. 36. No. 3. — P. 731-753.

[103] Elzinga S. The Central Asian Regional Security Complex Revisited: Understanding the Implications of the US Retreat from Afghanistan // International Relations and Diplomacy. — 2021. — Vol. 9. No. 11. — P. 447-479.

[104] Sunawar L. Regional Security Complex Theory: A Case Study of Afghanistan-Testing the Alliance // Journal of Security and Strategic Analyses. — 2018. — Vol. 4. No. 2. — P. 53-78.

[105] Amable D.S. Theorizing the Emergence of Security Regions: An Adaptation for the Regional Security Complex Theory // Global Studies Quarterly. — 2022. — No. 2. — P. 1-10.

Резюмируя, представляется возможным выделить следующие исследовательские лакуны:

Во-первых, как в отечественной, так и в зарубежной литературе во многом остаётся неохваченной проблематика ограниченности институциональных механизмов ШОС и влияния этого обстоятельства на состояние афганского вопроса в повестке организации;

Во-вторых, в академическом дискурсе необходимо отметить выраженный дефицит исследований, посвящённых комплексному анализу деятельности ШОС в контексте трансформирующейся международно-политической и региональной обстановки (в том числе, связанной с ситуацией в Афганистане после 2021 года);

В-третьих, существующие исследования практически не раскрывают механизмов соотнесения политики ШОС и национальных политик стран-участниц организации в отношении Афганистана;

В-четвёртых, значительная часть работ, посвящённых проблематике безопасности на евразийском пространстве, характеризуется преобладанием анализа исторических аспектов, а также двусторонних отношений над изучением роли региональных институтов в решении афганского вопроса.

Выявленные лакуны позволяют сформулировать **научную проблему исследования**: с одной стороны, афганский фактор оказал значительное влияние на становление и определение приоритетов ШОС, а текущая нестабильность в Афганистане по-прежнему представляет большой комплекс вызовов, рисков и угроз национальным интересам её стран-членов. С другой стороны, результативность коллективных усилий ШОС на афганском направлении представляется неочевидной, а прогресс в этой сфере — ограниченным. Таким образом, наблюдаемое противоречие заключается в отсутствии комплексного объяснения дисбаланса между значимостью афганского фактора для институционального генезиса ШОС и обеспечения безопасности её государств-членов, с одной стороны, и дефицитом осязаемых

практических результатов многостороннего взаимодействия в рамках организации на афганском направлении, с другой. Это порождает необходимость выявления и анализа ключевых системных и институциональных факторов, определяющих возможности и пределы трансформации подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном, в особенности в условиях изменившейся международно-политической обстановки в рассматриваемом регионе после 2021 года.

В этой связи **исследовательский вопрос** формулируется следующим образом: в чем заключается сущность трансформации подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном и какие факторы определяют пределы возможностей организации при формировании консолидированной политики на афганском направлении, в том числе с целью минимизации трансграничных вызовов, рисков и угроз безопасности?

Объект исследования составляет деятельность Шанхайской организации сотрудничества, **предмет исследования** — афганское направление её деятельности.

Рабочая гипотеза исследования предполагает, что затруднения во взаимодействии ШОС с Афганистаном обусловлены (1) институциональным дизайном[106] самой организации; (2) различием стратегических интересов и векторов развития её стран-членов, а также их сложившимися внешнеполитическими практиками в отношениях с Афганистаном; (3)

---

[106] Здесь и далее под термином «институциональный дизайн» понимаются *«формальные и неформальные правила и организационные характеристики, которые лежат в основе института, и выступают либо в роли ограничителя поведения участников объединения, либо в качестве структуры социальной среды, в которой они осуществляют взаимодействие»* (за основу взято определение, выведенное А. Ачарией и А. Джонстоном в коллективной монографии «Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective», см. подробнее: Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 1-31).

объективной неготовностью самого афганского государства к полноценному сотрудничеству в рамках ШОС ввиду его ограниченной международной субъектности, наблюдавшейся в период иностранного вмешательства, частично сохраняющейся и позже ввиду сознательного отказа ряда участников объединения от официального взаимодействия с руководством Исламского Эмирата Афганистан.

Цель исследования состоит в выявлении сущности и динамики трансформации подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном, а также системных и институциональных факторов, определяющих потенциал и пределы возможностей организации в данной сфере.

Для достижения указанной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть теоретико-концептуальные подходы к изучению афганского фактора и определить его роль в генезисе и первоначальной институционализации Шанхайской организации сотрудничества;

2. Раскрыть специфику институционального дизайна ШОС и проследить эволюцию её деятельности на афганском направлении на различных этапах до 2021 года;

3. Оценить содержание и динамику трансформации подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном в условиях изменившейся ситуации в стране после августа 2021 года, а также обновлённой международно-политической обстановки в регионе в целом;

4. Определить ключевые позиции и интересы государств-членов ШОС в отношении Афганистана и проанализировать их влияние на выработку и реализацию консолидированной политики организации;

5. Выявить системные и институциональные факторы, обусловливающие возможности и пределы эффективности деятельности ШОС в сфере региональной безопасности применительно к афганскому вопросу.

Теоретическая основа исследования. Настоящее исследование опирается на положения теорий и концепций, получивших своё развитие в рамках региональных исследований (Regional / Area Studies) и зарубежного регионоведения. К таковым, в частности, относится разработанная исследователями т.н. «незападного регионализма» А. Ачарией и А. Джонстоном теория институционального дизайна (institutional design theory), главная мысль которых состоит в том, что институциональный дизайн, понимаемый как механизм и структура организации, отвечает потребностям государств, формирующих то или иное международное объединение[107]. При опоре на данный тезис становится возможным анализ эффективности любой региональной организации исходя из эффективности выполнения поставленных при её формировании целей. В качестве вспомогательного методологического инструментария в работе используются положения теории региональных комплексов безопасности представителей школы международных исследований, сформированной на базе Копенгагенского института исследований мира и Копенгагенского университета Б. Бузана и О. Уэвера[108], в рамках которой постулируется относительная автономия региональных процессов безопасности, а также разработанная ими в соавторстве с Я. де Вильде[109] теория секьюритизации, позволяющая интерпретировать угрозы национальной безопасности не как объективный факт, а как результат специфического речевого акта. В контексте настоящего

---

[107] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 15-16; Acharya A., Johnston A.I. Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 261-263.

[108] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 588 p.

[109] Buzan B., Waever O., De Wilde J. Security — A New Framework for Analysis. — Lynne Rienner Publishers, 1998. — 247 p.; Wæver O. Securitization and Desecuritization. Ed.: R.D. Lipschutz. — New York: Columbia University Press, 1995. — 31 p.

исследования данный подход представляет важность для анализа асимметрии подходов к решению афганского вопроса государств-членов ШОС с одной стороны, и США — с другой.

Методологическую основу исследования составляет системный подход, рассматривающий ШОС и её взаимодействие с Афганистаном как элементы целостной, многоуровневой системы региональной безопасности Евразии, в которой политические, военные, экономические и нормативные измерения находятся в отношениях взаимозависимости. Системный подход дополняется социально-конструктивистской методологией, в рамках которой угрозы, интересы и институциональные практики анализируются не как данность, а как результат дискурсивного конструирования со стороны ключевых акторов. В сочетании с неоинституциональным анализом это позволяет исследовать ШОС одновременно и как продукт, и как активного агента регионального порядка, трансформирующего свои функции и нормы под влиянием афганского фактора.

Эмпирическая стратегия исследования реализуется в рамках качественного казусно-ориентированного подхода (case-study)[110]. Отношения ШОС с Афганистаном здесь рассматриваются как критический (информативный) случай для проверки объяснительного потенциала теории институционального дизайна применительно к способности региональной организации выстраивать коллективные подходы к взаимодействию с внешним субъектом. Выбор данного направления обусловлен его особой информативностью: поскольку Афганистан как источник региональных угроз безопасности и стабильности объективно входит в ядро повестки ШОС, данный случай представляет собой своего рода «наиболее вероятный» (most-likely) случай для выявления связи между институциональным дизайном

---

[110] Гаман-Голутвина О.В. Мозаика страноведческих исследований: казусно-ориентированный подход // Сравнительная политика. — 2025. — № 1 (16). — С. 6.

организации и характером её внешнего взаимодействия[111]. Иными словами, если даже столь значимое для организации внешнее направление не сопровождается формированием отлаженных механизмов сотрудничества, это позволит сделать вывод о существенной роли внутренней институциональной архитектуры ШОС. При этом данное положение формулируется в работе как исследовательское ожидание, подлежащее проверке, а не априорное утверждение. Таким образом, афганский вопрос становится лакмусовой бумагой, проявляющей способность организации адаптироваться к меняющейся ситуации и определяющей границы её функциональных возможностей. Анализ этого случая позволит оценить, способна ли ШОС выступать в качестве эффективного механизма многосторонней координации, или же её потенциал ограничен функцией дипломатической площадки для сохранения каналов коммуникации и предотвращения открытой конфронтации между региональными элитами в условиях отсутствия солидарных подходов по важнейшим вопросам общей повестки.

Использование методологического инструментария теории институционального дизайна позволяет вписать ШОС в сравнительную перспективу региональных объединений и тем самым глубже раскрыть природу организации как продукта «нового регионализма». Вместе с тем, учитывая, что указанная теория не всегда способна в должной мере учитывать ретроспективный контекст становления региональных связей, заданная в диссертации теоретическая рамка дополняется анализом динамики двусторонних отношений отдельных государств-членов ШОС с Афганистаном в XXI веке, что позволяет компенсировать излишнюю абстрактность институционального подхода и выявить реальные драйверы

---

[111] Gerring J. Case Study Research: Principles and Practices. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — P. 213.

национальных политик, которые зачастую предопределяют многосторонний дискурс в рамках объединения.

В соответствии с задачами исследования применяются такие методы, как сравнительно-исторический анализ — для реконструкции процесса трансформации подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном и реагированию на афганский фактор на разных этапах (до 2001 г. в качестве «Шанхайской пятёрки», 2001-2021 гг., пост-2021 г.); дискурс-анализ[112] в сочетании с концептуальным анализом политических документов — для систематической реконструкции дискурса США в отношении Афганистана (корпус стратегий национальной безопасности США за 2001-2021 гг., аналитические категории «слабое/несостоявшееся государство», «убежище террористов», «угроза со стороны талибов»); институциональный анализ — для изучения параметров институционального дизайна ШОС через призму теоретического подхода А. Ачарии и А. Джонстона; структурно-региональный анализ — в логике РКБ для реконструкции конфигурации угроз и паттернов взаимодействия на евразийском пространстве безопасности с учётом афганского фактора; SWOT-анализ[113] — для системной оценки позиций и стратегий государств-членов ШОС в их отношениях с Афганистаном и для объяснения их влияния на коллективную позицию в рамках организации. При этом важно отметить, что SWOT-анализ, изначально разработанный для корпоративного стратегического планирования, в данном исследовании адаптирован для анализа позиций государств и региональных организаций в международных отношениях. Адаптация заключается в переосмыслении внутренних факторов (strengths, weaknesses) как характеристик ресурсного

---

[112] Fairclough N. Discourse and Social Change. — Cambridge: Polity Press, 1992. — P. 62-63, 73-74.

[113] Helms M.M. Exploring SWOT analysis — where are we now? A review of academic research from the last decade // Journal of Strategy and Management. — 2010. — Vol. 3. No. 3. — P. 215-251.

потенциала, географического положения, институциональных возможностей и внешнеполитического инструментария актора, тогда как внешние факторы (opportunities, threats) трактуются как элементы региональной конъюнктуры, включая динамику угроз безопасности, экономические возможности и конкуренцию влияния.

Ввиду специфики исследовательских задач методы применяются избирательно: дискурс-анализ используется точечно — на этапе реконструкции дискурса США (глава 1), тогда как на последующих этапах, связанных с институциональной динамикой ШОС и позициями групп акторов, применяются институциональный, сравнительно-исторический и SWOT-анализ. Избирательность применения методов обусловлена не их неполнотой, а соответствием конкретных инструментов специфике эмпирического материала и задачам каждого этапа исследования. Таким образом, методологический каркас работы является междисциплинарным и многоуровневым; подобная конфигурация позволяет комплексно исследовать трансформацию подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном и оценить перспективы его полноценной интеграции в организацию.

Источниковая база исследования состоит из следующих групп материалов:

1. Основополагающие и международно-правовые акты ШОС, её регламентирующие и структурные документы (Декларация о создании ШОС, Хартия ШОС, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Соглашение между государствами-членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре 2002 г., Протокол Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан о создании Контактной группы «ШОС — Афганистан» 2005 г., Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества 2010 г.);

2. Документы многостороннего политического взаимодействия (декларации по итогам саммитов ШОС, совместные коммюнике по итогам

встреч глав правительств и министров иностранных дел, совместные заявления участников Московского формата консультаций по Афганистану и других ad hoc форматов, посвящённых афганской проблематике);

3. Национальные правовые акты и документы стратегического планирования государств-членов ШОС в сфере внешней политики и безопасности, в случае упоминания там Афганистана;

4. Официальные заявления и публичная дипломатия (стенограммы выступлений лидеров и высокопоставленных должностных лиц стран-членов ШОС и Афганистана, официальные комментарии представителей МИД, заявления спецпредставителей по Афганистану);

5. Информационно-аналитические и статистические материалы (количественные данные и мониторинговые показатели динамики двустороннего товарооборота отдельных стран-членов ШОС с Афганистаном).

Область исследования соответствует пункту №8 «Внешнеполитическая деятельность субъектов международных отношений в области национальной, региональной и глобальной безопасности. Субъекты международных отношений. Проблемы национальной безопасности в международных отношениях. Системы региональной и глобальной безопасности» паспорта специальности ВАК 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» и приоритетному направлению научных исследований МГИМО №1 (Международные отношения, безопасность, политика / International Relations, Security, Politics).

Хронологические рамки настоящего диссертационного исследования охватывают период начиная с 2001 года, что обусловлено, во-первых, созданием самой Шанхайской организации сотрудничества, а во-вторых — началом современного этапа развития Афганистана, который в литературе принято отсчитывать с момента свержения режима талибов в ходе

проводившейся США и их союзниками операции «Несокрушимая свобода»[114]. Поскольку исследование предполагает изучение процесса, развитие которого еще не прекратилось, завершение рассматриваемого периода будет определяться временем окончания работы над настоящей диссертацией. Промежуточной «вехой» в работе выступает произошедший в августе 2021 года приход к власти правительства Движения талибов в Афганистане, качественно и принципиально изменивший характер его отношений со странами-членами ШОС. В ряде случаев возможно и иное расширение хронологических рамок для решения поставленных в исследовании задач.

Научная новизна настоящего исследования определяется самой постановкой научной проблемы и рассмотрением круга вопросов, не являвшихся ранее предметом целостного научного анализа. Данная работа является первой в своем роде попыткой комплексного осмысления афганского направления деятельности Шанхайской организации сотрудничества посредством синтетического теоретико-методологического подхода, сочетающего положения теорий институционального дизайна (А. Ачарии и А. Джонстона) и региональных комплексов безопасности (Б. Бузана и О. Уэвера), позволившего отойти от описательного подхода и выявить системные факторы, определяющие специфику работы объединения в данной сфере. Кроме того, в научный оборот была введена авторская периодизация деятельности ШОС на афганском направлении, включающая анализ новейшего этапа (после августа 2021 года); были выявлены специфические вызовы, с которыми объединение столкнулось в условиях перехода Афганистана к новому политическому режиму и прекращения прямого иностранного военного присутствия; наконец, было раскрыто противоречие между декларативным единством стран-участниц ШОС по вопросам

---

[114] Акимбеков С.М. История Афганистана. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — С. 662.

региональной безопасности и фактической фрагментацией их подходов к афганскому урегулированию.

Положения, выносимые на защиту:

1. Афганский фактор выступил в качестве одного из важнейших стимулов институционального оформления ШОС. Принимая во внимание специфику географического положения Афганистана, а также фактор высокой проницаемости границ этого государства с рядом стран, относящихся к разным региональным комплексам безопасности (к центральноазиатскому «подкомплексу» постсоветского пространства, Ближнего Востока, Восточной и Южной Азии), Афганистан способен выступать не только как «государство-инсулятор», но и как «связующее звено» между упомянутыми комплексами. Это обусловило устойчивую взаимосвязанность интересов безопасности входящих в него государств, включая великие державы в лице России и Китая. В данном контексте формирование ШОС наряду с последующим присоединением к ней Индии, Пакистана и Ирана представляется закономерным ответом на высокую степень корреляции угроз безопасности на евразийском пространстве. В период институционального оформления ШОС её участникам удалось достичь политического консенсуса в определении т.н. «трёх зол» в лице терроризма, сепаратизма и экстремизма, в то время как события в Афганистане (напр., приход Движения талибов к власти в 1996 году и их поддержка действовавших в Центральной Азии экстремистских группировок) послужили подтверждением необходимости совместного ответа на общерегиональные угрозы. В данной связи представляется обоснованным предположение, что афганский фактор выступил одним из ключевых катализаторов многостороннего взаимодействия, без которого государства «Шанхайской пятерки» (а в дальнейшем и ШОС) не имели бы столь значимых стимулов для углубления партнерства и формирования общей повестки в сфере безопасности. Другими словами, коллективная идентичность ШОС сформировалась во многом именно через отношение к Афганистану как к

главному источнику угроз в ближайшем окружении государств объединения. В свою очередь, ШОС, по замыслу её участников, среди прочего должна была служить площадкой для обсуждения афганского вопроса и выработки коллективных подходов к его решению, а также многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном, в частности, после 2005 года — в рамках Контактной группы «ШОС — Афганистан».

2. Сформированная в соответствии с духом и логикой «нового регионализма», ШОС — это региональная организация с широкой повесткой, где страны-участницы в первую очередь объединены стремлением сохранить и укрепить собственные суверенитеты в условиях международно-политической турбулентности формирующегося полицентричного миропорядка. Организация демонстрирует большинство признаков незападных региональных объединений, характеризуясь сравнительно невысоким уровнем институционализации, что свидетельствует о стремлении стран-участниц не к углублению региональной взаимосвязанности, а к сохранению своих автономий и суверенитетов наряду с улучшением ситуации с безопасностью в регионе (т.е. устранением угроз стабильности). И именно этим целям отвечает её институциональный дизайн, не предполагающий наличия наднациональных органов. Уникальность ШОС проявляется в возможности поддерживать операционную дееспособность, несмотря на наличие конфликтного потенциала в отношениях между отдельными участниками. В данном контексте сохранение регулярного формата встреч и преемственность повестки дня при столь значительном расхождении национальных интересов и исторического опыта государств-членов является достаточным индикатором успеха ШОС как механизма региональной стабилизации. Данный вывод наряду с учётом исторического опыта взаимодействия стран региона с Афганистаном позволяет интерпретировать перманентные трудности в выработке коллективных подходов ШОС на афганском направлении не как несостоятельность самой организации, но как

закономерное следствие разнонаправленности национальных интересов её участников, стремящихся совмещать приверженность базовым принципам «шанхайского духа» с сохранением своей внешнеполитической автономности в рамках незападной модели регионализма.

3. Начиная с 2001 года международная субъектность Афганистана носила ограниченный характер, пройдя в своем развитии два качественно отличных этапа. Если до 2021 года этот дефицит субъектности был обусловлен иностранным военным присутствием и зависимостью Кабула от внешней материальной поддержки, то затем он стал связан с консолидированным отказом целого ряда ключевых мировых и региональных акторов от налаживания официальных дипломатических контактов с новым афганским правительством, сохранением санкционного режима в отношении руководства Движения талибов и недопущением их участия в работе ООН. Данный фактор также послужил одним из критических барьеров для развития формализованного взаимодействия государств региона с Афганистаном в рамках ШОС, что сделало невозможным полноценное использование существующих специализированных форматов сотрудничества, выражаясь в настоящее время в фактической «заморозке» статуса Афганистана как государства-наблюдателя при организации и в приостановке деятельности Контактной группы «ШОС — Афганистан».

4. Специфика институционального дизайна ШОС, включающего широкую сферу компетенций, консультативный характер полномочий, консенсусный принцип принятия решений, нацеленность на урегулирование вопросов безопасности между самими участниками, а также инклюзивное членство значительного числа евразийских государств, часть из которых придерживается полярных внешнеполитических позиций по ключевым вопросам региональной повестки, предопределила её ограниченную эффективность как механизма многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном как с внешним субъектом. В текущей

институциональной конфигурации роль организации сводится скорее к консультативной, исключая согласование и принятие конкретных коллективных решений по афганской проблематике. Представляется, что именно по причине отсутствия определённого регионального консенсуса государств-членов не только по вопросу принятия Афганистана, уже обладающего статусом наблюдателя, в ряды ШОС, но и в принципе допустимости официального взаимодействия с правительством Движения талибов, обсуждение данной проблематики в рамках организации остаётся нерезультативным. Вместе с тем, учитывая имманентную ориентацию механизмов ШОС на внутренний периметр безопасности, представляется, что повышение эффективности её работы на афганском направлении возможно лишь в условиях интеграции самого Афганистана в структуру организации как полноправного государства-члена.

5. Трансформация подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном была обусловлена двумя параллельными процессами: с одной стороны — изменением состава и институциональным строительством самой организации, с другой — динамикой внутриполитических преобразований в афганском государстве. Расширение членства ШОС в 2017 и в 2023 году произошло за счёт как непосредственных (Пакистан и Иран), так и региональных (Индия) соседей Афганистана, обладавших многолетним опытом взаимодействия с этим государством на двусторонней основе, устоявшимися внешнеполитическими практиками и специфическими интересами в отношениях с ним. Их отношения с Афганистаном по вполне понятным причинам отличаются наибольшей интенсивностью, а в первом случае также осложняются за счёт фактора многочисленных афганских диаспор, проживающих в упомянутых странах, и, кроме того, наделены выраженным конфликтогенным потенциалом. В данной связи, а также учитывая специфику институционального дизайна объединения, по мере роста числа его участников достижение консенсуса по многим вопросам,

затрагивающим многостороннее взаимодействие с Афганистаном, становилось всё более трудным и всё менее вероятным, а коллективные позиции по афганскому вопросу претерпевали «выхолащивание». Одновременно период иностранного военного присутствия в Афганистане до августа 2021 г. выступал в ряде случаев ключевым фактором эрозии национального суверенитета страны, фактически исключая возможность реализации Кабулом самостоятельного внешнеполитического вектора развития.

6. Поскольку до нынешнего момента ШОС не смогла превратиться в действенную площадку многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном, большая часть инициатив в этой сфере осуществляется странами-участницами организации без её непосредственного вовлечения. Данное обстоятельство, помимо специфики институционального дизайна самой ШОС, не в меньшей степени обусловлено стремлением её участников сотрудничать с Афганистаном либо задействуя более «гибкие» региональные механизмы, либо же на двусторонней основе по вопросам, представляющим взаимный интерес. В последние годы именно второй формат представляется для государств региона наиболее привлекательным и реализуется на практике.

Апробация отдельных положений диссертационного исследования была проведена в ходе ряда научных конференций:

24-25 апреля 2025 г. Международная конференция молодых ученых ИМЭМО РАН «Модели развития: в активном поиске» (секция «Политическое развитие: институты и акторы»), тема доклада «Политические трансформации в Афганистане: от неудавшегося “демократического эксперимента” до модели Исламского Эмирата»;

28-30 апреля 2025 г. VII всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Осмысляя Восток» Восточного факультета ГАУГН совместно с Институтом востоковедения РАН (секция «Евразийские

исследования»), тема доклада «Потенциал “нового регионализма” в изучении деятельности ШОС»;

12 ноября 2025 г. Международная научная конференция Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы «Безопасность и развитие в Центральной Евразии» (секция «Афганистан сегодня: вызовы безопасности и экономического развития»), тема доклада «“Афганский фактор” в повестке ШОС: что препятствует прогрессу?».

23-24 апреля 2026 г. Международная конференция молодых ученых ИМЭМО РАН «“Институциональный” подход: 70 лет традиций ИМЭМО глазами молодых ученых» (секция «Миропорядок и ТМО: новые аналитические ракурсы»), тема доклада «Теория институционального дизайна как инструмент осмысления специфики ШОС (на примере взаимодействия с Афганистаном)».

2 июня 2026 г. XI Международная конференция Российского совета по международным делам (РСМД) и Китайской академии общественных наук (КАОН) «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху», сессия молодых исследователей-международников «Россия и Китай в мировом порядке: партнерство нового поколения» (секция «Россия и Китай в Евразии: создание архитектуры безопасности, развитие диалога с региональными игроками и повышение связанности»), тема доклада «Подходы России и Китая к взаимодействию с Афганистаном после 2021 года и роль ШОС в их реализации».

Основные результаты диссертационного исследования отражены в **публикациях** автора в научных изданиях, индексируемых в международной базе данных Scopus, а также входящих в перечень ВАК РФ и базу данных RSCI:

Гулам Н. Афганский вопрос на площадке ШОС: между декларативной и реальной политикой // Международные процессы. — 2025. — Т. 23, № 4 (83).

— С. 129-147. DOI: 10.46272/IT.2025.23.4.83.2 **(Scopus, RSCI, Перечень ВАК)**;

Гулам Н.Я. Сравнительный регионализм в изучении деятельности ШОС: возможности применения // Международная аналитика. — 2026. — № 1 (17). — С. 30-50. DOI: 10.46272/2587-8476-2026-17-1-30-50 **(RSCI, Перечень ВАК)**;

Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 2 (16). — С. 98-117. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117 **(RSCI, Перечень ВАК)**;

Гулам Н.Я. «Афганский фактор» в сфере евразийской безопасности: эволюция восприятия и роль в формировании повестки ШОС // Постсоветские исследования. — 2026. — № 5 (9). — С. 684-694. **(Перечень ВАК)**;

Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — № 4 (6). — С. 426-436. DOI: 10.24412/2618-7426-2023-4-426-436 **(Перечень ВАК)**.

В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г., в целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание в том числе укреплению потенциала и повышению международной роли Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов с весомым участием России[115]. В таком контексте **практическая и теоретическая значимость** настоящего исследования обусловлена получением аналитических результатов, которыми в дальнейшем

---

[115] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 27.02.2025).

смогут воспользоваться отечественные профильные ведомства, ответственные за выработку и реализацию внешнеполитической стратегии Российской Федерации на афганском направлении в том случае, если руководство страны посчитает нужным либо в соответствии с государственными и национальными интересами, либо на основе соответствующего запроса со стороны других стран-участниц ШОС видоизменить существующую на сегодняшний день стратегию организации в отношениях с Афганистаном.

Структура работы определяется целью, логикой и задачами исследования и состоит из введения, трёх глав с параграфами и подпунктами, заключения, списка источников и литературы, а также приложений.

В *первой главе* исследован генезис афганского фактора в системе евразийской безопасности, проанализированы теоретико-концептуальные подходы к его изучению, а также определена его роль в процессе первоначальной институционализации ШОС с одной стороны, и в политическом дискурсе США как наиболее влиятельного внерегионального игрока на евразийском пространстве — с другой. Для решения поставленных задач был проведён анализ идейной основы и международного контекста формирования ШОС, а также выявлены и интерпретированы специфические черты афганской государственности к началу XXI века, т.е. за рамками непосредственной хронологии исследования.

Во *второй главе* обосновывается применимость инструментария сравнительного регионализма (в особенности — теории институционального дизайна А. Ачарии и А. Джонстона) к анализу деятельности ШОС на афганском направлении. ШОС раскрывается как специфический, аутентичный региональный формат сотрудничества, появление которого на рубеже 1990-2000-х гг. на евразийском пространстве представляется логичным и обоснованным, и при этом высвечиваются очевидные ограничения, свойственные этой организации наряду с большинством современных региональных институтов, созданных в соответствии с духом и логикой

«нового регионализма». Кроме того, были выявлены и проанализированы системные противоречия, препятствовавшие выработке и реализации эффективных совместных подходов в рамках ШОС к взаимодействию с Афганистаном как до, так и после возвращения к власти Движения талибов в этой стране в августе 2021 года.

В *третьей главе* оценивается влияние национальных интересов и сложившихся внешнеполитических практик в отношениях с Афганистаном конкретных государств-членов ШОС и их групп на деятельность организации на афганском направлении. К рассмотрению были отобраны страны, на системной основе принимающие участие в многосторонних региональных форматах, посвящённых афганской проблематике, и обладающие высокой степенью заинтересованности как в стабилизации обстановки внутри Афганистана, так и в урегулировании вопросов, связанных с его международно-политическим статусом. В целях обоснования мирополитических различий между указанными странами был задействован аналитический инструментарий теории региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера.

Глава 1. Теоретико-концептуальные подходы к изучению афганского фактора и его роль в становлении ШОС

Создание Шанхайской организации сотрудничества пришлось на один из переломных этапов в развитии всего евразийского пространства. События, которые происходили в тот период не только здесь, но и во всём остальном мире, не могли не накладывать свой отпечаток на становление данной региональной структуры, формулирование её целей, приоритетов, международной идентичности. Одним из главных сюжетов, обращавших на себя особое внимание государств-членов ШОС в первые годы её существования, была, очевидно, ситуация в Афганистане, а также небывалое по своему масштабу вмешательство внерегиональных игроков во внутренние дела данного государства.

В задачи настоящей главы входит рассмотрение генезиса афганского фактора в сфере евразийской безопасности и теоретико-концептуальных подходов к его изучению, определение его роли в процессе первоначальной институционализации Шанхайской организации сотрудничества, а также повестки безопасности государств евразийского пространства с одной стороны, и США как наиболее значимого внерегионального игрока, чьё присутствие в Афганистане до 2021 года фактически выступало в качестве определяющего фактора для региональной стабильности для Центральной и Южной Азии — с другой. Для решения указанных задач представляется важным рассмотрение идейной основы и международного контекста формирования ШОС, и, кроме того, выявление и интерпретация специфических черт, присущих афганскому государству к началу XXI века (т.е. за пределами непосредственно хронологических рамок настоящего исследования).

§1.1. Эволюция афганского фактора в системе евразийской безопасности: генезис, политологические подходы к интерпретации и роль американского дискурса

На сегодняшний день большинство подходов существующих парадигм в рамках теории международных отношений признаёт национальное государство в качестве главного (а в ряде случаев — единственного) и полноценного субъекта международных отношений; в свою очередь, господствующее в современной политической науке понимание природы и отличительных черт национальных государств продолжает опираться на определение, данное немецким социологом М. Вебером в первой четверти XX века, предполагающее наличие у подобных общностей такого ключевого признака, как монополия на легитимное применение насилия в пределах определённой территории, который и должен отличать государство от любых других человеческих сообществ и организаций[116]. Иными словами, имеется в виду ситуация, когда подавляющее большинство населения не ставит под сомнение необходимость подчинения высшему авторитету в лице государства и его центральных властей, а также способы, которыми оно осуществляет своё управление. Позднее появились другие определения национального государства, одно из которых предложил, в частности, Б. Андерсон, описавший его как *«воображаемое политическое сообщество»*, многочисленные члены которого в виду объективных причин не могут знать друг друга в лицо, однако, несмотря на это, продолжают считать себя его частью[117]. Иными словами, существование государства здесь напрямую связывается с формированием общенациональной идентичности у его граждан. Появление подобных сообществ здесь увязывается прежде всего с

---

[116] Вебер М. Политика как призвание и профессия / Перевод с немецкого и вступительная статья А. Ф. Филиппова; редактор А. А. Рындин. — М.: Рипол-классик, 2018. — С. 41.

[117] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 47.

социально-политическими процессами, происходившими в странах Европы и Америки на рубеже XVIII—XIX веков во время кризиса религиозного мышления, когда оно стало постепенно вытесняться идеями общности на основе принадлежности к одной нации[118]. В целом же можно говорить о том, что большинство исследователей считают явление национальных государств характерным прежде всего для Европы, однако с появлением ООН и закреплением итогов деколонизации этот подход, по сути, был автоматически распространён и на весь остальной мир[119].

Говоря же о генезисе афганского фактора в сфере евразийской безопасности, нельзя обойти вниманием специфику государственности Афганистана, поскольку эта страна по многим своим параметрам не вполне вписывается в классическое определение национального государства, принятое в современной политической науке, что зачастую существенно осложняет взаимодействие с этой страной как на международном, так и на региональном уровне. В данной связи представляется необходимым и важным прибегнуть к историко-проблемному анализу истоков модели афганского государства и принципов, которые легли в его основу для лучшего понимания причин его перманентной нестабильности. Кроме того, в качестве аналитической рамки для осмысления места Афганистана в архитектуре евразийской безопасности выступает теория региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера. Это позволяет раскрыть механизмы восприятия афганского фактора внерегиональными державами (на примере США), равно как и обосновать его значимость в качестве структурообразующего элемента при формировании Шанхайской организации сотрудничества.

---

[118] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 102.

[119] States and the Transnational // Sciences Po. 28.09.2018. URL: https://espace-mondial-atlas.sciencespo.fr/en/topic-strategies-of-transnational-actors/article-3A02-EN-states-and-the-transnational.html (accessed: 20.09.2026).

Вместе с тем анализ эволюции подходов ШОС к афганскому вопросу требует детального рассмотрения внешней международно-политической и дискурсивной среды, в которой происходило становление организации. Ключевым элементом этого контекста после 2001 года выступила секьюритизация афганского кризиса со стороны США. Концептуализация Афганистана в американском политическом дискурсе в качестве «несостоявшегося государства» (“failed state”) и последовательная политико-правовая маргинализация Движения талибов в значительной степени определили специфику международного восприятия угроз на афганском направлении. Исследование данного сюжета методологически необходимо для того, чтобы проследить, как навязанный извне алармистский нарратив «глобальной войны против терроризма» повлиял на первоначальный институциональный дизайн ШОС и предопределил специфику восприятия афганского фактора евразийскими государствами.

1.1.1. Специфика афганской государственности: диалектическое соотношение институтов центральной власти и сетевых структур социума

Сравнительно молодое по историческим меркам афганское государство, «прототип» которого — Дурранийская империя — формально был основан в 1747 году пуштунскими племенными старейшинами, изначально представляло собой конфедерацию племён, во главе которой был поставлен видный пуштунский военачальник Ахмад-шах Абдали[120]. Неспокойное окружение вынуждало пуштунские племена на протяжении почти всей своей истории непрерывно поддерживать высокую боеспособность своих ополчений, в связи с чем оружие считалось среди них необходимым атрибутом повседневной жизни и было распространено среди афганцев настолько

[120] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. — М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения), 2004. — С. 6.

широко, что им владел практически каждый[121]. Их переходу к оседлому ведению хозяйства не способствовали суровые климатические и географические условия — в частности, дефицит плодородных земель и циклические засухи, из-за чего местное население практически никогда не могло прокормиться за счёт земледелия[122]. В результате основным занятием пуштунских племён на протяжении долгого времени оставались военные походы на соседей, прежде всего на Персию и Индию. Учитывая транзитный статус территорий исторического Афганистана, контроль над караванными путями (выражавшийся как в форме вооруженного патронажа, так и в виде прямых набегов) являлся закономерной основой экономической жизнедеятельности многих пуштунских племен и, в отличие от традиционного аграрного производства, представлял собой наиболее рентабельную форму хозяйствования местного населения[123]. Как подчёркивают М.Р. Арунова и Ю.П. Лалетин, созданная под началом Ахмад-шаха Абдали и его сторонников афганская держава представляла собой *«государство завоевателей»*, где внешняя экспансия и конфликты с сопредельными государствами консолидировали интересы центральной власти и племенной элиты всех уровней: если для шаха успешные кампании служили инструментом легитимации и укрепления личного авторитета, то для местных лидеров они выступали надежным механизмом получения ресурсов за счет военной добычи[124]. Высокая эффективность военных кампаний (за первые полвека с момента основания государства афганская армия предприняла около двадцати

---

[121] Лалетин Ю.П. Политсистема Афганистана как идеальный тип: воздействие племён. — Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. — С. 20.

[122] Рейснер И.М. Независимый Афганистан. — Москва: [Московский ин-т востоковедения им. Н. Н. Нариманова при ЦИК СССР], 1928 (книжная фабрика Центр. изд-ва народов СССР). — С. 75.

[123] Там же. С. 21; Паничкин Ю.Н. Образование и распад первого афганского государства «Империи Дуррани» // Успехи современного естествознания. — 2013. — № 5. — С. 28.

[124] Арунова М.Р., Лалетин Ю.П. Очерки средневековой и новой истории Афганистана / Отв. ред. В.Г. Коргун. М.: РУДН, 2010. — С. 80.

крупных походов, преимущественно на Северо-Западную Индию) определялась как воинским мастерством и заимствованными в ходе службы у персидского шаха методами организации войск, так и системным кризисом сопредельных держав[125]. При этом необходимо подчеркнуть, что афганская армия рассматриваемого периода, несмотря на высокую оценку её эффективности в исследовательской литературе, объективно не являлась монолитной структурой. Она представляла собой конгломерат племенных формирований, которые лишь номинально находились под общим командованием шаха, де-факто оставаясь в непосредственном подчинении собственных лидеров[126].

В обмен на лояльность центру племена пользовались широкой автономией, были освобождены от уплаты налогов и податей[127]. Однако в начале XIX века империя столкнулась с внутренним кризисом и начала терять завоёванные территории[128]. Что касается современных границ Афганистана, то их формирование было в большей степени связано не с внутриафганскими процессами, а с внешними: как отмечает С. Акимбеков, его образование в нынешних границах стало побочным результатом геополитического противостояния России и Великобритании в рамках т.н. «Большой игры», когда страна оказалась как бы «зажата» между среднеазиатскими и индийскими владениями двух держав соответственно, превратившись таким образом в разделяющее их буферное государство[129].

---

[125] Арунова М.Р., Лалетин Ю.П. Очерки средневековой и новой истории Афганистана / Отв. ред. В.Г. Коргун. М.: РУДН, 2010. — С. 80.

[126] Ганковский Ю.В. История вооруженных сил Афганистана, 1747-1977 / [Ю. В. Ганковский, А. И. Полищук, М. Ф. Слинкин; Отв. ред. Ю. В. Ганковский. — М.: Наука, 1985. — С. 5.

[127] Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан: история, экономика, культура. — М.: Наука, 1989. — С. 44.

[128] Акимбеков С.М. История Афганистана. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — С. 62.

[129] Там же. С. 124; Варис М. «Зона племён» в социально-политическом развитии Афганистана (1880-1980 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. — М.: МГИМО (У) МИД России, 1995. — С. 80.

В сложившихся исторических условиях дальнейшие процессы национальной консолидации и государственного строительства в Афганистане столкнулись с рядом фундаментальных ограничений, в ряду которых особое место занимает ***взаимосвязь географического фактора и племенной структуры населения***. Консервации родоплеменной организации афганского общества способствовала специфика физико-географических условий региона: в горной местности могли расселиться лишь небольшие группы местного населения, которые к тому же оказывались изолированными друг от друга, а в таких условиях племенная самоорганизация наряду с племенным мышлением оказались не только весьма эффективными, но и надолго «законсервированными»[130]. Среди прочих характерных черт важным атрибутом племени, в отличие от деревни, является его мировосприятие, которое игнорирует наличие любых территориальных границ, и особенно государственных[131]. В свою очередь, племена традиционно выполняли большинство функций, присущих государству, то есть именно в рамках племени решались земельные и водные вопросы и споры, взимались налоги, происходил набор в армию и т.д.[132]. Пуштунское племя даже отчасти в XX в. представляется автономным, самодостаточным социальным институтом, который в большинстве случаев по своим функциям (оборона и обеспечение общественного порядка, перераспределение доходов, поддержка уязвимых слоёв населения) был способен заменить собой институт государства, которое, наряду с институтом центрального правительства, в такой ситуации, по

---

[130] Лалетин Ю.П. Политсистема Афганистана как идеальный тип: воздействие племён. Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. — С. 14.

[131] Там же.

[132] Ганковский Ю.В. История вооруженных сил Афганистана, 1747-1977 / [Ю. В. Ганковский, А. И. Полищук, М. Ф. Слинкин; Отв. ред. Ю. В. Ганковский. — М.: Наука, 1985. — С. 88.

большому счёту, часто оказывалось ненужным афганцам[133]. Племена представляли собой полноценные и самостоятельные хозяйственно-административные единицы, в рамках которых, по выражению Ю.В. Ганковского, *«замыкалась деятельность основных масс афганцев»*[134]. Кроме того, на территориях, подконтрольных племенам, именно в руках их старейшин, а не центра, находилась вся полнота власти[135]. Вместе с тем многие авторы подчёркивают условность использования понятия «племя» применительно к социальной структуре афганского общества XX века, поскольку в данном контексте оно не является синонимом дофеодальной или архаичной родоплеменной организации[136]. Как отмечал ещё в середине 1990-х гг. М. Варис, *«крупные племенные объединения и племена в ходе своей длительной эволюции постепенно утратили прежнее, исторически укрепившееся этническое содержание и превратились ныне скорее в территориальные образования, в территориальные части пуштунского народа»*[137].

Существенным лимитирующим фактором на пути консолидации афганской государственности в XX веке выступала ***ограниченная дееспособность институтов центральной власти***, не обладавшей достаточными ресурсами для эффективного контроля периферии. В период существования первого афганского протогосударства — Дурранийской империи — власть основанной Ахмад-шахом Абдали династии зиждилась на

---

[133] Лалетин Ю.П. Политсистема Афганистана как идеальный тип: воздействие племён. Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. — С. 19.

[134] Ганковский Ю.В. История вооруженных сил Афганистана, 1747-1977 / [Ю. В. Ганковский, А. И. Полищук, М. Ф. Слинкин; Отв. ред. Ю. В. Ганковский. — М.: Наука, 1985. — С. 87.

[135] Там же.

[136] Этнические процессы в современном мире / [Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, С.А. Арутюнов и др.]; Отв. ред. Ю.В. Бромлей, АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1987. — С. 8.

[137] Варис М. «Зона племён» в социально-политическом развитии Афганистана (1880-1980 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. — М.: МГИМО (У) МИД России, 1995. — С. 90.

хрупком компромиссе, который был нарушен практически сразу же после его кончины. Первые значительные попытки централизации государства были предприняты лишь к концу XIX века, после завершения череды англо-афганских войн, эмиром Абдуррахман-ханом, который столкнулся с тем, что за весь этот весьма долгий период автономного существования территории, населённые пуштунскими племенами (которые к тому моменту частично перешли к оседлому образу жизни), оказались практически неподконтрольны центральной власти[138]. «Особое положение» племён, не плативших налогов в казну, стало слишком дорого обходиться афганскому государству, а недостаток доходов, в свою очередь, привёл к тому, что центру не удавалось укрепить своё влияние на всей территории, населенной лояльными племенами. Попытки монархии в конце XIX века форсированно централизовать афганское государство при помощи серии реформ, в том числе радикальным образом повлиявших на положение племён (в частности, было отменено их денежное содержание, вместо этого они сами должны были начать платить налоги в пользу государства) вполне ожидаемо привели к их недовольству и восстаниям, на что эмир, в свою очередь, ответил массовыми репрессиями[139]. В целом, можно говорить о том, что к началу XX века Афганистан — на тот момент эмират, формально находившийся под протекторатом Великобритании и лишённый по итогам Второй англо-афганской войны возможности проводить независимый внешнеполитический курс, оставался весьма отсталым государством даже по меркам соседних стран и территорий (чему в том числе способствовало его затяжное вовлечение в вооружённые конфликты с англичанами). Тем не менее первые и весьма важные шаги по укреплению позиций центральной государственной власти (фактически — начало процесса внутреннего государственного строительства) в Афганистане были сделаны

---

[138] Акимбеков С.М. История Афганистана. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — С. 109.
[139] Там же. С. 114.

именно тогда, и заключались они том, что пуштунские племена были лишены ряда своих привилегий, благодаря которым они могли поддерживать автономное от центра существование. Большинство исследователей сходится во мнении, что эмиру Абдуррахман-хану принадлежит заслуга изменения способа управления страной, а именно переход от т.н. «племенной» монархии к неограниченной[140]. Но несмотря на успешную политическую маргинализацию племён, а также духовенства, данные институты сохранили свой традиционный авторитет, а вместе с ним — значительный потенциал влияния на афганское общество, что позволяло им оставаться значимыми неформальными акторами даже в условиях формального подчинения государственной власти[141].

В качестве ещё одного важного фактора слабости центральной власти в Афганистане необходимо упомянуть ***отсутствие постоянного и стабильного дохода в государственную казну*** (что объяснялось описанной ранее неспособностью обеспечить его за счёт налогов с зависимого населения); как указывает С. Акимбеков, у государства по этой причине *«было недостаточно средств даже для поддержания собственного статуса»*[142]. Данная особенность обусловила развившуюся впоследствии зависимость Кабула от материальной поддержки из-за рубежа, потребность в которой стала константой афганской политики после восстановления суверенитета, подрывавшей устойчивость государственной власти в долгосрочной перспективе[143]. В результате лишенный инструментов мобилизации

---

[140] Рубин Б. Афганистан. Что о нем нужно знать каждому / Б. Рубин, Д. Мэнсфилд, Н. Бижан, А. Джустоцци [пер. с англ. М. Тарасов]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — С. 47.

[141] Лалетин Ю.П. Политсистема Афганистана как идеальный тип: воздействие племён. Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. — С. 18; Акимбеков С.М. История Афганистана. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — С. 178.

[142] Акимбеков С.М. История Афганистана. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — С. 773.

[143] Murtazashvili J.B. Afghanistan: A Vicious Cycle of State Failure // Governance. — 2016. — Vol. 29. No. 2. — P. 164.

внутренних ресурсов и не имеющий доступа к стабильным налоговым поступлениям, афганский государственный аппарат оказывался в ситуации структурной зависимости от внешней поддержки, которая становилась практически единственным условием его выживания.

Прямым следствием системной незавершенности процессов национальной консолидации Афганистана стал ***устойчивый дефицит общенациональной идентичности***, при котором слабость институтов центральной власти компенсировалась усилением традиционных локальных идентичностей, что в конечном итоге способствовало закреплению внутренней разобщённости афганского социума. Во-первых, наряду с трайбалистской фрагментированностью пуштунского этноса, фактором дезинтеграции выступала в целом выраженная этническая гетерогенность территорий, вошедших в состав афганского государства в период его формирования. Несмотря на то, что пуштунов принято считать его государствообразующим этносом, оно также было населено многочисленными представителями других этнических групп, в совокупности составлявших более половины всего афганского населения: помимо крупнейших в лице таджиков, узбеков и хазарейцев также известны около двадцати этносов (аймаки, туркмены, белуджи, нуристанцы, пашаи, памирские народы и т.д.), каждый из которых отличался ярко выраженной культурно-лингвистической самобытностью[144]. Во-вторых, необходимо отметить, что свою идентичность афганцы зачастую склонны связывать в первую очередь со своим ближайшим родственным окружением (родом или племенем: «хель», «кабила», «каум» и т.д.), с родной местностью (уезд, город, провинция и т.п.), наконец, с религиозной принадлежностью, и уже во вторую очередь относят себя к более широкой категории «афганцев» (т.е. жителей, граждан Афганистана), что, как правило, случается, когда перед ними встаёт

---

[144] Белокреницкий В.Я. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана / В.Я. Белокреницкий, Р.Р. Сикоев. — Москва: ИВ РАН, 2013. — С. 32.

необходимость провести чёткое разграничение по принципу «свой — чужой» в отношениях со странами-соседями и остальным миром[145]. В-третьих, нельзя обойти вниманием отчётливо проявившийся в XX веке и сохраняющий свою актуальность по сей день *антагонизм между сторонниками секулярных моделей развития и представителями традиционного духовенства*, претендующими на определяющую роль в государственном строительстве. По утверждению В.Г. Коргуна, в традиционной афганской среде отсутствовали предпосылки для радикализации религиозного сознания, а степень вовлеченности исламских институтов в государственно-политическое управление оставалась ограниченной, поскольку страна *«в течение многих веков находилась на периферии мусульманского мира»*, в связи с чем степень проникновения исламских традиций в сознание местного населения остаётся сравнительно неглубокой[146]. Выдвижение на первый план религиозной (исламской) идентичности у афганцев чаще всего происходило под влиянием экзогенных факторов, прежде всего — внешнего силового вмешательства со стороны великих держав, а рост исламского радикализма в Афганистане, наблюдавшийся в последнюю четверть XX века, совпал с общерегиональными тенденциями, если не с мировым трендом[147]. С другой стороны, усилению позиций радикалов способствовала их поддержка со стороны противников СССР (прежде всего, реализовывавшаяся США операция «Циклон»)[148].

---

[145] Босин Ю.В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М.: Издательство «Гуманитарий» Академия гуманитарных исследований, 2002. — С. 40; Саженов Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 — начало 2020 г.) / Отв. ред. Р. Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2020. — С. 29.

[146] Коргун В.Г. Ислам и государственная власть в Афганистане // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). — М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. — С. 173.

[147] Kepel G. Jihad: The Trail of Political Islam. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. — P. 18.

[148] Coll S. Anatomy of a Victory: CIA’s Covert Afghan War // The Washington Post. 18.07.1992. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1992/07/19/anatomy-of-a-victory-cias-covert-afghan-war/1bd10b14-a0cc-441c-99cc-d2b5d1ba6e2d/ (accessed: 18.12.2022).

Для комплексного описания специфики афганского государства и социума, где национально-этническая, политическая, культурно-религиозная, родоплеменная и прочие идентичности сосуществуют параллельно, в отдельных случаях налагаясь друг на друга, российские исследователи М.О. Нессар и В.В. Комлева используют концепцию децентрализованных сетевых структур (включающих временные сети, т.е. функционирующие в пределах периода существования одного политического порядка, и константные сети, деятельность которых постоянна и не зависит от политических трансформаций в стране), которые, как утверждается, представляют собой основу гражданского общества Афганистана, и, будучи по сути своей «антиподом» любых иерархий, обладают мобилизационным потенциалом, необходимым для того, чтобы составить конкуренцию центральной власти, вступая с ней в открытое противостояние[149]. Под «сетью» в данном контексте понимаются *«добровольные, неиерархичные, независимые от государства, самоопределяющиеся образования, которые могут возникать в различных сферах общества»* в соответствии с определением Л.В. Сморгунова[150]. Таким образом, практически вся история Афганистана развивалась по модели своеобразной «спирали», каждый виток которой представлял собой очередной этап противостояния «иерархий» и «сетей», всегда заканчивавшийся победой последних, что приводило к демонтажу существовавшего в тот или иной период политического порядка. В рамках подобной интерпретации ключевую роль во внутриполитических трансформациях Афганистана играют константные сети — основа децентрализованной сетевой структуры афганского социума, включающая в первую очередь этнические (пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки и т.д.), религиозные (сунниты, шииты,

---

[149] Нессар М.О., Комлева В.В. Афганская модель децентрализованных сетевых структур. Взгляд на динамику политических порядков в Афганистане // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. — №2 (385). — С. 63.

[150] Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. — 2001. — № 3. — С. 104.

исмаилиты, представители различных мазхабов, суфийских тарикатов и движений внутри ислама), клановые (панджшерцы, бадахшанцы, балхцы, гератцы, кандагарский и кабульский кланы Движения талибов и др.) и родоплеменные (дуррани, гильзаи, моманд, шинвари и т.д. у пуштунского этноса) сети и структуры. Обладая гораздо большей устойчивостью, нежели временные сети, представленные политическими партиями и движениями, они, как правило, воспринимают центральную власть в стране не в качестве безоговорочного обладателя монополии на насилие, а лишь как одного из участников политического процесса, чьё доминирующее положение обеспечивается за счёт поддержки определённых структур и слоёв населения, чем обусловливалось стремление социальных групп, чьи интересы не учитывались правящими элитами, изменить существующий баланс сил в свою сторону.

***

Процесс централизации афганского государства на протяжении XX века носил дискретный характер: под воздействием комплекса эндогенных и экзогенных факторов периоды консолидации власти сменялись этапами эрозии государственных институтов, что обусловило незавершенность национального строительства. Государственные институты (в частности институт монархии) функционировали в режиме перманентного поддержания баланса интересов различных этносоциальных групп, что обеспечивало лишь временную стабильность. Вместе с тем в афганском государстве не наблюдаются как таковые тенденции к дезинтеграции, что связано как с упомянутым ранее племенным мышлением, так и с нежеланием ни одной этнической группы идти на дополнительное обострение со своими согражданами, усугубляя и без того нестабильную обстановку в стране[151]. Тем не менее изложенные обстоятельства позволяют констатировать

[151] Саженов Н.Д. Потенциал сепаратизма в современном Афганистане // Труды Института Востоковедения РАН. — 2019. — № 26. — С. 351.

нерелевантность классической веберовской модели национального государства применительно к афганским реалиям, равно как и ограниченную применимость концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона в условиях отсутствия единого гражданского самосознания. Для сопредельных государств и таких институтов, как ШОС, это означает, что Афганистан представляет собой перманентный источник трансграничных вызовов, обусловленных не временным кризисом управления, а самой имманентной структурой афганского социума.

1.1.2. Афганистан в политическом дискурсе США в контексте «глобальной войны против терроризма»

На рубеже веков в американских политико-академических кругах наметился консенсус относительно содержания, приоритетов и подходов к осуществлению внешнеполитической стратегии страны. По замечанию Т.А. Шаклеиной, как минимум по таким пунктам, как неоспоримость глобального лидерства США в политической, экономической, военной и информационной сферах, универсальность и исключительность американских ценностей и миропонимания, а также необходимость их продвижения по всему миру между двумя «полюсами» американского политического истеблишмента на тот момент не возникало разногласий[152]. То же самое касалось и дискуссий относительно роли США в мировых процессах, поскольку к началу 2000-х, казалось, не появилось какой-либо страны или группы стран, способной открыто бросить им вызов[153]. События 11 сентября 2001 г., повергшие в состояние глубокого потрясения всё американское общество, высветили

---

[152] Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). — М.: Институт США и Канады РАН, 2002. — С. 136-137.

[153] Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. — 1990. — Vol. 70. No. 1. — P. 23; Krauthammer C. The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. — 2002. — Vol. 70. No. 5. — P. 7.

необходимость пересмотра существовавших на тот момент подходов к противодействию угрозам национальной безопасности, поскольку они не позволяли вести эффективную борьбу против врага, нанесшего удар самым неожиданным образом. Именно в этот момент Афганистан, который после 1989 года (т.е. после вывода советского воинского контингента) больше не представлял практически никакого интереса для руководства США (разве что в качестве транзитной территории для проектировавшегося при участии американской нефтегазовой компании Unocal в 1990-х годах газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан), начал занимать важное место в их внешнеполитической стратегии, а т.н. «несостоявшиеся государства» (“failed states”), дискуссия о которых разгорелась в западной политико-академической среде в 1990-е годы, стали предметом пристального внимания и озабоченности высшего руководства страны[154].

Как отмечает В.О. Печатнов, одной из характерных устойчивых черт американской внешнеполитической традиции на протяжении многих десятилетий оставался т.н. «низкий болевой порог» по отношению к любым внешним угрозам, болезненное восприятие любых человеческих жертв и, как следствие — гипертрофированная ответная реакция в попытке купировать эти самые угрозы[155]. Именно такой реакции, по сути, были удостоены события 11 сентября 2001 года, которые руководство США охарактеризовало не иначе, как *«объявлением войны»*[156]. Американская администрация во главе с на тот момент относительно недавно занявшим свой пост президентом Дж. У. Бушем была полна решимости нанести агрессору ответный удар[157]; проблема

---

[154] Shahrani N.M. War, Factionalism, and the State in Afghanistan // American Anthropologist. — 2002. — Vol. 104. No. 3. — P. 716; Карпачёва О.В. История движения Талибан в системе международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2003. — № 1 (3). — С. 95.

[155] Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2021. — С. 14.

[156] Woodward B. Bush at War. — Simon & Schuster, 2002. — P. 13.

[157] Ibid. P. 27.

состояла в «нестандартности» этого агрессора — международных террористических группировках, которые формально не были связаны с какой-либо определённой страной, и потому их было непросто нейтрализовать. В данной связи под инициированной американским руководством в сентябре 2001 года «глобальной войной против терроризма» подразумевался разгром не только самих террористов, но и национальных правительств, которые прямо или опосредованно оказывали им поддержку[158].

Благодаря усилиям ЦРУ американское руководство в течение нескольких лет было осведомлено о местонахождении главаря «Аль-Каиды»[159] Усамы бен Ладена и его сообщников, убежище которым предоставили лидеры Движения талибов, с 1996 года находившегося у власти в Афганистане[160]. После отказа талибов удовлетворить ультиматум США о выдаче всех укрывавшихся на территории их страны лидеров «Аль-Каиды», а также выполнить ряд сопряжённых требований, они тоже были объявлены врагами США наряду с террористами этой организации и, соответственно, подлежали уничтожению[161]. С этого момента вопрос о необходимости «смены режима» (“regime change”) в Афганистане был решён[162]. При этом администрация США стремилась выстроить информационный дискурс таким образом, чтобы предстоящая антитеррористическая кампания интерпретировалась не как «война против афганского народа», а как акция по освобождению населения от деспотичного правления талибов[163]. В результате

---

[158] Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2021. — С. 606.

[159] «База» («Аль-Каида») — организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 г. № ГКПИ 03-116.

[160] Woodward B. Bush at War. — Simon & Schuster, 2002. — P. 4.

[161] Рубин Б. Афганистан. Что о нем нужно знать каждому / Б. Рубин, Д. Мэнсфилд, Н. Бижан, А. Джустоцци [пер. с англ. М. Тарасов]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — С. 154; Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2021. — С. 607; Keane C. US Nation-Building in Afghanistan. — Routledge, 2016. — P. 1.

[162] Woodward B. Bush at War. — Simon & Schuster, 2002. — P. 166.

[163] Ibid. P. 99.

в Афганистане была создана временная администрация сразу же после свержения талибского правления, ещё до окончания боевых действий, в отсутствие инклюзивного процесса национального примирения. Приравнивание ДТ к террористическим структурам, повлекшее его исключение из процесса государственного строительства Исламской Республики Афганистан, не позволило учесть его значительный мобилизационный потенциал и поддержку со стороны существенной части населения, глубоко интегрированной в традиционные родоплеменные структуры, что во многом обусловило провал афганского «демократического проекта».

Анализ описанной проблематики представляется целесообразным через призму изложенной в коллективном труде Б. Бузана, О. Уэвера и Я. де Вильде «Security: A New Framework for Analysis» концепции секьюритизации (дискурсивного процесса, посредством которого какое-либо явление международной жизни переводится в разряд экзистенциальной угрозы)[164], поскольку данный подход позволяет рассмотреть влияние афганского фактора на национальную безопасность США в начале XXI века не как объективную данность, а как результат целенаправленного дискурсивного конструирования угрозы. Как отмечают многие авторы, секьюритизация «несостоявшихся государств» произошла преимущественно по инициативе американских властей после терактов 11 сентября 2001 года[165]. По утверждению американского политолога С. Вудворд, данная концепция начиная с 2001 г. и

---

[164] Buzan B., Waever O., De Wilde J. Security — A New Framework for Analysis. — Lynne Rienner Publishers, 1998. — P. 26.

[165] Hashi M.O. The Failed-State Paradigm and Implications for Politics and Practices of International Security // Bildhaan: An International Journal of Somali Studies. — 2015. — Vol. 14. No. 1. — P. 78; Newman E. Failed States and International Order: Constructing a Post-Westphalian World // Contemporary Security Policy. — 2009. — Vol. 30. No. 3. — P. 424; Bøås M., Jennings K. Insecurity and Development: The Rhetoric of the ‘Failed State’ // The European Journal of Development Research. — 2005. — Vol. 17. No. 3. — P. 386; Aman S., Aman S. Understanding ‘Failed States’ and ‘State Failure’: Discourses and Limitations // Pakistan Horizon. — 2015. — Vol. 68. No. 2. — P. 96.

по настоящее время в большей степени продолжает ассоциироваться именно с талибским Афганистаном, в своё время предоставившим убежище членам террористической группировки «Аль-Каида», которые впоследствии смогли осуществить теракты на территории Соединённых Штатов[166]. Это понятие было впервые закреплено в стратегии национальной безопасности США за 2002 год, где прямо говорилось, что национальным интересам страны *«несут гораздо большую угрозу такие слабые государства, как Афганистан, нежели сильные и устойчивые государства-завоеватели»*, поскольку они могут служить прибежищем террористов, а терроризм, в свою очередь, является непосредственной угрозой национальной безопасности США — таким образом, данное понятие фактически становилось синонимом убежища (safe haven) для террористов[167]. В данной связи интересно замечание М. Мазара о том, что ценность этой концепции для американских властей состояла также и в том, что она служила для оправдания *«интервенционистской политики США в области государственного строительства»*[168]. Подтверждением этому служит тот факт, что в 1993 году М. Олбрайт, занимавшая пост постоянного представителя США при ООН, в статье для «The New York Times» использовала понятие «несостоявшегося государства» применительно к Сомали в целях дискурсивного обоснования гуманитарной интервенции под эгидой ООН[169]. Тем не менее данная концепция стала гораздо чаще использоваться в США на официальном уровне уже в 2000-е годы (что, как представляется, связано именно с «афганским кейсом»). В обеих редакциях

---

[166] Woodward S. The Ideology of Failed States: Why Intervention Fails. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — P. 26.

[167] The National Security Strategy 2006 // George W. Bush White House Archives. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/sectionIV.html (accessed: 19.12.2020); The National Security Strategy of the United States of America / The White House, September 2002. — P. 13.

[168] Mazarr M.J. The Rise and Fall of the Failed-State Paradigm // Foreign Affairs. — 2014. — Vol. 93. No. 1. — P. 113.

[169] Albright M.K. Yes, There Is a Reason to Be in Somalia // The New York Times. 10.08.1993. URL: https://www.nytimes.com/1993/08/10/opinion/yes-there-is-a-reason-to-be-in-somalia.html (accessed: 06.04.2023).

стратегии национальной безопасности президента Дж. Буша-младшего (за 2002 и 2006 год) указывается, что «несостоявшиеся государства» способны служить в качестве плацдарма международных террористических организаций для нападений на США, и именно поэтому вмешательство последних во внутренние процессы таких государственных образований представляет особую важность для защиты мирового порядка[170].

Параллельно в американском дискурсе отчётливо наблюдалось последовательное отождествление международных террористических группировок и их «пособников» (прежде всего — Движения талибов). Так, в ходе своего выступления с посланием к Конгрессу и американскому народу 20 сентября 2001 года президент Дж. У. Буш заявил следующее: *«Оказывая пособничество и содействие в совершении убийств, режим талибов сам становится виновным в их совершении»*, прибавив, что *«они выдадут террористов или разделят их судьбу»*[171]. Характерно, что обозначенный подход потенциально мог коснуться не только талибов, но и любого другого государства, отказавшегося сотрудничать с США в рамках «глобальной войны против терроризма» *(«Каждая нация в каждом регионе теперь должна принять решение. Либо вы с нами, либо вы с террористами»)*[172]. Спустя два года, уже в контексте обсуждения операции в Ираке, Дж. У. Буш вновь артикулировал данный тезис: *«Если вы укрываете террористов, поддерживаете террористов, кормите террористов, то вы так же виновны, как и сами террористы. И талибы узнали [на своём опыте], что мы имели в виду»*[173]. Очевидно, что риторика главы американского государства строилась

---

[170] The National Security Strategy 2006 // George W. Bush White House Archives. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/sectionIV.html (accessed: 19.12.2020); Woodward S. The Ideology of Failed States: Why Intervention Fails. —Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — P. 59.

[171] Address to a Joint Session of Congress and the American People // George W Bush White House Archives. 20.09.2001. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html (accessed: 14.02.2023).

[172] Ibid.

[173] President Bush Commends Military in Speech at Fort Stewart, Georgia // George W Bush White

на принципе радикальной ценностной дихотомии, исключающей возможность политического нейтрализма, что представляло собой классический пример дискурсивного конструирования образа врага. Упомянутые внешнеполитические практики были во многом сохранены и развиты преемником Дж. Буша-младшего — Б. Обамой. В опубликованной в 2010 году стратегии национальной безопасности американское руководство вновь подтвердило приверженность цели уничтожения «Аль-Каиды» во всем мире, при этом делался акцент на Афганистане и Пакистане как на приоритетных фронтах борьбы с терроризмом и их пособниками в лице Движения талибов[174]. В числе «новшеств», однако, присутствовал пункт о постепенной передаче ответственности за обеспечение безопасности в стране самим афганцам на фоне анонсированного сокращения американского контингента в рамках Международных сил содействия безопасности (МССБ). В целом же Афганистан в контексте международной борьбы с терроризмом упоминается в документе 21 раз[175]. Внешнеполитическая стратегия пришедшего к власти в 2017 году Д. Трампа уже характеризовалось устойчивым снижением интереса к афганской кампании, что сопровождалось поиском путей окончательного свертывания военного присутствия в регионе, а также выраженной прагматизацией отношений с талибами. В результате после продолжительных переговоров между США и ДТ 29 февраля 2020 года было подписано Дохийское мирное соглашение. В соответствии с ним американские власти согласились вывести из Афганистана все свои вооруженные силы, а также войска своих союзников и партнёров по коалиции в течение 14 месяцев, а талибы в обмен на это обязывались не допускать использования территории

House Archives. 12.11.2003. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/09/20030912-3.html (accessed: 14.02.2023).

[174] National Security Strategy 2010. // Obama White House Archives. 01.05.2010. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 14.02.2025).

[175] См. Табл. 1.

страны для создания угроз безопасности США и их союзников[176]. Характерно, что власти ИРА в принципе не являлись стороной данного договора, что во многом сигнализирует о том, что американские власти не воспринимали режим в качестве самостоятельной стороны афганского конфликта[177].

Для систематизации эмпирических данных и наглядной демонстрации эволюции американского дискурса безопасности ниже представлена аналитическая матрица дискурс-анализа стратегий национальной безопасности США за период 2002-2017 гг.[178]. Цель данной матрицы — сопоставить количественную динамику упоминания ключевых концептов с качественными изменениями в репрезентации Афганистана в этих документах, проследить трансформацию предлагаемых политических ответов и определить фазы секьюритизации афганского фактора в официальном дискурсе Вашингтона.

---

[176] Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America // US Department of State. 29.02.2020. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf (accessed: 25.04.2023).

[177] غنی: هیچ نوع تعهد برای رهایی پنج هزار زندانی وجود ندارد [Гани: Нет никаких обязательств по освобождению 5000 заключенных] // طلوع نیوز. 01.03.2020. URL: https://tolonews.com/fa/afghanistan/غنی-هیچ-نوع-تعهد-برای-رهایی-پنج-هزار-زندانی-وجود-ندارد (дата обращения: 07.06.2023).

[178] См. табл. 1.

Табл. 1. *Дискурсивная репрезентация Афганистана и концепта failed/fragile state в стратегиях национальной безопасности США (2002–2017 гг.)*[179].

Документ	**Ключевые лексемы и частотность**	**Контекстуальные маркеры и ключевые цитаты**	**Репрезентация Афганистана и угроз**	**Политический ответ**	**Роль концепта *Failed/ Fragile State* в секьюритизации**	**Характер и стадия дискурсивного процесса**
СНБ 2002 *(Дж. Буш-мл.)*	**Afghanistan**: 4 **Taliban**: 1 **Failed/Weak States**: 2	«Weak states, like Afghanistan, can pose as great a danger to our national interests as strong states»; «...rebuild Afghanistan so that it will never again provide a haven [for terrorists]»	Афганистан репрезентируется как освобождённое, но потенциально уязвимое государство; его слабость создаёт риск возвращения ДТ и «Аль-Каиды»	Объявление «глобальной войны против терроризма»; военное вмешательство и преследование ДТ и «Аль-Каиды»; превентивные действия; «восстановление Афганистана, чтобы он никогда вновь не стал убежищем террористов»	Фундаментальная: слабость государства возводится в ранг угрозы, со стороны сильных держав	Обоснование активного внешнего вмешательства, предотвращения повторного превращения Афганистана в убежище террористов и применения расширен--ного инструментария обеспечения безопасности
СНБ 2006 *(Дж. Буш-мл.)*	**Afghanistan**: 6 **Taliban**: 3 **Failed/ Weak States**: 3	«The tyranny of the Taliban has been replaced by a freely elected government»; «...much as al-Qaida exploited the civil war in Afghanistan»	Афганистан репрезентируется как «освобождённый» союзник, но сохраняется угроза со стороны остатков ДТ и «Аль-Каиды»	Поддержка афганских институтов, демократизация, государственное строительство, недопущение возвращения террористических убежищ	Институциональная: слабое государство — «инкубатор угроз»; требующий построения дееспособной демократии	Институционализация внешнего государственного строительства как инструмента предотвращения повторного возникновения тер-

[179] Составлено автором на основе: The National Security Strategy of the United States of America // The White House 12.09.2002. URL: https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf (accessed: 19.12.2024); The National Security Strategy 2006 // George W. Bush White House Archives. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/sectionIV.html (accessed: 19.12.2024); National Security Strategy 2010. // Obama White House Archives. 01.05.2010. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 19.12.2024); The 2015 National Security Strategy. // Obama White House Archives. 06.02.2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 19.12.2024).
National Security Strategy of the United States 2017 // Office of the Secretary of Defense Historical Office. URL: https://history.defense.gov/portals/70/documents/nss/nss2017.pdf (accessed: 19.12.2024).

						ристической угрозы
СНБ 2010 *(Б. Обама)*	**Afghanistan**: 21 **Taliban**: 3 **Failed/ Weak States**: 4	«Failing states breed conflict and endanger regional and global security»; «The frontline... breaking the Taliban's momentum»	Афганистан и Пакистан репрезентируются как «передовая линия» борьбы с терроризмом; слабость государств связывается с региональной и глобальной нестабильностью	Разгром «Аль-Каиды» и её союзников; лишение их убежища; укрепление партнёров на передовой (Афганистан, Пакистан).	Прагматическая: акцент смещается на укрепление государственного потенциала и безопасности партнёров	Максимальная институциональная и дискурсивная значимость афганского направления; увязка «state-building» с контртеррористической стратегией.
СНБ 2015 *(Б. Обама)*	**Afghanistan**: 7 **Taliban**: 0 **Failed/ Weak States**: 4	«...moved beyond the large ground wars in Iraq and Afghanistan»; «Fragile and conflict-affected states incubate and spawn infectious disease, drug smugglers and destabilizing refugee flows»	Афганистан репрезентируется как один из источников транснациональных рисков, а не как центральный фронт глобальной войны с терроризмом	Переход к точечным контртеррористическим операциям; поддержка афганского правительства в принятии ответственности за собственную безопасность; сокращение военного присутствия.	Селективная: слабость государства — источник локальных и транснациональных рисков, а не основание для крупномасштабной интервенции	Снижение прямой представленности ДТ как самостоятельной категории угрозы и переход к более обобщённому языку транснациональных рисков и последствий слабости государств
СНБ 2017 *(Д. Трамп)*	**Afghanistan**: 0 **Taliban**: 0 **Failed/ Weak States**: 2	«...jihadist terrorists and TCOs thrive under conditions of state weakness and prey on the vulnerable»; «...requires planning for a long-term fight against irregular threats»	Афганистан напрямую не репрезентируется; угроза связывается с обобщённой категорией слабых государств как среды террористических и преступных сетей	Защита суверенитета, преследование угроз «по источнику», долгосрочная борьба с нерегулярными угрозами, смещение фокуса на конкуренцию великих держав	Переосмысленная: слабость государства сохраняется как условие террористической активности, но утрачивает прямую связь с Афганистаном	Переход от прямого описания Афганистана к обобщённой категории слабости государств как условия активности террористических и транснациональных преступных сетей.

Проанализированная выше трансформация американского дискурса национальной безопасности оказала определяющее долгосрочное влияние на глобальную архитектуру восприятия Движения талибов. Закрепленные еще в 2000-е годы смысловые связки «несостоявшееся государство — убежище террористов — Движение талибов» создали устойчивую рамку восприятия ДТ мировым сообществом как источника международной угрозы и

легитимировали применение в отношении него жестких многосторонних санкционных ограничений. На сегодняшний день, несмотря на завершение конфликта в Афганистане с участием внешних сил, политико-правовой статус Движения талибов в системе международных отношений продолжает характеризоваться определенной двойственностью. С одной стороны, оно по-прежнему находится под воздействием масштабных рестриктивных мер со стороны США: от заморозки активов до эмбарго на поставки технологий и услуг[180]. С другой стороны, американская администрация сохраняет с ДТ специфический формат отношений, не включая его в список террористических организаций Госдепартамента[181]. Подобный подход может объясняться прежде всего прагматическими соображениями, связанными с обеспечением гибкости переговорного процесса и сохранением рычагов давления на руководство образованного в 2021 году Исламского Эмирата Афганистан.

***

Риторика политического руководства США относительно международного терроризма после событий 11 сентября 2001 года, в рамках которой данное явление было переведено из разряда региональных проблем в статус экзистенциальной угрозы нации, что позволило государству задействовать чрезвычайные меры, выходящие за рамки обычной политики, служит одним из наиболее показательных примеров секьюритизации в международных отношениях. Параллельно с этим в американском внешнеполитическом дискурсе наблюдался процесс секьюритизации нестабильных государств и регионов мира, причём «под удар» одним из первых попал Афганистан в период первого Исламского Эмирата талибов. Инициированная руководством США в 2001 году «глобальная война против

---

[180] Что известно о движении "Талибан" и его запрете в РФ // ТАСС. 31.03.2025. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23558175 (дата обращения: 03.01.2026).

[181] Foreign Terrorist Organizations // United States Department of State. URL: https://www.state.gov/foreign-terrorist-organizations (accessed: 14.02.2025).

терроризма», эпицентром которой долгое время оставалось афганское государство, способствовала закреплению за ним ярлыка «несостоявшегося», а за Движением талибов — статуса пособников международного терроризма. Продолжающееся действие санкций ООН и США в сочетании с дипломатическим бойкотом со стороны стран Запада свидетельствует о глубокой инерции негативного имиджа ДТ и связанного с ними образа «угрозы безопасности», формировавшегося десятилетиями при активном американском участии и превратившегося в устойчивую политическую конструкцию, которая продолжает блокировать интеграцию Афганистана в мировую систему даже после завершения военного конфликта.

1.1.3. Афганский фактор евразийской безопасности в XXI веке через призму теории региональных комплексов безопасности

К началу XXI века афганский фактор, понимаемый как обстановка длительной военно-политической турбулентности в Афганистане, наблюдавшейся начиная с середины 1970-х годов, оставался значимой детерминантой безопасности большинства евразийских государств, составляющих его как непосредственное, так и более широкое региональное окружение. Тем не менее, в отличие от описанного ранее алармизма американского руководства подход к оценке воздействия афганского фактора среди представителей государств евразийского (особенно — постсоветского) пространства отличался принципиально иным содержанием. Парадоксальным образом, находясь, в отличие от США, в непосредственной географической близости к Афганистану, и, как следствие, имея не иллюзорную уязвимость перед угрозами безопасности, источником которых служила его территория, страны региона в 1990-е годы стояли скорее на позициях невмешательства во внутриафганские дела, хотя при этом их лидеры на регулярной основе выражали свою озабоченность в связи с происходящими в этой стране событиями. Причины для такого поведения во многом очевидны: как указывает В.Г. Коргун, страны Центральной Азии, будучи в указанный период

сфокусированными на решении задач, связанных с собственным государственным строительством, в своей внешней политике избрали курс на минимизацию участия в афганских событиях[182].

Представляется, что в данной связи значительным объяснительным потенциалом обладает разработанная представителями школы международных отношений, сформированной на базе Копенгагенского института исследований мира и Копенгагенского университета, Б. Бузаном и О. Уэвером и представленная в наиболее полном виде в 2003 году в их совместной работе «Regions and Powers» теория региональных комплексов безопасности (РКБ), в соответствии с которой подобный комплекс состоит из государств, *«чьи основные процессы секьюритизации и десекьюритизации настолько взаимосвязаны, что их проблемы национальной безопасности не представляется возможным адекватно проанализировать отдельно друг от друга»*[183]. Для возникновения подобной тесной взаимосвязи интересов безопасности у какой-либо группы государств необходимо ключевое условие в виде их географической близости друг к другу; по этой причине основная идея, на которой базируется теория РКБ, состоит в том, что основным предметом озабоченности государств, как правило, становятся угрозы, исходящие от их непосредственного окружения, нежели от, пусть и более сильных, но географически удалённых держав[184]. Впоследствии многими авторами высказывался тезис о применимости аналитического инструментария данной теории к изучению роли Афганистана в системе региональной безопасности, поскольку это государство, находясь на пересечении трёх РКБ («подкомплекса» Центральной Азии, РКБ Южной Азии и Ближнего Востока), делает вопрос, связанный с купированием исходящих с

---

[182] Коргун В.Г. Афганский конфликт и Центральная Азия // Россия и мусульманский мир. — 2012. — № 6. — С. 107.
[183] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 44.
[184] Ibid. P. 4.

его территории угроз, актуальным для большинства своих соседей, по сути, вынуждая их так или иначе самим вовлекаться во внутриафганские процессы с целью воздействия на них нужным для них образом [185].

Б. Бузан и О. Уэвер относят Афганистан к категории «государств-инсуляторов», которые могут находиться «на стыке» по крайней мере двух региональных комплексов безопасности, не являясь при этом полноценной частью ни одного из них, тем самым географически и политически отделяя их друг от друга[186]. В рамках данного подхода проводится разграничение между «государствами-инсуляторами» и буферными государствами, где последние являются неотъемлемой частью РКБ: несмотря на то, что они, как правило, выступают в качестве пространства, разделяющего соперничающие державы, предотвращая их прямое столкновение, такие образования при этом сами являются объектами их влияния и, как следствие, непосредственно вовлечены в динамику региональной безопасности внутри отдельно взятого РКБ. Отмечая принципиальную важность концепта «государства-инсулятора» для теории РКБ, авторы вместе с тем подчёркивали недостаточную изученность данного явления. Стремясь адаптировать свой теоретический подход к частным случаям, представленным Афганистаном и государствами Южного Кавказа, они также вводят понятие «мини-комплекса», подразумевающее государство (или их группу), которое, подобно «государству-инсулятору», также не входит ни в один РКБ; однако, с точки зрения вопросов безопасности «мини-

---

[185] Harpviken K.B., Tadjbakhsh S. A Rock Between Hard Places: Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity. — Oxford University Press, 2016. — P. 3-4; Elzinga S. The Central Asian Regional Security Complex Revisited: Understanding the Implications of the US Retreat from Afghanistan // International Relations and Diplomacy. — 2021. — Vol. 9. No. 11. — P. 475; Sunawar L. Regional Security Complex Theory: A Case Study of Afghanistan-Testing the Alliance // Journal of Security and Strategic Analyses. — 2018. — Vol. 4. No. 2. — P. 77; Рауф С. Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2024. — № 2 (24). — С. 255.

[186] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 41.

комплекс» представляется не целостным и однородным образованием, а скорее своеобразной «уменьшенной версией» полноценного РКБ, обладающей собственной уникальной внутренней динамикой взаимоотношений сотрудничества и соперничества составляющих её субъектов (которые в данном случае представлены негосударственными акторами)[187]. При этом сопредельные с ним государства, относящиеся к отдельным РКБ, могут вовлекаться в процессы, происходящие на территории пограничной с ним части «мини-комплекса», однако такое вовлечение не приводит к распространению их влияния за его пределы и установлению связей с акторами, принадлежащими к другому региональному комплексу безопасности.

Подобную интерпретацию можно считать релевантной в случае афганского государства, учитывая, что на его взаимоотношения с сопредельными странами значительное влияние оказывает межэтническая проблематика, которая приобретает особую важность в условиях, когда в Афганистане, во-первых, в течение долгого времени фактически отсутствовали прочные и эффективные государственные институты, и, во-вторых, центральная власть практически никогда не контролировала целиком территорию всей страны[188]. Разобщённость афганского населения в условиях перманентной внутриполитической нестабильности и слабости государственных институтов породила определённые долгосрочные центробежные тенденции, которые выражаются в тяготении некоторых этнических общин к сопредельным государствам, что, в свою очередь, приводит к росту их вовлечения во внутренние дела Афганистана и проходит не без последствий для самой страны (подобную взаимную вовлеченность

---

[187] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 484.

[188] Акимбеков С.М. История Афганистана. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — С. 769.

можно отметить, например, для хазарейцев-шиитов и Ирана)[189]. В целом, не являясь единственно доминирующим противоречием в развитии афганского общества, этнический фактор в то же время играл и во многом продолжает играть чрезвычайно важную роль, особенно в случаях и в периоды общеполитических кризисов, стимулируемых, в свою очередь, воздействием внешних центров силы. В данной связи высказывание Б. Бузана и О. Уэвера, о том, что Афганистан *«также некоторое время представлял собой скорее мини-комплекс, нежели полноценное государство»*, вероятнее всего, лучше всего иллюстрируется ситуацией 1990-х годов, когда страна фактически представляла собой децентрализованное образование, где значительная часть территории находилась под контролем отдельных этнополитических группировок, в том числе под руководством полевых командиров (таких как Ахмад Шах Масуд, Гульбеддин Хекматьяр, Абдул Рашид Дустум), в то время как легитимное правительство Бурхануддина Раббани осуществляло реальный контроль лишь над ограниченными районами Кабула[190]. Осторожный подход авторов к определению статуса Афганистана в контексте проблематики «государств-инсуляторов» проявляется в оговорке, что сам по себе упомянутый статус является весьма неустойчивым и склонным к трансформациям, поскольку взаимосвязь с несколькими РКБ одновременно делает их зависимыми от состояния каждого из них; по этой причине авторы в дальнейшем не исключали возможности присоединения афганского государства к центральноазиатскому подкомплексу безопасности, либо — что более интересно — преобразования самого региона Центральной Азии в своего рода «зону-инсулятор», также сопровождающегося включением в неё Афганистана[191]. Эти тезисы были во многом поддержаны и получили своё

---

[189] Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — № 4 (6). — С. 428.

[190] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 484.

[191] Ibid. P. 485, 487.

дальнейшее развитие в работах других авторов, всё чаще выделявших данный регион в качестве «мини-комплекса»[192], формирующегося комплекса безопасности, находящегося на стадии «протокомплекса»[193], или же самостоятельного, стандартного РКБ[194].

Важно отметить эволюцию подхода к рассмотрению статуса Афганистана в рамках теории РКБ, произошедшую к настоящему времени в академической литературе: так, всё больше исследователей данного теоретического направления склоняются к выводу, что афганское государство постепенно утрачивает (либо уже утратило) свойства «государства-инсулятора», описанного Б. Бузаном и О. Уэвером, становясь значительным фактором перестройки границ сопредельных региональных комплексов безопасности. Необходимо учитывать, что в опубликованном в 2003 году оригинальном исследовании не могли учитываться изменения последующих лет, связанные с присоединением Афганистана к многосторонним инициативам с участием стран-соседей: до указанного времени страна не была вовлечена в деятельность каких-либо региональных объединений, а также, по сути, была «выключена» из евразийских интеграционных проектов в сфере экономики и логистики. Однако в 2000-2010-е годы, по мере реконструкции афганской государственности стало очевидно стремление ИРА зарекомендовать себя в качестве активного участника региональных инициатив, а также использовать свой транзитный потенциал за счёт участия в трансафганских логистических и энергетических проектах. Так, в середине 2000-х годов были инициированы обсуждения возможностей реализации

---

[192] Бурнашев Р.Р., Черных И.А. Региональный конфликт: сценарий для Центральной Азии // Казахстан-Спектр. — 2013. — № 1. — С. 81.

[193] Amable D.S. Theorizing the Emergence of Security Regions: An Adaptation for the Regional Security Complex Theory // Global Studies Quarterly. — 2022. — No. 2. — P. 9.

[194] Troitskiy E.F. Central Asian Regional Security Complex: The Impact of Russian and US Policies // Global Society. — 2015. — Vol. 29. No. 1. — P. 5; Umarov A. Central Asia: construction of the new regional security complex? // The Journal of Cross-Regional Dialogues / La Revue de dialogues inter-régionaux. — 2020. — Special Issue. — P. 69-82.

международного энергетического проекта по транспортировке излишков электроэнергии из Центральной Азии (Киргизии и Таджикистана) в Южную Азию (Пакистан), в дальнейшем получившего название CASA-1000, а также «реанимирована» инициатива газопровода ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия)[195]. Кроме того, в 2007 году Афганистан был принят в Ассоциацию регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) в качестве полноправного члена, а в 2012 году получил статус наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества[196]. Характерно, что в последующих работах исследователей данной проблематики, наряду с уже упомянутыми обстоятельствами принимающих во внимание фактор высокой проницаемости границ афганского государства с соседними Таджикистаном, Пакистаном и Ираном, ему присваивается характеристика не столько «государства-инсулятора», сколько «связующего звена» (connector) между Центральной Азией, Южной Азией и Ближним Востоком, которое обусловливает возникновение тесной взаимосвязи интересов безопасности входящих в него государств, а также великих держав евразийского пространства в лице России и Китая[197]. При этом в упомянутых исследованиях не наблюдается единогласия по вопросу о нынешней принадлежности афганского государства к определённому РКБ: одна часть авторов относит его к «подкомплексу» Центральной Азии, в то время как другая связывает его с южноазиатским РКБ, обосновывая это тесной взаимосвязью Афганистана с

---

[195] Harpviken K.B., Tadjbakhsh S. A Rock Between Hard Places: Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity. — Oxford University Press, 2016. — P. 145; Гулам Н.Я. Реализация проекта газопровода ТАПИ (2021 — 2024): вызовы и возможности для Афганистана // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран / отв. ред. и сост. Н. Н. Цветкова; Институт востоковедения РАН. — Ежегодник. Выпуск 5. М.: ИВ РАН. — 2024. — С. 158.

[196] Гулам Н.Я. Цели, проблемы и перспективы участия Афганистана в СААРК // Международный аспект. — 2021. — № 2 (2). — С. 55.

[197] Harpviken K.H. Afghanistan in a Neighborhood Perspective. — Peace Research Institute Oslo, 2009. — P. 8-9; Sunawar L. Regional Security Complex Theory: A Case Study of Afghanistan-Testing the Alliance // Journal of Security and Strategic Analyses. — 2018. — Vol. 4. No. 2. — P. 54.

Пакистаном[198]. В данной связи также достойны внимания выводы К. Харпвикена и Ш. Таджбахш, рассматривающих афганское государство в контексте теории РКБ в качестве своеобразного «ядра» более крупного конфликтного образования, объединяющего множество трансграничных сетевых структур, включая террористические (например, ячейки «Аль-Каиды» и ИГИЛ[199], а также ряд других радикальных группировок, «активно экспортирующих терроризм в соседние страны»)[200].

§1.2. Генезис ШОС в контексте динамики региональных комплексов безопасности евразийского пространства

Шанхайская организация сотрудничества была официально основана 15 июня 2001 года. Решение о её создании было зафиксировано в Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества, принятой днём ранее главами государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан на саммите, проходившем в городе Шанхай[201]. В соответствии с Декларацией, основные цели данного объединения заключаются в поддержании многостороннего регионального взаимодействия в целом ряде сфер (политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других) и повышении уровня взаимного доверия между

---

[198] Elzinga S. The Central Asian Regional Security Complex Revisited: Understanding the Implications of the US Retreat from Afghanistan // International Relations and Diplomacy. — 2021. — Vol. 9. No. 11. — P. 475; Sunawar L. Regional Security Complex Theory: A Case Study of Afghanistan-Testing the Alliance // Journal of Security and Strategic Analyses. — 2018. — Vol. 4. No. 2. — P. 77.

[199] Международная организация «Исламское государство» (предшествующие наименования: «Исламское государство Ирака и Леванта», «Исламское государство Ирака и Шама», ИГИЛ) — организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации (решение Верховного Суда РФ от 29.12.2014 г. № АКПИ14-1424С).

[200] Harpviken K.B., Tadjbakhsh S. A Rock Between Hard Places: Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity. — Oxford University Press, 2016. — P. 149.

[201] О Шанхайской организации сотрудничества. // Шанхайская организация сотрудничества. 08.12.2015. URL: https://rus.sectsco.org/20151208/16789.html (дата обращения: 02.03.2025).

государствами-членами, а также, что немаловажно, в стабилизации региональной обстановки в сфере безопасности[202]. В этом документе также был представлен свод принципов организации, определяемый как «шанхайский дух», который составляет идейную основу ШОС и характеризуется *«взаимным доверием, взаимной выгодой, равенством, взаимными консультациями, уважением к многообразию культур, стремлением к совместному развитию»*; помимо этого, в основу взаимодействия стран-участниц в рамках организации положены принципы *«взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимной выгоды, решения всех вопросов путем взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах»*, а также цели и принципы, заложенные в Уставе Организации Объединённых Наций[203]. В дальнейшем участники многократно подчеркивали неблоковый характер работы ШОС, её принципиальное отличие от классических военно-политических альянсов эпохи холодной войны, а также приверженность построению *«межгосударственных отношений нового типа, стержнем которых является партнерство, а не союзничество»*[204].

Институциональному оформлению этого объединения в составе шести евразийских государств предшествовал ряд других, весьма значимых исторических событий и вех. Известно, что своими корнями процесс

---

[202] Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3406 (дата обращения: 22.10.2023).
[203] Там же.
[204] Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. — М.: Навона, 2009. — С. 85; Краткие сведения о Шанхайской организации сотрудничества // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 13.01.2004. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/shhzzzmsccl/200401/t20040113_878861.html (дата обращения: 19.11.2025); Генсек ШОС подчеркнул неблоковый характер работы организации // РИА Новости. 04.01.2025. URL: https://ria.ru/20250104/shos-1992463005.html (дата обращения: 19.11.2025).

становления организации уходит в инициированные на рубеже 1970-1980-х годов советско-китайские переговоры по урегулированию пограничных споров и противоречий, цель которых, помимо всего прочего, заключалась в снижении напряжения, накопившегося в отношениях двух держав за долгие годы соперничества, а временами — неприкрытой вражды[205]. Реализация подобной инициативы стала возможной после прихода в КНР второго поколения руководителей во главе с Дэн Сяопином, чья основная цель состояла в преодолении экономической отсталости страны, для чего было необходимо исключить вероятность вооружённого конфликта с какой-либо из двух сверхдержав[206]. В данный период руководство двух государств выдвигало осторожные встречные инициативы по нормализации двусторонних отношений, которые, однако, продолжали сталкиваться с остаточным обоюдным недоверием и прочими сложностями, обусловленными, в том числе, международной обстановкой (сюда можно отнести участие Ограниченного контингента советских войск в военном конфликте на территории Афганистана и требование китайской стороны о его прекращении, и, более того, её прямую поддержку антиправительственных сил в Афганистане в указанный период)[207]. Тем не менее процесс имел поступательный характер, и спустя несколько раундов переговоров, состоявшихся начиная с октября 1982 года, сторонам удалось прийти к

---

[205] Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ; Астрель, 2003, С. 356.

[206] Vogel E.F. Deng Xiaoping and the transformation of China. — Belknap Press of Harvard University Press, 2011. — P. 536.

[207] Лалетин Ю.П. Советское присутствие в Афганистане: воздействие на этносоциальную структуру афганского общества // МГИМО. 25.12.2009. URL: https://mgimo.ru/afghan/133684.html (дата обращения: 16.01.2026); Girard B. How 1980 Laid the Groundwork for China's Major Foreign Policy Challenges // The Diplomat. 12.11.2018. URL: https://thediplomat.com/2018/09/how-the-1980-laid-the-groundwork-for-chinas-major-foreign-policy-challenges/ (accessed: 16.01.2026); Vogel E.F. Deng Xiaoping and the transformation of China. — Belknap Press of Harvard University Press, 2011. — P. 536.

соглашению о мерах по укреплению доверия и сокращению вооружений в районе границы[208].

Наибольшую выраженность советско-китайское «потепление» приобрело в период перестройки в СССР, а в мае 1989 г. в Пекине впервые за долгое время прошли переговоры с участием лидеров двух государств, представлявшие собой логическое продолжение инициированного ранее процесса урегулирования двусторонних противоречий. Дэн Сяопин в ходе встречи с М.С. Горбачёвым не преминул заявить, что *«из числа сильных держав, которые нанесли обиды Китаю, наибольшие выгоды извлекли для себя, отторгнув часть территории Китая, Япония и Россия»*[209]. Тем не менее переговоры оказались продуктивными, поскольку в их результате советско-китайские двусторонние отношения обрели базу для поступательной нормализации, и, что немаловажно, был запущен процесс подготовки к делимитации и демаркации всего восточного участка советско-китайской границы, продлившийся до середины 1991 года. Итогом данных мероприятий стало подписание министрами иностранных дел двух государств Соглашения о советско-китайской государственной границе на ее Восточной Части, состоявшееся 16 мая 1991 года в Москве[210]. Документ был ратифицирован уже Российской Федерацией, которую Китай признал в качестве правопреемницы СССР в декабре 1991 года. Важно отметить, что данный договор закрепил отказ КНР от потенциальных территориальных претензий к России, т.е. от выдвинутого ещё в середине 1960-х годов Мао Цзэдуном требования вернуть полтора миллиона квадратных километров территории на Дальнем Востоке[211].

---

[208] Лу С. Советско-китайские пограничные переговоры (1964-2004 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2018. — № 3 (18). — С. 34.

[209] Галенович Ю.М. Россия — Китай: шесть договоров. — М.: Муравей, 2003. — С. 353.

[210] Соглашение между Союзом Советских Социалистических республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной Части (Москва, 16 мая 1991 г.) // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/2541346/ (дата обращения: 12.10.2025).

[211] Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. Пер. с яп. М.Г.

Урегулирование данного вопроса сыграло ключевую роль в восстановлении отношений двух государств, а также открыло путь к построению обновлённой архитектуры регионального взаимодействия. Однако кардинальные изменения, произошедшие на пространстве бывшего СССР в начале 1990-х годов, а именно появление в регионе, граничащем с Китаем, новых независимых центральноазиатских государств, существенным образом трансформировали этот процесс, придав ему новое содержание.

В начале 1990-х годов Китайская Народная Республика, продолжая декларировать приверженность в своей внешней политике «Пяти принципам мирного сосуществования», впервые изложенным в двустороннем соглашении по Тибету, заключённом в 1954 году с Индией, провозгласила т.н. «политику добрососедства», предполагавшую выстраивание стабильного, гармоничного и предсказуемого взаимодействия с государствами по периметру своих границ[212]. Как выразился министр иностранных дел страны Цянь Цичэнь в интервью газете «Жэньминь жибао» в декабре 1990 года, на тот момент в отношениях Китая с сопредельными государствами наступил самый благоприятный этап развития за все четыре десятилетия существования КНР[213]. О стремлении Китая в данный период внести элементы «разрядки» в отношения с внешним миром (и не в последнюю очередь со своими непосредственными соседями) говорит и выдвинутый в начале 1990-х годов председателем КПК Дэн Сяопином внешнеполитический лозунг *«следует одеваться во все серое, держаться в тени и не проявлять инициативы»*[214].

Горфункель. — М: АСТ: Восток — Запад, 2006. — С. 65.

[212] Chung C. The "Good Neighbour Policy" in the context of China's foreign relations // China: An International Journal. — 2009. — Vol. 7. No. 1. — P. 108; Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation (Critical Studies of the Asia-Pacific). — Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. — P. 2; China's Initiation of the Five Principles of Peaceful Co-Existence // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/wjls/3604_665547/202405/t20240531_11367542.html (accessed: 17.01.2026).

[213] Цит. по: Zhang C. Historical Changes in Relations Between China and Neighboring Countries (1949-2012). — Institute for Security and Development Policy, 2013. — P. 18.

[214] Цит. по: Лян Ч. Китайская дипломатия в Центральной Азии в 1990-е годы. // Социально-

Этот подход отвечал интересам обновлённой китайской элиты, чьё внимание на тот момент было сосредоточено на продолжении масштабного курса реформ, нацеленного на всестороннюю социально-экономическую модернизацию страны. Наконец, в данный период Китай сформулировал своё понимание концепции «комплексной безопасности». Её суть заключалась в разрешении имеющихся разногласий и конфликтов в отношениях с другими государствами на основе равноправного диалога и комплексного взаимодействия ввиду неприятия китайской стороной открытого силового противостояния в качестве способа решения подобного рода проблем[215]. По сути, идейный поворот, произошедший в китайской внешнеполитической мысли в период политического лидерства Дэн Сяопина, послужил прологом для последовавшего в 1990-х годах налаживания двусторонних отношений КНР с постсоветской Россией и новообразованными государствами Центральной Азии. Его преемник Цзян Цзэминь продолжил данный курс, также подчёркивая необходимость урегулирования противоречий с соседними странами посредством консультаций[216].

В тот же самый период одной из приоритетных задач образовавшихся в результате распада СССР государств Центральной Азии было национальное строительство, включая формирование обособленных идентичностей. Период 1990-х годов в этом регионе был ознаменован поиском собственных парадигм развития и разработкой национальных идеологий. Он также вполне закономерно сопровождался ростом национализма, естественным образом обусловившего нежелание политических элит этих молодых государств

политические науки. — 2017. — № 1. — С. 17.

[215] Ван Л. О роли идейной традиции добрососедства во внешней политике современного Китая // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2005. — №2. — С. 66.

[216] The Fifteenth National Congress // International Department of Central Committee of CPC. 18.12.1997. URL: https://www.idcpc.org.cn/english2023/tjzl/cpcjj/PartyCongresses/202307/t20230727_157827.html (accessed: 20.12.2024).

поступаться недавно приобретённым суверенитетом в пользу каких-либо наднациональных структур и проектов. Этим фактором в том числе можно объяснить несостоятельность интеграционных инициатив, выдвигавшихся с целью объединения пяти центральноазиатских государств в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Можно сказать, что сама логика всеобъемлющей интеграции противоречила происходившему параллельно процессу государственного строительства, который начался после распада СССР и не был завершён к моменту первых попыток объединения в середине 1990-х годов[217]. Вместе с тем недавно обретшим независимость Казахстану, Таджикистану и Киргизии предстояло решить одну из важнейших задач на пути укрепления собственной государственности, а именно — провести делимитацию и демаркацию государственных границ с их общим соседом в лице Китая. В данной связи идея о создании механизма многостороннего регионального сотрудничества с целью повышения уровня взаимного доверия в приграничных районах была воспринята этими странами положительно. Таким образом, основным мотивом взаимодействия вновь образованных государств с Китаем в данный период стало разрешение имеющихся и предотвращение дальнейших пограничных конфликтов между сторонами начавшегося переговорного процесса[218]. В этих условиях число участников переговоров о границе с Китаем с подключением к данному процессу Казахстана, Таджикистана и Киргизии выросло до четырёх, а сами встречи глав государств послужили основой для создания нового регионального формата сотрудничества. Начиная с 1996 года саммиты в рамках регионального объединения, получившего название «Шанхайской пятёрки» (по названию города, где состоялась первая встреча лидеров пяти государств)

---

[217] Князев А.А. Интеграционные процессы в Центральной Азии: без России? // Мировая экономика и международные отношения. — 2026. — № 4 (70). — С. 100; Притчин С.А. Центральноазиатская интеграция: ограничители и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — № 3 (69). — С. 65.

[218] Cohen A. The Dragon Looks West: China and the Shanghai Cooperation Organization // Heritage Lectures. — 2006. — No. 961. — P. 1.

стали проводиться на регулярной основе, а само объединение постепенно начало «обрастать» дополнительными договорённостями. Собственно, факт формирования ШОС на базе соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, подписанных соответственно в Шанхае и Москве в 1996 и 1997 годах, отражён непосредственно в Декларации о её создании[219].

Основой дальнейшего взаимодействия пяти государств стало подписанное между ними в апреле 1996 года в Шанхае Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. В соответствии с ним стороны договорились об обмене информацией касательно своих вооружённых сил и пограничных войск, ограничении масштабов военных учений, приглашении на них наблюдателей и отказе от тех из них, которые направлены против какой-либо из сторон данного договора и т.п[220]. Затем, в развитие данного соглашения, был принят ряд документов, также затрагивающих вопросы взаимодействия «пятёрки» в военной сфере. В апреле 1997 года в Москве состоялось подписание Соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы[221], в июле 1998 года «пятёрка» выступила с совместным заявлением по итогам Алма-Атинской встречи, где впервые стороны выражали готовность бороться с проявлениями *«национального сепаратизма, этнической нетерпимости и религиозного экстремизма»*, к которым они отнесли международный терроризм,

---

[219] Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3406 (дата обращения: 22.10.2023).

[220] Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы // Электронный фонд правовых и нормативно- технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901763237 (дата обращения: 04.03.2024).

[221] Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 24.04.1997. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50727/ (дата обращения: 04.03.2024).

организованную преступность, контрабанду оружия, наркотических и психотропных веществ и другими видами международной преступной деятельности. Помимо этого, стороны сошлись на необходимости предотвращать использование своих территорий *«для организации деятельности, наносящей ущерб государственному суверенитету, безопасности и общественному порядку какого-либо из пяти государств»*[222].

Исходя из содержания упомянутых документов, вполне логично заключить, что нарождавшееся объединение имело довольно чёткую ориентацию на решение региональных проблем в сфере безопасности, и прежде всего — между её участниками[223]. Также при этом нельзя не усмотреть связи содержания принимавшихся в рамках «Шанхайской пятёрки» документов с событиями, происходившими как внутри государств-участников, так и в непосредственной близи от их границ. Повышенное внимание к борьбе с проявлениями религиозного экстремизма, сопряжённого с сепаратизмом, было не в последнюю очередь обусловлено угрозами национальной безопасности государств-участников, исходившими от деятельности террористических группировок на их собственной территории. Кроме того, важным стимулом дальнейшей институционализации «Шанхайской пятёрки» послужило обострение этнополитического противостояния в Афганистане, происходившее на фоне коллапса государственных структур. Эта ситуация создала благоприятные условия для присутствия международных террористических группировок на территории страны, что уже напрямую затрагивало интересы членов объединения в сфере национальной безопасности. Характерной иллюстрацией данного тезиса служит обращение президента Кыргызской Республики Аскара Акаева к

---

[222] Совместное заявление участников Алма-Атинской встречи — Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: https://docs.cntd.ru/document/901794856 (дата обращения: 04.03.2024).

[223] Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. — М.: Навона, 2009. — С. 84.

народу от 29 августа 1999 года в связи с Баткенскими событиями (столкновениями между боевиками «Исламского движения Узбекистана»[224] с одной стороны и вооружёнными силами Киргизии и Узбекистана — с другой), в ходе которой он заявил, что участвовавшие в конфликте террористы *«хорошо вооружены и имеют многолетний опыт боевых действий в Афганистане и Таджикистане»*[225]. Годом ранее в одном из своих интервью президент также говорил о том, что афганские события вызывают у него глубокую озабоченность *«так же, как и у всех президентов центральноазиатских государств»*, называя в данной связи три основных источника дестабилизации обстановки в регионе: рост наркотрафика, исход беженцев и экспорт исламского радикализма[226]. Наконец, не последнюю роль в продвижении институционализации объединения сыграла также заинтересованность России и Китая в повышении предсказуемости обстановки в Центральной Азии, которая была обусловлена активизацией внерегиональных игроков (прежде всего США) на данном направлении[227]. В условиях распада биполярной системы международных отношений США в 1990-е годы предприняли целый ряд односторонних внешнеполитических акций по всему миру. Всё это произвело негативное впечатление на государства региона и в конечном счёте привело их к мысли о необходимости поиска самостоятельных механизмов борьбы с источниками нестабильности на евразийском пространстве[228].

---

[224] «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана») — организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 г. № ГКПИ 03-116.

[225] Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. Сборник документов и материалов. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек: Илим, 2001. — С. 28.

[226] Там же. С. 26.

[227] Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. — М.: Муравей, 2004. — С. 40.

[228] Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли // Россия в глобальной политике. 09.07.2015. URL: https://globalaffairs.ru/articles/shanhajskaya-organizacziya-sotrudnichestva-v-poiskah-novoj-roli/ (дата обращения: 12.05.2025).

По итогам состоявшегося в июле 2000 года в столице Таджикистана саммита «Шанхайской пятёрки», где впервые в качестве гостя присутствовал президент Узбекистана Ислам Каримов[229], была принята декларация, в которой участники выразили готовность к дальнейшему преобразованию данного форума в полноценную региональную структуру, предназначенную для многостороннего сотрудничества по различным вопросам[230]. Состоявшийся год спустя в Шанхае учредительный саммит ШОС стал кульминацией эволюционного развития «Шанхайской пятерки», ознаменовав её переход из статуса диалоговой площадки по вопросам пограничного взаимодействия в формат многофункциональной международной организации, обладающей собственной субъектностью.

Представляется, что при рассмотрении структурных предпосылок институционального оформления организации подобного формата на евразийском пространстве целесообразно применение теории региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера, а также её более поздних модификаций, произведённых другими исследователями данного аналитического направления. Релевантность упомянутой теории для анализа предпосылок формирования ШОС обусловлена спецификой самой организации, которая изначально формировалась не как классический оборонительный альянс, а как инструмент управления взаимозависимостью угроз в трансграничном пространстве государств, входящих в объединение. Уникальность ШОС в рамках данного теоретического подхода заключается в том, что она изначально выступила связующим звеном между двумя

---

[229] Владимир Путин принял участие во встрече глав государств «Шанхайской пятерки» // Президент России. 05.07.2000. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/38289/print (дата обращения: 03.02.2025).

[230] Душанбинская декларация Глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: https://docs.cntd.ru/document/901770882 (дата обращения: 03.02.2025).

автономными РКБ — постсоветским и восточноазиатским[231]. Несмотря на то, что динамика угроз внутри этих комплексов имела различную природу и практически не пересекалась, общая потребность в стабилизации центральноазиатского «узла» позволила преодолеть эту дистанцию и сформировать единую платформу для диалога. Для объяснения этой особенности также может быть привлечена предложенная Д.С. Амабле в качестве развития классической теории РКБ концепция «зарождающегося РКБ», понимаемого как *«совокупность географически близких государств, чьи основные проблемы безопасности взаимосвязаны и не могут быть решены изолированно, однако между ними отсутствует значимое взаимодействие в сфере безопасности, и для инициирования процессов секьюритизации или десекьюритизации может потребоваться внешняя сила»*[232]. В рамках этого подхода, в частности, описывается ситуация, при которой на начальных этапах формирования РКБ его внутренняя динамика сотрудничества и соперничества может быть не столь очевидной, как в случае с его более «зрелыми» формами. В случае центральноазиатских государств, по замечанию Д.С. Амабле, это как раз объяснялась их сосредоточением на внутренних процессах национального строительства. Кроме того, он предлагает логичное объяснение заинтересованности Китая в купировании вызовов региональной стабильности в относящемся к соседнему РКБ постсоветского пространства подкомплексе Центральной Азии, поскольку он испытывал на себе их влияние за счёт исторической взаимосвязи этого пространства со своими северо-западными регионами, в особенности — Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР)[233]. В совокупности с вовлечением в данные процессы другой великой державы в лице России это привело к оформлению в рамках ШОС

---

[231] Гулам Н.Я. «Афганский фактор» в сфере евразийской безопасности: эволюция восприятия и роль в формировании повестки ШОС // Постсоветские исследования. — 2026. — № 5 (9). — С. 690.

[232] Amable D.S. Theorizing the Emergence of Security Regions: An Adaptation for the Regional Security Complex Theory // Global Studies Quarterly. — 2022. — No. 2. — P. 5.

[233] Ibid. P. 6.

подобия «зарождающегося РКБ» на пересечении двух «зрелых» РКБ — постсоветского и восточноазиатского. Впоследствии, по мере расширения членства организации за счёт Индии и Пакистана (2017 г.), а также Ирана (2023 г.), Афганистан начал выступать в роли уже упоминавшегося в ходе настоящего исследования «связующего звена» между Центральной Азией, Южной Азией и Ближним Востоком в рамках этого «зарождающегося РКБ».

***

С позиций теории региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера, формированине ШОС представляется закономерным ответом на высокую степень взаимозависимости угроз безопасности в постсоветской Центральной Азии. Организация выступила механизмом институционализации «зарождающегося» регионального комплекса безопасности, включающего в себя сформированные РКБ Восточной Азии и постсоветского пространства. Её создание было направленно как на минимизацию рисков дестабилизирующего вмешательства внерегиональных игроков, так и на коллективное управление трансграничными угрозами, в том числе исходящими из Афганистана. В период институционального оформления ШОС её участникам удалось достичь политического консенсуса в оценке «трёх зол» в лице терроризма, сепаратизма и экстремизма, в то время как события в Афганистане (напр., приход Движения талибов к власти в 1996 году и их поддержка действовавших в Центральной Азии экстремистских группировок) послужили подтверждением необходимости совместного ответа на общерегиональные угрозы безопасности и стабильности. В данной связи представляется обоснованным утверждение, что афганский фактор выступил одним из ключевых катализаторов многостороннего взаимодействия, без которого государства «Шанхайской пятерки» (а в дальнейшем и ШОС) не имели бы столь значимых стимулов для углубления партнерства и формирования общей повестки. В то же время коллективная идентичность ШОС сформировалась во многом именно через противопоставление

Афганистану как главному источнику нестабильности в ближайшем окружении государств объединения.

Вместе с тем необходимо учитывать, что первоочередной задачей, возложенной на ШОС при её основании, выступало урегулирование пограничных противоречий, минимизация рисков безопасности и выстраивание мер доверия непосредственно между самими государствами-участниками, а не для проецирования коллективной силы и ведение единой внешнеполитической линии в отношении третьих стран[234]. Тем не менее именно такой формат гибкого многостороннего взаимодействия в наибольшей степени отвечал прагматическим интересам «шестёрки» на этапе становления организации. В рассматриваемый период страны региона, стремясь сохранить внутриполитическую автономию, объективно не были готовы к делегированию суверенных полномочий на наднациональный уровень и жестким коалиционным обязательствам, характерным для классических оборонных союзов западного типа. В результате наиболее жизнеспособной и приемлемой формой регионального объединения данной группы стран оказалась платформа для многосторонних консультаций и поддержания мер доверия, послужившая инструментом сопряжения разнородных национальных интересов участников в сфере безопасности без ограничений их внешнеполитического маневра.

Выводы к главе

Становление Шанхайской организации сотрудничества стало закономерным ответом на глубокие структурные сдвиги в архитектуре евразийской безопасности в конце XX века. Дезинтеграция Советского Союза привела к возникновению масштабного «вакуума безопасности» в Центральной Азии — регионе, который практически мгновенно превратился

---

[234] Гулам Н.Я. «Афганский фактор» в сфере евразийской безопасности: эволюция восприятия и роль в формировании повестки ШОС // Постсоветские исследования. — 2026. — № 5 (9). — С. 691.

в зону пересечения трансграничных угроз нового поколения. Появление рисков, связанных с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и неопределенностью государственных границ, поставило молодые центральноазиатские государства перед экзистенциальным вызовом, преодоление которого было невозможно в рамках изолированных национальных стратегий. Осознание ограниченности собственных ресурсов и высокой степени взаимозависимости угроз предопределило прагматичный интерес стран региона к привлечению ведущих региональных держав — России и Китая — в качестве гарантов стабильности. Этот процесс формирования коллективного ответа на общие вызовы заложил основу для поэтапного институционального оформления Организации.

Несмотря на весьма широкий и, на первый взгляд, довольно размытый мандат ШОС, приоритетным направлением сотрудничества её участников как до момента институционального оформления организации в 2001 году, так и после него, большую часть времени оставалась безопасность на евразийском пространстве, обеспечиваемая за счёт координации коллективных усилий по отражению внешних угроз. Помимо вызовов, связанных, прежде всего, с трансграничной преступностью, которые, в большинстве случаев, носили управляемый характер, предметом наибольшей озабоченности государств-членов чаще всего становились угрозы, обусловленные нестабильностью в государствах, не входящих в ряды непосредственных членов организации. Афганский фактор, т.е. фактор длительной военно-политической турбулентности, наблюдавшейся в Афганистане вплоть до недавнего времени, долгое время служил одним из основных источников таких угроз для участников ШОС, и потому оказал более чем заметное влияние на её деятельность и устремления ещё на этапе её зарождения. Это обусловлено непосредственным соседством афганского государства с большинством стран-членов данной организации, из-за чего ситуация с безопасностью внутри него прямо или косвенно затрагивает интересы всех её участников.

Что касается специфики афганской государственности, то её анализ в рамках настоящего исследования обусловлен необходимостью концептуализации Афганистана как уникального государственного образования, развивающегося по специфическим внутренним закономерностям, которые объективно превращают его в источник трансграничных угроз для сопредельных стран, большая часть которых обладает членством в ШОС. Без понимания внутренней структуры афганского общества (слабость институтов центральной власти при доминировании децентрализованных сетевых структур, дефицит общенациональной идентичности и т.п.) невозможно объяснить, почему внешние форматы многостороннего взаимодействия, включая ШОС, сталкиваются с системными барьерами при попытках стабилизации ситуации с безопасностью в регионе. Проведённый анализ позволяет не только уйти от упрощенного восприятия Афганистана как «несостоявшегося государства», но также указать на константный характер внутренних механизмов афганского социума, поддерживающих его устойчивость.

Глава 2. ШОС как региональный институт: концептуальные основы анализа и деятельность на афганском направлении

Близкое географическое соседство большинства стран-членов Шанхайской организации сотрудничества, одним из главных приоритетов которой, в соответствии с основополагающими документами, обозначается сотрудничество по вопросам обеспечения региональной безопасности, с Афганистаном — государством, с последней четверти XX века служившим источником значительной части угроз и вызовов в сфере безопасности для своих непосредственных соседей — обусловило необходимость поиска подходов к эффективному взаимодействию. Тем не менее этот поиск затруднялся, с одной стороны, препятствиями, обусловленными особенностями функционирования самой организации и пределами её мандата, а с другой — активностью внерегиональных игроков (прежде всего, США и НАТО), с начала 2000-х годов оказывавших решающее влияние на афганское государство в вопросах проведения его внутренней и внешней политики. Но, в отличие от Соединённых Штатов, для которых риски, исходящие из Афганистана, носили преимущественно дистанционный характер и не проистекали из фактора географической близости, для его непосредственных региональных соседей нестабильность в этой стране являлась вызовом, подрывающим их собственное благополучие, а её устранение входило в число насущных вопросов, напрямую затрагивающих интересы национальной безопасности.

Настоящая глава призвана обосновать применимость инструментария сравнительного регионализма к анализу деятельности ШОС, а также определить и проанализировать системные противоречия, препятствовавшие выработке и реализации эффективных и согласованных подходов в рамках ШОС к взаимодействию с Афганистаном как до, так и после 2021 года.

§2.1. ШОС в фокусе региональных исследований: региональный институт и «продукт» незападного регионализма

К настоящему моменту современные региональные исследования можно охарактеризовать как относительно молодую область научного знания, прошедшую, тем не менее, долгий и непростой путь становления. Несмотря на это, а также на возрастающую актуальность изучаемой проблематики, многие принципиально важные для дальнейшего развития этого направления вопросы остаются дискуссионными; в частности, до сих пор существует проблема достижения консенсуса относительно понятийного аппарата, т.е. формулирования универсальных определений таких терминов, как «регион», «регионализм», «регионализация», «региональная интеграция» и об их соотношении[235]. Не в последнюю очередь данная проблема обусловлена тем обстоятельством, что в исследовательской литературе по региональной тематике долгое время (начиная со второй половины XX в.) уделялось преимущественное внимание европейским интеграционным процессам, и потому в силу сложившейся за это время традиции понятие «интеграция» стало прочно ассоциироваться именно с этим явлением[236]. По этой причине к моменту активизации интереса научного сообщества к нарождающимся интеграционным инициативам в Азиатско-Тихоокеанском регионе исследователи столкнулись с необходимостью разработки отдельного понятийного аппарата для описания сходных процессов, наблюдавшихся за пределами Европы. Таким образом, уже на этапе становления региональных исследований в нынешнем виде произошло их разделение на европейские и условно «незападные» (или, как указывает ряд авторов, «неевропейские»)[237].

---

[235] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — С. 30.

[236] Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. — М.: Аспект Пресс, 2012. — С. 93.

[237] De Lombaerde P., Van Langenhove L., Baert F. The problem of comparison in comparative regionalism // Review of International Studies. — 2010. — Vol. 36. No. 3. — P. 753.

В современной исследовательской литературе ШОС нередко подвергается критике за «декларативность» и отсутствие жестких наднациональных структур, однако подобные оценки зачастую игнорируют специфику незападных путей регионализации. Использование инструментария сравнительного регионализма позволит рассмотреть это объединение не в качестве «ослабленной» версии евроатлантических институтов, а как самобытную евразийскую модель сотрудничества, ориентированную на сохранение суверенитета и учет интересов гетерогенных акторов.

2.1.1. Сравнительный регионализм: исследовательский подход в процессе становления и поле для дискуссий

Необходимость в разработке принципиально новых подходов к анализу различных форм регионального институционализированного сотрудничества начала появляться практически одновременно с распадом биполярной системы: характерно, что 1990-е годы были отмечены повышенным интересом как отечественного, так и зарубежного исследовательского сообщества к данной проблематике[238]. Одними из первых вопрос о пересмотре сложившихся практик подняли шведские исследователи Б. Хеттне и Ф. Содербаум, указывая, что «классическая» европейская модель интеграции наряду с альянсами по типу НАТО, создававшимися с целью в военно-политического сдерживания, представляют собой форматы сотрудничества, которые были актуальны и востребованы лишь в историческом контексте холодной войны. Вместе с тем в период зарождения полицентричной системы международных отношений формирование региональных объединений стало происходить под влиянием целого ряда новых факторов, в числе которых — размывание позиций США на мировой арене и «подъём» новых региональных центров, усиление глобальной

---

[238] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — С. 33.

финансово-экономической взаимосвязанности и взаимозависимости как следствие устранения ограничений времён холодной войны, возросшая роль негосударственных акторов в мировой экономике и политике и т.п. Таким образом, исследователи проводят разграничение между «старым регионализмом» — специфическим феноменом, «возникшим в 1950-е и постепенно угасшим в 1970-е» и описывающим узкоспециализированные интеграционные процессы с центральной ролью национальных государств, происходившие преимущественно в Европе, и «новым регионализмом» — явлением международной жизни, «зародившимся в середине 1980-х» и отражающим структурные преобразования глобальной системы, происходившие начиная с этого периода[239]. Более поздние попытки авторов модифицировать представленный подход оставили в силе такие значимые отличия «нового регионализма» от «старого», как отказ объединений от жёстких рамок в членстве, в специализации и формах взаимодействия. Наконец, было замечено, что в обновлённых международно-политических условиях одной из задач «неевропейского» регионализма становится ограждение национальных государств от негативного влияния глобализации (а точнее, её неолиберальной версии)[240].

Важный вклад Б. Хеттне и Ф. Содербаума в развитие региональных исследований заключается также в том, что их теоретические наработки позволили говорить об отсутствии единого и универсального пути регионализации. А коль скоро каких-либо ограничений в формате и содержании регионального сотрудничества не существует, формирующие своё объединение государства способны сами определить желаемый способ взаимодействия и его конечный результат, а региональные инициативы, уже возникшие за пределами Европы и Северной Америки (изначально в

---

[239] Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. — 1998. — Vol. 17. No. 3. — P. 7.

[240] Hettne B. The New Regionalism Revisited // Theories of New Regionalism. Ed.: F. Söderbaum, T.M. Shaw. — London: Palgrave Macmillan, 2003. — P. 30.

Азиатско-Тихоокеанском регионе, а впоследствии — на широком евразийском пространстве) имеют право на существование именно в тех формах, в которых они изначально задумывались. Позднее Б. Хеттне подчеркивал, что будущее «нового регионализма» лежит в области сравнительных исследований, причём анализ специфики региональных объединений наряду с оценкой эффективности их работы должны производиться с учётом эндогенных факторов и историко-политического контекста, уникального для каждого региона[241].

Тезис о недопустимости оценки незападных (в частности, азиатских) региональных проектов сотрудничества при опоре на европейский опыт интеграции, где второе берётся за «эталон», на фоне которого первое признаётся несостоятельным, встречается в работах многих исследователей незападных региональных процессов. Например, теоретик «мира регионов» П. Каценштейн указывал на необходимость проведения сравнительного анализа в региональных исследованиях для понимания фундаментальных различий, пролегающих между европейскими и азиатскими форматами взаимодействия, и принятия их права на существование[242]. А. Ачария в своих работах призывает уйти не просто от европоцентризма, но от ЕС-центризма, т.е. убеждения, что ЕС представляет собой самое успешное региональное объединение в истории, чей опыт должен воспроизводиться в других частях света. Он интерпретирует европейскую политико-экономическую интеграцию как частный случай, который оказался возможным лишь в определённом, «эндемичном» для Европы историко-политическом контексте[243].

По мнению многих исследователей, обособившийся в качестве самостоятельного исследовательского направления в 2000-х годах

---

[241] Hettne B. The New Regionalism Revisited // Theories of New Regionalism. Ed.: F. Söderbaum, T.M. Shaw. — London: Palgrave Macmillan, 2003. — P. 27.
[242] Katzenstein P.J. Regionalism in Comparative perspective // Cooperation and Conflict. — 1996. — Vol. 31. No. 2. — P. 125.
[243] Acharya A. Regionalism Beyond EU-Centrism // The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Ed.: T.A. Börzel, T. Risse. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P. 110.

сравнительный регионализм представляет собой не что иное, как попытку преодолеть как европоцентризм, так и ЕС-центризм в региональных исследованиях за счёт включения в сравнительный анализ большего количества незападных (или, в ряде случаев, «неевропейских») институтов[244]. К настоящему моменту его предметное поле, находясь на стыке целого ряда обществоведческих дисциплин и научных направлений, характеризуется концептуальным плюрализмом, эклектичностью и фрагментированностью за счёт отсутствия консенсуса по большинству принципиально важных вопросов (в числе которых — уже упоминавшийся вопрос понятийного аппарата), а также продолжающегося роста числа теоретических и методологических подходов, что обусловлено многомерностью и многофакторностью изучаемого явления[245]. В данной связи зарубежные исследователи выделяют, соответственно, три его наиболее актуальных проблемы — концептуальную, теоретическую и методологическую[246]. К числу дискуссионных также относится вопрос о том, возможно ли в принципе создание общей теоретико-методологической базы современного сравнительного регионализма, или же он так и останется совокупностью разрозненных конкурирующих между собой подходов[247]. Некоторые авторы предполагают, что для решения обозначенных проблем в перспективе потребуется «примирение» исследователей европейских интеграционных процессов с одной стороны, и «неевропейских» региональных инициатив — с другой, наряду с приверженцами различных теоретических точек зрения и исследовательских традиций, что также представляется крайне непростой задачей[248]. Одна из

---

[244] Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. — 2012. — Vol. 47. No. 1. — P. 12.
[245] Söderbaum F. Rethinking Regionalism. — Basingstoke: Palgrave, 2016. — P. 33.
[246] De Lombaerde P., Van Langenhove L., Baert F. The problem of comparison in comparative regionalism // Review of International Studies. — 2010. — Vol. 36. No. 3. — P. 734.
[247] Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. — 2012. — Vol. 47. No. 1. — P. 13.
[248] De Lombaerde P., Van Langenhove L., Baert F. The problem of comparison in comparative regionalism // Review of International Studies. — 2010. — Vol. 36. No. 3. — P. 753.

попыток систематизировать переменные для проведения сравнительного анализа объединений вне зависимости от их региональной принадлежности была предпринята авторами теории институционального дизайна А. Ачарией и А. Джонстоном, основная задача которой состоит в выявлении факторов, влияющих на формирование институционального дизайна объединения, а также его взаимосвязи с характером осуществляющегося в его рамках взаимодействия[249].

2.1.2. Теория институционального дизайна как подход к объяснению специфики незападных региональных объединений

Принципиально важную роль в реализации различных моделей регионализма играют международные институты-организации, которые формируются на наднациональном или межправительственном уровне по инициативе заинтересованных государств для осуществления тех или иных форм регионального сотрудничества. Введённое в научный оборот на рубеже XIX-XX вв. в рамках общественных наук понятие «институт» стало применяться крайне широко в самых разнообразных контекстах и, таким образом, будучи изначально весьма размытым, обзавелось множеством значений и трактовок[250]. Тем не менее, как указывает Э.Я. Баталов, в современной литературе можно выделить два основных подхода к пониманию термина «институт»: первый подразумевает нормы и правила, которыми руководствуется общество, в то время как в рамках второго, более широкого, институты понимаются как сообщества, представляющие собой «субъекты общественных отношений», или, по выражению О. Янга, «социальные практики»[251]. Адептом первого подхода является американский экономист Д.

---

[249] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 16.

[250] Одним из авторов, привнесших данную категорию в общественные науки, считается американский экономист Торстейн Веблен (См. подробнее: Веблен Т. Теория праздного класса. Пер. с англ. — М.: Прогресс. 1984. — 336 с.).

[251] Баталов Э.Я. Новая институционализация мировой политики // Международные

Норт, определяющий институты как *«“правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми»*, не включая в них организации, которые, в его понимании, являются «агентами институциональных изменений», состоят из групп людей и формируются для выполнения конкретных задач на основе существующих (в том числе институциональных) правил и ограничений[252].

В предметном поле международных и региональных исследований данное понятие также характеризуется существенной многозначностью. Согласно определению, сформулированному американским политологом, основоположником теории наступательного реализма Дж. Миршаймером, международные институты — это *«набор правил, определяющих способы осуществления отношений сотрудничества и конкуренции между государствами»*[253]. Сходную характеристику даёт и представитель школы неолиберального институционализма Р. Кеохейн, определяя их как совокупность устойчивых, взаимосвязанных правил формального и неформального характера, предписывающих определённое поведение, упорядочивающих деятельность и формирующих ожидания международных акторов[254]. По его убеждению, начиная с 1990-х годов изучение мировых политических процессов подразумевает, прежде всего, анализ международных институтов, т.е. правил, которыми руководствуются её субъекты, и организаций, которые призваны содействовать их реализации[255]. По аналогии

процессы. — 2016. — № 1 (14). — С. 7-8.

[252] Норт Д. Институты, институциональные измерения и функционирование экономики. — М. Фонд экономической книги, 1997. — С. 17, 20.

[253] Цит. по: Сафонов М.В. Современные подходы к изучению международных институтов // Полис. Политические исследования. — 2003. — № 3. — С. 58-66.

[254] Keohane R. Neoliberal institutionalism: A perspective on world politics // International Institutions and State Power: Essays in International Relations. Ed.: R.O. Keohane. — New York: Routledge, 1989. — P. 3.

[255] Keohane R. International Institutions: Can Interdependence Work? // Foreign Policy. — 1998. — No. 110. — P. 82.

с национальным уровнем, где институты формируются на базе т.н. «общественного договора», институциональный выбор регионального объединения представляет собой результат консенсуса государств, готовых принять в нём участие[256]. В имевшемся до начала 2000-х годов относительно небольшом по сравнению с исследованиями европейских интеграционных структур пласте академической литературы, посвящённой специфике незападных региональных объединений, уделялось недостаточное внимание вопросу о причинах разнообразия форм сотрудничества государств за пределами Европы[257]. В начале 2000-х годов немецкий политолог А. Вендт указывал, что в рамках международных исследований проблематика институционального дизайна начала осмысляться совсем недавно, поскольку в условиях практически всеобщего признания тезиса об анархичности международной системы исследователи были в большей степени поглощены поиском ответа на вопрос, нужны ли международные институты в принципе[258].

Одной из первых наиболее заметных работ по данному вопросу стала опубликованная в 2001 году статья американских политологов Б. Кременос, Ч. Липсона и Д. Снидала, где были изложены результаты проекта «Рациональный дизайн международных институтов» (the Rational Design of International Institutions, RDII)[259], которые спустя два года наряду с наработками других исследователей по данной тематике также были

---

[256] Кузнецов Д.А. Возможности формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма // Мировая политика. — 2019. — № 1. — С. 5.

[257] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 16.

[258] Wendt A. Driving with the Rearview Mirror: On the Rational Science of Institutional Design // The Rational Design of International Institutions. Ed.: B. Koremenos, C. Lipson, D. Snidal. — Cambridge University Press, 2009. — P. 259.

[259] Koremenos B., Lipson C., Snidal D. The Rational Design of International Institutions // International Organization. — 2001. — Vol. 55. No. 4. — P. 761-799.

представлены в одноимённой монографии[260]. В соответствии с концепцией рационального дизайна международных институтов, в качестве концептуальной основы которой используются основные положения теории рационального выбора, государства создают и используют международные институты в первую очередь для достижения собственных целей, для чего они соответствующим образом разрабатывают их институциональный дизайн[261]. Иными словами, международные институты (в том числе региональные объединения) являются продуктом сознательных действий государств (в меньшей степени — негосударственных акторов), и различия в их дизайне не случайны: они — результат рационального, целенаправленного взаимодействия между государствами и другими международными субъектами для решения конкретных проблем. Опираясь на определение международных институтов, данные Р. Кеохейном и О. Янгом[262], авторы, однако, не представили в своей работе четкой дефиниции термина «институциональный дизайн», указывая лишь, что в данном конкретном исследовании они исследуют *«общие характеристики институциональных решений, принимаемых [международными акторами]»*. В рамках проекта RDII для сопоставления различных кейсов авторы ввели пять различных переменных, а именно: 1) правила и принципы предоставления членства в организации; 2) объём вопросов, входящих в сферу её ответственности; 3) степень централизации различных процессов в рамках организации; 4) механизм принятия и реализации коллективных решений; 5) степень приспособляемости организации к новым условиям[263]. В данной связи

---

[260] The Rational Design of International Institutions. Ed: B. Koremenos, C. Lipson, D. Snidal. — Cambridge University Press, 2009. — 343 p.

[261] Koremenos B., Lipson C., Snidal D. The Rational Design of International Institutions // International Organization. — 2001. — Vol. 55. No. 4. — P. 762.

[262] См. подробнее: Young O.R. International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994. — 240 p.

[263] Koremenos B., Lipson C., Snidal D. The Rational Design of International Institutions // International Organization. — 2001. — Vol. 55. No. 4. — P. 763.

исследователи выдвигают ряд гипотез, числе которых, например, предположение о том, что *«объём вопросов, находящихся на повестке дня организации, увеличивается по мере роста числа её участников и, как следствие — её внутренней неоднородности»*[264], *«степень приспособляемости организации растёт в условиях роста неопределённости международной среды»*[265].

Несмотря на то, что результаты данного проекта приобрели популярность в академическом сообществе, они были подвергнуты критике, в частности, за игнорирование специфики незападных региональных объединений[266]. Кроме того, как указывают А. Ачария и А. Джонстон, в рамках проекта RDII не уделяется внимание вопросу влияния институционального дизайна на эффективность институтов, понимаемой как способность реализовывать поставленные перед организацией цели при её создании[267]. Кроме того, институциональный дизайн через призму данного подхода не рассматривается как фактор, обусловливающий различия в результатах сотрудничества в рамках тех или иных объединений, равно как и в его качестве. А. Вендт, в свою очередь, указывал на недостатки рационалистического объяснения мотивации государств при формировании институционального дизайна организаций, напоминая о важной роли идеологии и моральных соображений в данном вопросе[268]. При всём этом необходимо отметить, что сами авторы указывают на ограниченный

---

[264] Koremenos B., Lipson C., Snidal D. The Rational Design of International Institutions // International Organization. — 2001. — Vol. 55. No. 4. — P. 786.
[265] Ibid. P. 793.
[266] Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — №6 (15). — С. 137.
[267] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 13.
[268] Wendt A. Driving with the Rearview Mirror: On the Rational Science of Institutional Design // The Rational Design of International Institutions. Ed: B. Koremenos, C. Lipson, D. Snidal. — Cambridge University Press, 2009. — P. 262.

объяснительный потенциал своего подхода, подчёркивая, что он *«способен многое прояснить по вопросу институтов, но не всё»*[269].

Задачу преодоления данных недостатков, в том числе с целью адаптации концепции институционального дизайна для анализа региональных объединений незападного мира, взяли на себя А. Ачария и А. Джонстон, разработавшие теорию институционального дизайна (Institutional Design Theory), изложенную в монографии «Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective», вышедшей в 2007 году. В своём исследовании они определяют понятие «институциональный дизайн» как *«формальные и неформальные правила и организационные характеристики, которые лежат в основе института, и выступают либо в роли ограничителя поведения участников объединения, либо в качестве структуры социальной среды, в которой они осуществляют взаимодействие»*[270]. Главная мысль авторов состоит в том, что институциональный дизайн того или иного международного объединения отвечает целям и потребностям государств, формирующих его[271]. Иначе говоря, выводы об эффективности работы организации должны производиться в первую очередь исходя из запросов стран-участниц и сформулированных при её создании целей, а не в сравнении с опытом того или иного успешного регионального объединения (напр., в лице Европейского союза или НАТО), принимаемого за своего рода «эталон». В своей работе А. Ачария и А. Джонстон предприняли попытку выявления причин выбора институционального дизайна на примере различных региональных кейсов (в числе которых как «классические» структуры в лице

---

[269] Koremenos B., Lipson C., Snidal D. The Rational Design of International Institutions // International Organization. — 2001. — Vol. 55. No. 4. — P. 763.

[270] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 15.

[271] Ibid. P. 15-16; Acharya A., Johnston A.I. Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 261-263.

ЕС и НАТО, так и незападные объединения, в числе которых — Африканский союз, Лига арабских государств, АСЕАН и Региональный форум АСЕАН по безопасности и Организация американских государств), так и ответить на вопрос, как выбранный институциональный дизайн в последующем влияет на сотрудничество в рамках созданной организации[272]. С этой целью авторы вводят свой набор зависимых переменных, называемых «элементами институционального дизайна» (features of institutional design), в числе которых — как предложенные в рамках проекта RDII, так и дополнения, характерные для социологического подхода к пониманию институтов: 1) основания предоставления членства в объединении (membership); 2) сфера компетенций (scope), т.е. круг вопросов, которые организация уполномочена решать и степень её вмешательства во внутреннюю политику государств-членов; 3) порядок принятия решений (formal rules); 4) идейно-ценностная основа объединения (norms) — «формальная, либо неформальная идеология организации»; 5) мандат организации (mandate), т.е. основная цель, с которой она была сформирована[273]. Помимо этого, авторы приводят переменные, влияющие на становление институционального дизайна в каждом конкретном случае (explanations for institutional design), которые, в свою очередь, включают: 1) тип проблемы сотрудничества (type of cooperation problem); 2) число участников (number of actors); 3) степень региональной сплочённости или наличие общерегиональной идентичности (ideology and identity); 4) специфика внутриполитических процессов государств региона — политические режимы, наличие этнополитических конфликтов и т.п. (domestic politics); 5) влияние внерегиональных факторов — международных и региональных организаций, НПО (extra-regional institution OR non-state actors as agents of change); 6) значение географического фактора (geography).

---

[272] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 16.

[273] Ibid. P. 22.

В рамках проведённого А. Ачарией и А. Джонстоном сравнительного исследования был рассмотрен институциональный дизайн целого ряда региональных организаций и объединений западного (Европейский Союз, НАТО) и незападного мира (АСЕАН, Лига арабских государств и т.п.). Проведённое сопоставление высветило существенные различия, пролегающие между созданными в соответствии с логикой «старого регионализма» объединениями развитых государств (т.е. ЕС и НАТО) и «неевропейскими» региональными форматами, начиная с мотивов, побуждающих страны сотрудничать (функциональные соображения против нормативных) и заканчивая механизмом принятия коллективных решений[274]. В частности, результаты исследования позволили говорить о том, что многие незападные государства путём создания региональных структур реализуют своё стремление не углублять региональные интеграционные процессы, а напротив — укрепить собственный суверенитет, сохранить имеющуюся политическую автономию, и содействовать друг другу в устранении явлений, представляющих угрозу их политической и экономической стабильности, и зачастую именно этой цели в отвечает институциональный дизайн объединений, формировавшихся в постбиполярный период[275]. Особенно логичными эти выводы выглядят в свете того обстоятельства, что незападный мир аккумулирует страны с развивающимися экономиками, нередко весьма уязвимыми для внешних потрясений, а также различных видов принуждения со стороны более развитых государств. В случае же с евразийским пространством (и в особенности с центральноазиатским регионом) речь идёт о государствах с, по историческим меркам, относительно недавно

---

[274] Acharya A., Johnston A.I. Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 244-278.

[275] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 19-20.

приобретённым суверенитетом, которым они по вполне естественным причинам не желают поступаться и делегировать даже незначительную его часть на наднациональный уровень. Интересно, что, вводя число участников объединения в качестве одной из переменных, авторы, ссылаясь на исследование М. Олсона, указывают, что, чем больше организация включает в себя государств-членов при прочих равных условиях, тем меньше вероятность того, что они *«изберут совместную работу в качестве способа получения общей выгоды»*[276]. Инклюзивное членство способно сделать работу региональной организации ещё менее продуктивной, если решения в ней принимаются не большинством голосов, а по принципу консенсуса: в таком случае её участники не только сталкиваются с трудностями в выработке совместных подходов по различным вопросам, но и с почти неизбежным «выхолащиванием» любого официального документа, принимаемого в его рамках, ввиду необходимости поиска «наименьшего общего знаменателя»[277].

Теорию институционального дизайна А. Ачарии и А. Джонстона можно считать одним из наиболее успешных вариантов реализации подхода, предлагаемого в рамках сравнительного регионализма, поскольку она обладает удобным инструментарием, позволяющим исследовать роль и место институтов в структурировании регионального пространства вне зависимости от рассматриваемого региона. Однако, как и любая теория в рамках политической науки, она не лишена «узких мест», в числе которых — чрезмерный акцент на идейном измерении региональных отношений в ущерб вниманию материальным факторам, в частности — торгово-экономическим взаимосвязям в рамках региона и их влиянию на политические процессы. Кроме того, во многом базируясь на положениях теории рационального

---

[276] Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. — P. 48.

[277] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 17.

выбора, теория институционального дизайна не всегда способна в должной мере учитывать глубинный историко-культурный контекст становления региональных взаимоотношений. Несмотря на то, что авторы теории признают важность исторических факторов, они, тем не менее, не играют решающей роли в анализе и практически не оказывают влияния на его результаты[278].

2.1.3. Институциональный дизайн ШОС

Несмотря на значительный исследовательский интерес к ШОС, её однозначная типологическая классификация в рамках устоявшихся теоретических моделей международных институтов представляет собой непростую задачу. Разнообразие мнений по данному вопросу говорит о том, что сформированная в рамках ШОС модель регионального взаимодействия многим представляется непривычной, и по этой причине у исследовательского сообщества на сегодняшний день отсутствует единый подход к пониманию критериев, позволяющих судить о её эффективности и «успешности», а также прогнозировать её дальнейшую судьбу. Тем не менее подобная характеристика, во-первых, отражает специфику регионального контекста, а также международно-политических условий, в которых формировалась организация, и, во-вторых, вполне укладывается в логику «нового регионализма», допускающего практически любые вариации форматов регионального взаимодействия и предоставляющего инструменты для их изучения[279]. Для лучшего понимания природы ШОС, объяснения специфики её структуры и идейной основы, а также выявления свойственных ей ограничений может быть использована теория институционального дизайна А. Ачарии и А. Джонстона, в частности — матрица, включающая т.н. «элементы институционального дизайна».

---

[278] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 21.

[279] Гулам Н.Я. Сравнительный регионализм в изучении деятельности ШОС: возможности применения // Международная аналитика. — 2026. — № 1 (17). — С. 40.

Основания предоставления членства. Исходя из содержания основополагающих документов ШОС, членство в ней предоставляется по принципу инклюзии: в соответствии с Положением о порядке приема новых членов, организация является открытой для вступления любого государства, принадлежащего «к евро-азиатскому региону» (который, несмотря на терминологическое обозначение пространственных рамок, не имеет жестко фиксированных географических границ), а также не нарушающего международно-правовые нормы и принципы и поддерживающего активные дипломатические, экономические и гуманитарные связи со странами-членами ШОС; решение о предоставлении членства принимается Советом глав государств (СГГ) ШОС после прохождения заявителем установленной процедуры, включающей направление главой государства обращения в СГГ с просьбой о вступлении, выполнение государством-заявителем ряда обязательств, указанных в соответствующем Меморандуме, включая присоединение к действующим в рамках ШОС международным договорам и участие в формировании бюджета объединения[280]. Таким образом, никаких требований, связанных с трансформацией политических и экономических систем к странам-заявителям не предъявляется. В организациях же, создававшихся в логике «старого регионализма» — ЕС и НАТО — напротив, доминирует принцип эксклюзии, что обусловлено как более чётко очерченными региональными границами, так и наличием гораздо более строгих политических, экономических и военных критериев для вступления и требованиями подобных организаций к разделению специфических норм и ценностей, а также принципов управления государством и взаимодействия с внешним миром, принятых их участниками[281].

---

[280] Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества // Деловой совет ШОС. 11.06.2010. URL: https://bcsco.ru/files/docs/polozhenie_o_poryadke_priema_novyh_chlenov_v_shanhajskuyu_organizaciyu_sotrudnichestva.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

[281] Acharya A., Johnston A.I. Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional

Сфера компетенций (scope). По мере институционального развития Шанхайской организации сотрудничества в её рамках создавались различные органы и механизмы, назначение которых сводилось в основном к обеспечению коммуникации между государствами-членами и координации их действий (в связи с чем многие авторы относят данное объединение скорее к числу межгосударственных, нежели надгосударственных)[282]. В 2004 году были созданы единственные по сей день постоянно действующие исполнительные органы в рамках ШОС — это Секретариат и Региональная антитеррористическая структура (РАТС)[283]. Помимо них в рамках организации создавалось множество ad hoc механизмов. Однако все принимаемые ими решения носят рекомендательный характер и никаких санкций в отношении стран, отказавшихся от их выполнения, не предусматривается. Наконец, в самой Декларации о создании ШОС однозначно говорится о недопустимости вмешательства во внутренние дела входящих в неё стран и об уважении их суверенитета и независимости. По этой причине можно говорить об отсутствии у организации каких-либо рычагов влияния на внутреннюю политику государств-членов и принимаемые ими на национальном уровне решения.

Говоря же о круге вопросов, решение которых возложено на объединение, следует отметить, с момента своего образования в середине 1990-х годов в формате «Шанхайской пятёрки» оно уделяло первостепенное внимание вопросам безопасности. Прежде всего имелось в виду её обеспечение в приграничных районах между государствами-членами, но вскоре была обозначена необходимость скоординированных усилий по борьбе

Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 247.

[282] Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation (Critical Studies of the Asia-Pacific). — Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. — P. 5.

[283] Лукин А.В., Мочульский А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки НКСМИ. — 2005. — № 2 (4). — С. 10.

с т.н. «тремя силами зла» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на пространстве ШОС[284]. Впоследствии, по мере институционального оформления организации её повестка расширилась за счёт целого ряда смежных вопросов, решение которых могло внести вклад в улучшение региональной обстановки в сфере безопасности. Так, среди направлений сотрудничества ШОС, согласно принятой в 2002 году Хартии, упоминаются *«поддержка и поощрение регионального экономического сотрудничества в различных формах»*, транспортно-логистическое, природоохранное сотрудничество, а также *«расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма»*[285]. С этой целью в рамках ШОС на регулярной основе проводятся совещания и встречи руководителей отраслевых министерств и ведомств стран-участниц (напр., министров иностранных дел, обороны, юстиции, транспорта, образования, культуры, а также генеральных прокуроров, Секретарей Советов безопасности и т.п.), а также функционирует ряд неправительственных координационных структур (трехуровневый механизм взаимодействия антинаркотических ведомств, Деловой совет, Межбанковское объединение, Молодёжный совет и т.п.)[286].

В соответствии с классификацией А. Ачарии и А. Джонстона, круг вопросов, которые организация уполномочена рассматривать, несмотря на очевидный акцент на тематике региональной безопасности, можно охарактеризовать как широкий (broad), в то время как степень её вмешательства во внутреннюю политику государств-членов — весьма низкой

---

[284] Obydenkova A.V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — P. 219.

[285] Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 16.01.2025).

[286] Структура Шанхайской организации сотрудничества (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 17.05.2005. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1744095/ (дата обращения: 16.01.2025).

(unintrusive), что ставит её в один ряд с региональными институтами Азиатско-Тихоокеанского региона (где наиболее ярким примером выступает АСЕАН), а также Лигой арабских государств и Африканским союзом[287].

Порядок принятия решений. В соответствии с Хартией ШОС, все решения в рамках организации и её отдельных институтов *«считаются принятыми, если ни одно из государств-членов в процессе согласования не возразило против них»*[288], т.е. по принципу консенсуса. Необходимо отметить, что ШОС в целом не располагает формально закрепленной и кодифицированной процедурой принятия решений, большая часть которых является результатом неформальных обсуждений[289]. Интересно, что, согласно выводам, содержащимся в исследовании А. Ачарии и А. Джонстона, в большинстве объединений за пределами Европы (по крайней мере, в тех, чья деятельность анализировалась в работе) решения также принимаются консенсусом, и в целом по данному конкретному критерию неевропейские организации друг от друга отличаются незначительно; в числе других сходств — соблюдение принципов уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других государств, приверженности мирному разрешению споров и отказа от угрозы силой или ее применения[290]. Приверженность принципу консенсуса в подобных случаях объясняется тем, что таким образом государства-члены стремятся пресечь попытки вынесения каких-либо вопросов на наднациональный уровень и, как

---

[287] Acharya A., Johnston A.I. Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 252.

[288] Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 16.01.2025).

[289] Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation (Critical Studies of the Asia-Pacific). — Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. — P. 26.

[290] Acharya A., Johnston A.I. Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 253.

следствие, навязывания им обязательств по исполнению принятых на этом уровне решений[291]. Вместе с тем ввиду объективных сложностей в консолидации позиций всех участников ШОС, усугубившихся с расширением членства организации, интересно отметить, что отказ от участия в тех или иных совместных проектах незаинтересованных государств-членов не препятствует их осуществлению с участием заинтересованных сторон[292]. Подобная «гибкость» процедуры принятия решений, с одной стороны, способна привлечь потенциальных участников организации, а с другой — негативно сказывается на единообразии подходов действующих государств-членов к решению общерегиональных проблем и вызовов.

Идейно-ценностная основа ШОС. Как уже было сказано ранее, согласно основополагающим документам ШОС, её идейной основой выступает т.н. «шанхайский дух»[293]. Из этого следует, что, в отличие от европейских институтов, предоставление членства в ШОС не увязывается с принятием государствами какой-либо идеологии, проведением определённой универсальной внутренней политики и созданием конкретной схожей для участников экономической модели. Создатели ШОС изначально вкладывали в её основу принципы, позволяющие обеспечить продуктивную совместную работу по вопросам, представляющим взаимный интерес участников в условиях идейно-ценностного разнообразия и невзирая на существующие различия в подходах к государственному управлению и хозяйствованию[294]. Выводы А. Ачарии и А. Джонстона говорят о том, что большинство

---

[291] Barnett M., Solingen E. Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 213.

[292] Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. — М.: Навона, 2009. — С. 87; Барков А.В. Шанхайская организация сотрудничества // Московский журнал международного права. — 2003. — № 3. — С. 261.

[293] Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3406 (дата обращения: 22.10.2023).

[294] Гулам Н.Я. Сравнительный регионализм в изучении деятельности ШОС: возможности применения // Международная аналитика. — 2026. — № 1 (17). — С. 43.

незападных региональных объединений на сегодняшний день также склонны поддерживать в своих рядах идеологическое многообразие, что резко контрастирует с ЕС и НАТО, демонстрирующими приверженность либеральным принципам в политике и экономике[295].

Мандат организации (mandate). По мнению многих исследователей, задача ШОС сводится прежде всего к координации усилий по отражению угроз безопасности, проистекающих в первую очередь изнутри самого региона (т.е. по периметру ШОС)[296]. Однако при этом, как уже упоминалось ранее, организация не обладает инструментами и механизмами вмешательства во внутренние дела своих участников, что лучше всего видно на примере функционирования Региональной антитеррористическая структуры (РАТС), основная функция которой заключается в анализе данных и выработке предложений для стран-членов по противостоянию «трём силам зла», определённым в принятой одновременно с созданием организации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Сама по себе РАТС не служит непосредственным инструментом предотвращения данных деяний (учитывая, что организация не является военным блоком, и не располагает вооружёнными силами)[297]. В соответствии с классификацией А. Ачарии и А. Джонстона, мандат региональных организаций может быть распределительным (distributive), т.е. нацеленным на «распределение какого-то потенциально дефицитного блага» и совещательным (deliberative), т.е. направленным на «обсуждение и разрешение потенциальных конфликтов интересов», причём к первому типу

---

[295] Acharya A., Johnston A.I. Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 255.

[296] Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation (Critical Studies of the Asia-Pacific). — Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. — P. 75-76.

[297] Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 16.01.2025).

авторы относят ЕС и НАТО (за исключением формата «Партнёрства ради мира»), а также отчасти Организацию американских государств (ОАГ), а ко второму — рассмотренные в исследовании азиатские, африканские и ближневосточные региональные группировки[298]. Опираясь на приводившиеся в рамках данной работы характеристики ШОС, представляется возможным также отнести её мандат к категории совещательных.

Табл. 2. *Сопоставление элементов институционального дизайна ШОС с организациями, задействованными в сравнительном исследовании А. Ачарии и А. Джонстона*[299].

Организация	**Основания предоставления членства (membership)**	**Сфера компетенций (scope)**	**Порядок принятия решений (formal rules)**	**Идейно-ценностная основа (norms)**	**Мандат организации (mandate)**
ШОС	По принципу инклюзии	Широкий круг вопросов; низкая степень вмешательства во внутреннюю политику стран-участниц	Консенсус	«Шанхайский дух», характеризующийся «взаимным доверием, взаимной выгодой, равенством, взаимными консультациями, уважением к многообразию культур, стремлением к совместному развитию»	Совещательный (deliberative)
АСЕАН	По принципу эксклюзии	Широкий круг вопросов; низкая степень вмешательства во внутреннюю политику стран-участниц	Консенсус	«Путь АСЕАН» (ASEAN Way), основанный на консенсусе, неформальности, невмешательстве во внутренние дела и отказе от конфронтации	Совещательный (deliberative)
НАТО	По принципу эксклюзии	Сосредоточение на вопросах обеспечения коллективной	Консенсус (де-факто	Сильное влияние либеральных теорий	Распределительный (distributive)

[298] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 22.

[299] Составлено на основе материалов 2 главы, а также с использованием: Acharya A., Johnston A.I. Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 250-251; Гулам Н.Я. Сравнительный регионализм в изучении деятельности ШОС: возможности применения // Международная аналитика. — 2026. — № 1 (17). — С. 30-50.

		обороны и безопасности; высокая степень вмешательства во внутреннюю политику стран-участниц, строгие требования к параметрам внутригосударственного управления для получения членства.	существует право вето)	безопасности и развития	

***

Резюмируя, можно констатировать, что Шанхайская организация сотрудничества со всей очевидностью не вписывается в логику «старого регионализма», представляя собой региональную организацию с широкой повесткой, чьи страны-участницы объединены стремлением сохранить и укрепить собственный суверенитет в условиях международно-политической турбулентности формирующегося полицентричного миропорядка, остающуюся открытой для вступления государств, принадлежащих к «евро-азиатскому региону» и готовую к сотрудничеству в рамках специализированных форматов со странами, не удовлетворяющими этому критерию[300]. Организация демонстрирует большинство признаков незападных региональных объединений, выявленных в исследовании А. Ачарии и А. Джонстона: в частности, она характеризуется сравнительно невысоким уровнем институционализации, что также свидетельствует о стремлении стран-участниц не к углублению региональной интеграции, а к сохранению своей автономии и суверенитета наряду с улучшением ситуации с безопасностью в регионе (т.е. устранением угроз стабильности), и именно этим целям отвечает её институциональный дизайн, не предполагающий наличия наднациональных органов. Исходя из этого, а также с точки зрения эффективности налаживания многостороннего регионального взаимодействия между государствами с принципиально разным историко-культурным

[300] Гулам Н.Я. Сравнительный регионализм в изучении деятельности ШОС: возможности применения // Международная аналитика. — 2026. — № 1 (17). — С. 45.

бэкграундом, а в ряде случаев — имеющими противоречия на двусторонней основе, деятельность организации можно считать успешной.

§2.2. Специфика взаимодействия ШОС с Афганистаном с 2001 по 2021 гг.

Взаимодействие ШОС с Афганистаном в 2001-2021 гг. развивалось в условиях фундаментальной перестройки региональной архитектуры безопасности на евразийском пространстве, а эскалация афганского кризиса послужила, в сущности, первым масштабным стресс-тестом для институциональных механизмов организации, продемонстрировавшим реальные границы её оперативного потенциала. Теракты 11 сентября 2001 г. и последующая эскалация асимметричного конфликта в Афганистане с участием международных сил побудили государства-члены ШОС в значительной мере пересмотреть задачи организации и обратить более пристальное внимание на очаг нестабильности в непосредственной близости от их границ[301]. Отношение ШОС к этим событиям было однозначным: в совместном заявлении по итогам внеочередной встречи министров иностранных дел, состоявшейся в январе 2002 года, её участники приветствовали *«избавление афганского народа от режима талибов, тесно связанного с международным терроризмом»*[302], а в декларации по итогам саммита организации, состоявшегося в июне того же года в Санкт-Петербурге, главы государств подчеркнули взаимосвязь безопасности стран Центральной Азии и афганского мирного процесса, заявив о намерении содействовать ему совместными усилиями[303]. Впрочем,

---

[301] Заявление глав правительств государств-участников Шанхайской Организации Сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. 14.09.2001. URL: https://rus.sectsco.org/images/07e8/0c/03/1607860.pdf (дата обращения: 22.10.2025).

[302] Совместное заявление министров иностранных дел государств-участников Шанхайской организации сотрудничества (Пекин, 7 января 2002 года) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.01.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1628885/ (дата обращения: 03.04.2025).

[303] Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-

дальнейшая динамика конфликта, продемонстрировавшая, что подлинной стабилизации после смены режима в Афганистане достичь не удалось, постепенно сформировала у членов организации понимание необходимости адаптации к новым условиям.

РАТС ШОС. Региональная антитеррористическая структура (РАТС), функционирующая с 2004 года, стала одним из первых постоянно действующих органов ШОС, наряду с Секретариатом. Её предназначение заключается в содействии координации и взаимодействию компетентных органов государств-членов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом — «новыми» угрозами безопасности, обратившими на себя внимание мирового сообщества на рубеже XX-XXI веков[304]. Соглашение о создании РАТС было подписано меньше чем через год после терактов 11 сентября 2001 г. и начала операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, что может рассматриваться как оперативная институциональная реакция на обострение ситуации с безопасностью в регионе (или, как указывает А.Ш. Кадырбаев, прежде всего на афганские события)[305]. Подписанию соглашения о РАТС ШОС предшествовали проведенные на территории Казахстана и Китая осенью 2003 года первые совместные антитеррористические учения государств-членов ШОС «Взаимодействие-2003», направленные на определение способов согласования совместных тактических действий, преодоление трудностей взаимодействия, обусловленных различиями военных традиций[306].

Петербург, 7 июня 2002 года) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.06.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1745498/ (дата обращения: 20.04.2025).

[304] Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3864 (дата обращения: 01.03.2025).

[305] Кадырбаев А.Ш. Влияние афганского фактора на ведущие страны ШОС // Афганистан.Ру. 14.09.2011. URL: https://afghanistan.ru/doc/20882.html (дата обращения: 22.01.2025).

[306] Противодействие терроризму в рамках ШОС (Справка) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 28.10.2011. URL:

Несмотря на то, что все страны-участницы ШОС ещё длительное время выражали поддержку декларируемому как антитеррористическое военному присутствию США и западной коалиции в Афганистане, постепенно становилось понятно, что задачу реального противодействия терроризму в стране и обеспечения безопасности в ареале ШОС это присутствие не решало[307]. В конце 2001 — начале 2002 годов выявились две основные позиции в дискуссиях относительно американского присутствия в Центральной Азии. Первая исходила из предположения, что Соединённые Штаты намерены использовать своё военное присутствие в Центральной Азии для достижения своих внешнеполитических целей, а операция в Афганистане служит не более чем предлогом. Главным аргументом для обоснования второй точки зрения — в пользу присутствия вооруженных сил США на юге СНГ — называлось то обстоятельство, что оно якобы снижает уровень угроз, исходящих из Афганистана[308]. В данной связи создание Региональной антитеррористической структуры можно было считать попыткой стран ШОС создать альтернативу западному влиянию на сферу регионального антитеррора.

Впрочем, в последующем функционал РАТС оказался довольно ограничен в силу прежде всего разных подходов стран-участниц к созданию наднационального института. Антитеррористическое взаимодействие в большей мере утвердилось на двустороннем уровне сотрудничества стран Центральной Азии с КНР или Россией, в том числе в формате ОДКБ[309]. Основная функция РАТС сводится к анализу данных и выработке

---

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1742195/ (дата обращения: 24.03.2025).

[307] Гулам Н. Афганский вопрос на площадке ШОС: между декларативной и реальной политикой // Международные процессы. — 2025. — Т. 23, № 4 (83). — С. 133.

[308] Князев А.А. Американский тупик в Афганистане, ШОС и значение стран наблюдателей: поиск новых парадигм // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, 2009. — С. 130.

[309] Мамахатов Т. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество? // Российский совет по международным делам (РСМД). 09.01.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-v-tsentralnoy-azii-sotrudnichestvo-ili-sopernichestvo/ (дата обращения: 30.01.2025).

рекомендаций для стран-членов по противостоянию «трём силам зла», определённым в принятой одновременно с созданием организации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, однако сама по себе РАТС не является силовым инструментом предотвращения данных деяний, и тем более не предусматривает вмешательство во внутренние дела других государств, в соответствии с принципами ШОС (учитывая, что организация не является военным блоком, и не располагает вооружёнными силами)[310]. По этой причине, несмотря на очевидную связь появления РАТС с афганскими событиями, одним из ключевых инструментов реагирования на угрозы, исходящие из Афганистана, остается непосредственный диалог с этой страной, независимо от смены режимов и правящих элит, а также характера находящихся у власти политических сил[311].

Контактная группа «ШОС — Афганистан». Созданная в 2005 году ввиду ухудшения военно-политической обстановки в Афганистане, данная структура (в состав которой изначально должны были входить Постпреды всех государств-членов при Секретариате ШОС — с одной стороны, и руководящий состав афганского посольства в Пекине — с другой) была призвана служить площадкой для диалога организации с афганскими властями по вопросам, представляющим взаимный интерес. На открытии специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС в марте 2009 года С.В. Лавров отметил, что, в силу территориальной близости практически всех государств-членов организации с Афганистаном и обусловленной данным фактом их прямой заинтересованностью в разрешении афганского кризиса, порождающего многочисленные угрозы в регионе, ШОС нацелена на борьбу с его последствиями при помощи непосредственного взаимодействия с афганскими

---

[310] Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 16.01.2025).

[311] Гулам Н. Афганский вопрос на площадке ШОС: между декларативной и реальной политикой // Международные процессы. — 2025. — Т. 23, № 4 (83). — С. 134.

властями, *«а не за счет создания неких “санитарных кордонов”»* — и именно этой задаче отвечало создание в 2005 году Контактной группы «ШОС — Афганистан»[312]. Особенностью её работы было условие, согласно которому члены ШОС в рамках заседаний должны были выступать с единых позиций по любым пунктам обсуждаемой повестки, и не выносить на обсуждение те пункты, по которым консенсуса достичь не удавалось[313]. Идея создания подобного двустороннего механизма поначалу выглядела весьма многообещающе; однако, проработав до 2009 года, Контактная группа приостановила свою деятельность, главной причиной чего стало отсутствие консенсуса участников касательно её повестки, а также целесообразности проведения регулярных встреч в её рамках[314]. Работа группы была возобновлена лишь в 2017 году, но после прихода Движения талибов к власти в августе 2021 г. вновь оказалась прервана[315]. Таким образом, несмотря на возлагавшиеся на неё надежды, Контактная группа не сумела зарекомендовать себя в качестве эффективного механизма взаимодействия государств-членов ШОС по афганской проблематике главным образом ввиду сохранения у большинства участников ориентации на двусторонние форматы работы с Кабулом.

---

[312] Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС, Москва, 27 марта 2009 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 27.03.2009. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1693322/ (дата обращения: 05.01.2025).

[313] Гулам Н. Афганский вопрос на площадке ШОС: между декларативной и реальной политикой // Международные процессы. — 2025. — Т. 23, № 4 (83). — С. 134.

[314] Контактная группа «ШОС — Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 16.07.2019. URL: https://rus.sectsco.org/20190716/565424.html (дата обращения: 13.03.2025).

[315] См. табл. 3.

Табл. 3. *Хронология и статистика заседаний Контактной группы «ШОС — Афганистан»*[316].

Период	Статус работы	Ключевые встречи, их цели и итоги

[316] Составлено автором на основе: Протокол Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан о создании Контактной группы ШОС — Афганистан // ИнфоШОС. 04.11.2005. URL: http://infoshos.ru/ru/?id=95 (дата обращения: 05.03.2025); Контактная группа «ШОС — Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 16.07.2019. URL: https://rus.sectsco.org/20190716/565424.html (дата обращения: 13.03.2025); Декларация, Заявление и План действий государств — членов ШОС и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью // Организация Объединенных Наций. 29.03.2009. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/afgan_dec.shtml (дата обращения: 10.10.2025); Контактная группа «ШОС — Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 16.07.2019. URL: https://rus.sectsco.org/20190716/565424.html (дата обращения: 13.03.2025); Афганистан стал наблюдателем при ШОС, Турция - партнером по диалогу // РИА Новости. 07.06.2012. URL: https://ria.ru/20120607/667362112.html (дата обращения: 05.03.2025); Об итогах заседания Контактной группы «ШОС — Афганистан» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 12.10.2017. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1554833/ (дата обращения: 05.03.2025); Заседание Контактной группы «ШОС — Афганистан» в Пекине // Министерство иностранных Республики Таджикистан. 28.05.2018. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/3300/zasedanie-kontaktnoi-gruppy-shos-afganistan-v-pekine (дата обращения: 05.03.2025); В Бишкеке с участием ШОС прошло третье заседание Контактной группы «ШОС-Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 19.04.2019. URL: https://rus.sectsco.org/20190419/532864.html (дата обращения: 05.03.2025); Бишкекская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Министерство экономического развития Российской Федерации. 14.06.2019. URL: https://economy.gov.ru/material/file/08bedfa2f74e3fcba79eb97f55528702/Declaration_shos_2019.pdf (дата обращения: 05.03.2025); О пресс-конференции Генерального секретаря ШОС по итогам Саммита ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. 16.11.2020. URL: https://rus.sectsco.org/20201116/692233.html (дата обращения: 10.10.2025); Генсек ШОС Чжан Мин раскрыл позицию организации по Афганистану // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. 28.10.2024. URL: https://ecrats.org/ru/archive/facts_of_terrorism/13255/ (дата обращения: 05.03.2025); О заседании Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1974295/ (дата обращения: 03.04.2025); Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: https://mid.ru/upload/medialibrary/110/yx0kvmqbw56s1qxrnthnmesa51ok6r44/MFC%202024%20FINAL%20RUS.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

2005-2009	Становление	Проведено 4 заседания (включая учредительное, на котором был подписан Протокол о создании Контактной группы), где афганская сторона акцентировала внимание на экономических аспектах сотрудничества с ШОС. В рамках самой ШОС Афганистан рассматривается как «источник трансграничной наркоугрозы», в обсуждениях основной фокус получают вопросы создания вокруг него «поясов» антитеррористической, финансовой и антинаркотической безопасности. ШОС позиционирует себя в качестве вспомогательного игрока по отношению к миссии МССБ.
2010-2016	Период стагнации	Работа группы была фактически приостановлена. В 2012 г. Афганистан получил статус наблюдателя, что отчасти снизило потребность в отдельном формате Контактной группы.
2017-2021	«Реанимация»	Практически ежегодные встречи: 5-е заседание — Москва (2017) — на уровне заместителей министров иностранных дел, 6-е — Пекин (2018), 7-е — Бишкек (2019). В 2019 году на саммите ШОС в Бишкеке также была утверждена «Дорожная карта дальнейших действий Контактной группы». В июле 2021 года в Душанбе состоялась министерская встреча государств-членов ШОС с участием Афганистана, которую часто упоминают в контексте Контактной группы, однако она проходила в формате отдельного совещания министров иностранных дел по афганской проблематике незадолго до смены власти в Кабуле. Переход на уровень заместителей министров иностранных дел. Обсуждение планов по содействию экономическому восстановлению Афганистана.
2021-н.в.	«Заморозка»	Полноценные заседания Контактной группы в классическом формате (т.е. с участием Афганистана) не проводятся; де-юре Афганистан остается государством-наблюдателем при ШОС, однако де-факто его участие в деятельности организации было приостановлено (стало «неактивным») в сентябре 2021 года после прихода к власти Движения талибов. Большая часть обсуждений афганской проблематики осуществляется в рамках

		многосторонних региональных ad hoc форматов (прежде всего — Московского формата консультаций).

Вопрос участия Афганистана в деятельности ШОС. Регулярно подчёркивая зависимость регионального развития от афганской проблематики, организация старалась поддерживать тесные связи с Кабулом и его новой администрацией; с 2004 года президент ИРА регулярно приглашался на саммиты ШОС в качестве гостя[317]. Можно сказать, что Афганистан с самого начала пользовался особым отношением организации: характерно, что, запросив в 2011 году статус наблюдателя, он уже на следующий год получил его, минуя стадию партнёрства по диалогу[318]. Ранее это проявилось в случае уже упоминавшейся Контактной группы: данный формат взаимодействия стал беспрецедентным для ШОС примером создания специализированного механизма под конкретное внешнее государство, не имеющим повторения в последующей практике организации[319]. Тем не менее углубление взаимодействия ШОС с Афганистаном и тем более перспектива его присоединения в качестве полноправного члена оставались затруднительными, в том числе в силу противоречивого отношения афганских властей к ШОС, во многом обусловленного сильным влиянием США[320].

К моменту наделения Афганистана статусом наблюдателя уже был утверждён документ, регулировавший расширение членства данного объединения — «Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества», принятое на саммите ШОС, состоявшемся в июне 2010 года в Ташкенте. В соответствии с ним организация, будучи

---

[317] Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. — Москва: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2012. — С. 14.

[318] Гулам Н. Афганский вопрос на площадке ШОС: между декларативной и реальной политикой // Международные процессы. — 2025. — Т. 23, № 4 (83). — С. 134.

[319] Ши В. ШОС и Инициатива “Пояс и Путь” — перспектива двойной страховки для Афганистана // Мировая экономика и международные отношения. — 2023. — № 9 (67). — С. 91.

[320] Гулам Н. Афганский вопрос на площадке ШОС: между декларативной и реальной политикой // Международные процессы. — 2025. — Т. 23, № 4 (83). — С. 135.

открытой для приёма в свои ряды государств, изъявивших соответствующее намерение, выдвигала для кандидатов ряд условий и критериев, в числе которых — наличие статуса государства-наблюдателя при организации или же её партнера по диалогу, поддержание дипломатических отношений, а также активных торгово-экономических и гуманитарных связи с её государствами-членами, отсутствие международных обязательств в сфере безопасности, противоречащих международным договорам и иным документам, принятым в рамках ШОС и т.п.; кроме того, государство-заявитель не должно находиться под санкциями Совета Безопасности ООН, а также в состоянии вооружённого конфликта с другим государством или их группой[321]. Дополнительную ясность в вопрос о перспективах наделения Афганистана полноправным членством в данной организации внесло заявление, сделанное в 2017 году специальным представителем президента РФ по делам ШОС Б.М. Хакимовым: *«Если какое-то государство хочет присоединиться к ШОС, то оно должно быть стабильным, его правительство должно контролировать всю ситуацию на своей территории и управлять всеми делами самостоятельно»*[322]. Очевидно, что эти требования были адресованы прежде всего Афганистану, суверенитет которого в период присутствия на его территории иностранных военных контингентов во многом имел ограниченный характер, а потому вопрос присоединения вполне логично откладывался до момента возвращения афганским властям полной ответственности за свою страну. На данном этапе также наблюдалось явное стремление ШОС привлечь к решению афганского вопроса всё мировое сообщество, не ограничиваясь региональным уровнем, и передать основную ответственность за координацию международных усилий

---

[321] Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества // Деловой совет ШОС. 11.06.2010. URL: https://bcsco.ru/files/docs/polozhenie_o_poryadke_priema_novyh_chlenov_v_shanhajskuyu_organizaciyu_sotrudnichestva.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

[322] Бахтиер Хакимов: Контактная группа «ШОС-Афганистан» призвана стать инструментом содействия. // Афганистан.Ру. 16.12.2017. URL: https://afghanistan.ru/doc/117336.html (дата обращения: 16.01.2025).

по урегулированию конфликта в Афганистане Организации Объединённых Наций[323].

§2.3. Политические трансформации в Афганистане после 2021 года и деятельность ШОС

Прекращение активного вовлечения США и их союзников по НАТО в борьбу с международным терроризмом на территории Афганистана и процессы его государственного строительства и постконфликтного восстановления, повлекшее за собой с радикальную смену не только правящих элит в этой стране, но и её формы правления, представляется целесообразным выделить в качестве своеобразного водораздела между периодом объективно ограниченной международно-политической субъектности, а также самостоятельности в вопросах внутреннего развития Исламской Республики Афганистан, и обретшего возможность проводить независимый внешне- и внутриполитический курс Исламского Эмирата Афганистан. Повторный приход к власти в Афганистане Движения талибов в августе 2021 года, сопряжённый с выводом иностранных военных контингентов с территории этого государства, не мог не обратить на себя внимание ШОС. С одной стороны, многие представители политических и экспертных сообществ её стран-членов небезосновательно полагали, что иностранное военное присутствие на афганской территории всё это время представляло собой наиболее значительное препятствие на пути эффективного сотрудничества двух сторон; например, по утверждению А.В. Кортунова, до 2021 года отсутствие успехов в отношениях ШОС с Афганистаном (в особенности — её Контактной группы) было обусловлено тем, что их взаимодействие осуществлялось *«в густой тени интервенции НАТО»*[324]. С другой стороны, за

---

[323] Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2017. — С. 159.

[324] Кортунов А.В. Афганистан как стресс-тест для ШОС // Российский совет по международным делам (РСМД). 15.06.2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-kak-stress-test-dlya-shos/ (дата обращения: 30.01.2025).

минувшие с момента вторжения США и их союзников в Афганистан два десятилетия само Движение талибов успело продемонстрировать определённую эволюцию в своих подходах к взаимодействию с внешним миром, в первую очередь открыто дистанцировавшись от поддержки международных террористических организаций и обязавшись не допускать использования их ячейками афганской территории для нападения на другие государства[325]. Соответствующие обязательства были прописаны в Дохийском мирном соглашении — по крайней мере, в отношении США и их союзников[326]. Наконец, две «волны расширения» членства ШОС, в результате которых организация к середине 2023 года включала в себя почти всех (за исключением Туркменистана) непосредственных соседей Афганистана, потенциально делали эту площадку наиболее удобной для обсуждения актуальной для всего региона афганской проблематики. Однако дальнейшее сближение организации с Афганистаном в обновлённых, выглядящих вполне благоприятными, условиях, в силу ряда обстоятельств по-прежнему представляется весьма затруднительным.

Нельзя не обратить внимание на то, что за указанный период у большинства нынешних стран-членов ШОС успели сложиться свои, нередко конфликтующие интересы на афганском направлении, затрагивающие также вопросы этнополитического баланса в стране. В данной связи стоит упомянуть поддержку афганских шиитов-хазарейцев со стороны Ирана и вербовку их в созданную КСИР бригаду «Фатимиюн» для войны в Сирии, косвенное содействие Таджикистана деятельности антиталибских группировок[327],

---

[325] Гулам Н. Афганский вопрос на площадке ШОС: между декларативной и реальной политикой // Международные процессы. — 2025. — Т. 23, № 4 (83). — С. 136.

[326] Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America // US Department of State. 29.02.2020. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf (accessed: 25.04.2023).

[327] Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — №4

доктрину «стратегической глубины», которой ещё с конца XX в. придерживается Пакистан во взаимодействии с Афганистаном, а также длящийся с середины XX века и временами переходящий в «горячую фазу» двусторонний конфликт Индии и Пакистана, со всей очевидностью проецирующийся на их отношения с Афганистаном (влияние на который было и остаётся предметом соперничества двух государств)[328]. Однако, объединённые под эгидой Шанхайской организации сотрудничества, упомянутые страны неизменно выступали за становление единого, независимого и нейтрального афганского государства[329]. При этом вполне очевидно, что нестабильная обстановка в Афганистане по-прежнему рассматривается его соседями в первую очередь через призму угроз для их собственной безопасности[330]. Прежде всего, они опасаются роста (не обязательно вследствие прямого участия талибов) террористической активности в этой стране, и, как следствие, в регионе, хотя ряд других угроз региональной безопасности, обострившихся на фоне перманентной военно-политической нестабильности в Афганистане (напр., проблема незаконного оборота наркотиков), также представляют собой предмет их серьёзной озабоченности[331]. Не стоит также забывать, что территория Афганистана долгое время служила центром подготовки и обучения боевиков различных группировок, ставивших своей целью свержение нынешних светских властей центральноазиатских государств и в настоящее время признающихся

---

(6). — С. 432; Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 2 (16). — С. 112.

[328] Лалетин Ю.П. Афгано-пакистанские отношения и джирга мира // Азия и Африка сегодня. — 2008. — №5. — С. 60.

[329] Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов ШОС по итогам встречи в формате Контактной группы «ШОС-Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 14.07.2021. URL: https://rus.sectsco.org/20210714/767793.html (дата обращения: 03.04.2025).

[330] Нессар О. Современный Афганистан: факторы нестабильности // Афганистан.Ру. 18.06.2022. URL: https://afghanistan.ru/doc/149625.html (дата обращения: 20.03.2023).

[331] Встреча глав МИД стран-соседей Афганистана — итоги // Sputnik Узбекистан. 13.04.2023. URL: https://uz.sputniknews.ru/20230413/vstrecha-glav-mid-stran-sosedey-afganistana--itogi--33907083.html (дата обращения: 22.04.2023).

международным сообществом террористическими[332]. Несмотря на то, что многие эксперты сегодня сходятся во мнении, что само по себе Движение талибов не представляет непосредственной военной угрозы для стран Центральной Азии, это не исключает вполне обоснованных опасений их руководства, что талибские власти продолжат практику укрывательства на своей территории боевиков-исламистов из соседних стран[333]. Кроме того, хотя за период нынешнего нахождения талибов у власти в стране зафиксировано снижение интенсивности боевых действий (учитывая, что до 2021 года значительная часть всех терактов совершалась боевиками самого движения), уровень насилия всё равно остаётся сравнительно высоким, что во многом связано с активностью международных террористических организаций, ведущих борьбу против талибов практически с самого момента своего появления в Афганистане в 2015 году [334] (прежде всего, речь идёт о ячейке ИГ «Вилаят Хорасан»[335]).

Большинство стран-членов ШОС формально придерживается консенсуса относительно недопустимости превращения Афганистана в убежище террористических структур и «плацдарм» для нападения на соседние государства (в связи с чем страны региона выступают резко против создания любой военной инфраструктуры на афганской территории), пресечения производства и контрабанды наркотических средств и предотвращения дальнейшего массового исхода беженцев и мигрантов из этой страны[336].

---

[332] Князев А.А. История Афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. — С. 105.

[333] Движение талибов не представляет угрозы Центральной Азии, заявили в МИД // РИА новости. 14.06.2022. URL: https://ria.ru/20220614/taliby-1795269104.html (дата обращения: 26.03.2023).

[334] Нессар О. Современный Афганистан: факторы нестабильности // Афганистан.Ру. 18.06.2022. URL: https://afghanistan.ru/doc/149625.html (дата обращения: 20.03.2023).

[335] «Вилаят Хорасан» (ИГИЛ-Хорасан) — структурное подразделение международной организации «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ), признанной террористической и запрещенной на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 г. № АКПИ14-1424С.

[336] Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL:

Консенсус региональных государств по данным вопросам начиная с 2017 года фиксировался в их совместных заявлениях в рамках Московского формата консультаций, который, не имея прямого отношения к ШОС, тем не менее вовлекает в свою работу большинство её стран-членов и является наиболее представительным форумом стран региона по Афганистану. С момента создания этого формата было проведено шесть заседаний, участники которых последовательно выражали свою приверженность скорейшему установлению мира в этой стране и готовность оказать ей в этом своё содействие[337]. В то же самое время члены ШОС неоднократно поднимали вопрос о возобновлении работы Контактной группы, подчёркивая, что, с учётом «переходного состояния» нынешнего афганского правительства, такой формат регионального сотрудничества с ним представляется наиболее оптимальным; однако на саммите организации, состоявшемся в июле 2024 года, решение по данному вопросу вновь было отложено в связи с отсутствием консенсуса, главным образом ввиду наличия возражений у Таджикистана, остающегося на данный момент единственной страной в объединении, не исключившей Движение талибов из национального списка запрещённых организаций[338].

---

https://mid.ru/upload/medialibrary/110/yx0kvmqbw56s1qxrnthnmesa51ok6r44/MFC%202024%20FINAL%20RUS.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

[337] О заседании Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1974295/ (дата обращения: 03.04.2025).

[338] Спецпредставитель президента РФ по ШОС об Афганистане: должен быть консенсус // Российское агентство правовой и судебной информации. 09.07.2024. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20240709/310084542.html (дата обращения: 03.04.2025); Рӯйхати ҳизбу ҳаракатҳое, ки тибқи ҳалномаҳои Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун ташкилоти террористӣ-экстремистӣ (иттиҳоди экстремистӣ) эътироф карда шуда, фаъолияташон дар қаламрави Ҷумҳурии Тоҷикистон манъ карда шудааст [Список партий, движений и организаций, в соответствии с решениями Верховного суда Республики Таджикистан признанных террористическими и экстремистскими организациями (экстремистскими объединениями), деятельность которых запрещена на территории Республики Таджикистан] // Котибот оид ба амалисозии Стратегияи муқовимат ба экстремизм ва терроризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: https://ct-secretariat.tj/tj/background-information/spisok-terroristicheskikh-i-ekstremistskikh-organizatsij-deyatelnost-kotorykh-zapreshchena-na-territorii-respubliki-tadzhikistan (дата обращения: 20.12.2025).

Таким образом, этот принцип, зафиксированный в одном из основополагающих документов организации — Хартии ШОС[339] — и воплощающий одну из ключевых характеристик её институционального дизайна, препятствует не просто её эффективному взаимодействию с Афганистаном, но и в целом выработке каких бы то ни было согласованных подходов на афганском направлении в рамках объединения.

Согласно уже упоминавшимся выводам А. Ачарии и А. Джонстона, принятие решений не большинством голосов, а по принципу консенсуса существенным образом снижает эффективность работы любой региональной организации; кроме того, чем большее число государств-членов включает объединение, с тем большей вероятностью «выхолащивания» любого официального документа, принимаемого в его рамках, оно будет сталкиваться ввиду необходимости поиска «наименьшего общего знаменателя»[340]. При этом сама по себе приверженность консенсусному принципу принятия решений в случае объединений, сформированных в логике незападного (азиатского) регионализма, продиктована стремлением их участников избежать вынесения обсуждаемых вопросов на наднациональный уровень, а в дальнейшем — принуждения к исполнению коллективных решений (что, опять же, коррелирует со взятым за основу работы ШОС принципом невмешательства во внутренние дела участников)[341]. Вероятнее всего, именно по этой причине, а также в силу очевидного различия стратегических интересов и векторов развития евразийских государств, их многостороннее взаимодействие по афганской проблематике в настоящее время реализуется преимущественно за

---

[339] Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 16.01.2025).

[340] Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 17.

[341] Barnett M., Solingen E. Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 213.

пределами существующих региональных институтов. Вместо них страны-участницы ШОС предпочитают более «гибкие» форматы сотрудничества, не предполагающие единообразия коллективных подходов к взаимодействию с этой страной. Об этом также свидетельствует продолжающаяся фрагментация взаимодействия стран-членов ШОС по афганской проблематике, которую иллюстрирует состоявшаяся в августе 2025 года в Ташкенте первая встреча специальных представителей центральноазиатских государств по Афганистану. Наиболее обращающими на себя внимание итогами мероприятия, впервые объединившего в подобном формате делегации Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, стало, во-первых, достижение консенсуса относительно необходимости выработки единой консолидированной региональной позиции по афганскому вопросу, а во-вторых — решение о создании постоянно действующей региональной Контактной группы на уровне спецпредставителей[342]. Несмотря на то, что предмет обсуждения составили традиционные для встреч, посвящённых афганской проблематике, вопросы противодействия терроризму, экстремизму, транснациональной преступности и незаконному обороту наркотиков, она примечательна прежде всего за счёт продемонстрированного участниками стремления к формированию консолидированных региональных подходов во взаимодействии с Кабулом.

Стремление действующих властей Исламского Эмирата Афганистан присоединиться к ШОС имеет давнюю историю. В августе 2007 года Движение талибов, еще находясь в статусе вооруженной оппозиции публиковало «Открытое письмо руководящего совета Исламского эмирата к Шанхайской Организации Сотрудничества», где содержались обращения к объединению принять меры с тем, чтобы *«остановить тех, кто путем*

---

[342] В МИД проведена первая встреча специальных представителей стран Центральной Азии по Афганистану // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. 26.08.2025. URL: https://gov.uz/ru/mfa/news/view/81125 (дата обращения: 17.01.2026).

оказания экономического, культурного и политического влияния пытается помешать развитию стран региона». ШОС, призывали талибы, не должна «смотреть на Исламский Эмират с позиции США», поскольку *«мы — не террористы и не иностранные интервенты, мы — защитники наших национальных интересов»*, Афганистан «оккупирован», вследствие чего проводимый «джихад» надо рассматривать как справедливую и законную борьбу за независимость. Содержание и тон документа в определенном смысле можно рассматривать как попытку противопоставить ШОС США и НАТО и как своего рода заявку на готовность лояльного отношения к деятельности ШОС[343].

Сразу после своего повторного прихода к власти в Афганистане талибы неоднократно выражали интерес и готовность к участию в мероприятиях под эгидой ШОС, однако такую возможность способна обеспечить, во-первых, фактическая «разморозка» участия страны в работе организации в качестве наблюдателя, и, во-вторых (и в-главных) — наделение её полноправным членством[344]. Произошедший в августе 2021 года транзит власти в этом государстве ознаменовал собой окончание длительного периода внешнего воздействия, мешавшего ему обрести международно-политическую субъектность: очевидно, что, в условиях вовлечения США и их союзников в афганские дела, страна была не вполне самостоятельной в вопросах своей внешней политики, включая и взаимодействие с ШОС. Тем не менее, несмотря на устранение данного препятствия после 2021 года, а также на поданную Афганистаном ещё в 2015 году заявку на вступление в ШОС в качестве полноправного члена, этот вопрос по-прежнему не является предметом серьёзных обсуждений в рамках организации[345]. Представляется, что здесь

---

[343] Цит. по: Plastun V. Central Asia in Search of Stability // Central Asia and the Caucasus. — 2008. — Vol. 50. No. 2. — P. 46-57.

[344] Талибы хотят участвовать в следующем саммите ШОС // Интерфакс. 05.07.2023. URL: https://www.interfax.ru/world/910238 (дата обращения: 04.04.2025).

[345] Хакимов заявил, что заявка Афганистана на вступление пока не рассматривается // ТАСС. 09.07.2024. URL: https://tass.ru/politika/21314029 (дата обращения: 04.04.2025).

продолжает играть важную роль «неоднозначный статус» нынешнего афганского правительства, которое до сих пор не получило широкого международного признания (о чём, в частности, свидетельствует последовательный отказ ООН предоставить Исламскому Эмирату Афганистан кресло постоянного представителя страны при организации[346] наряду с её неготовностью снять санкции с членов Движения талибов[347]), а также тянущийся за Движением талибов устойчивый «шлейф» репутации террористов, в создании которой не последнюю роль сыграли США ещё в начале 2000-х годов. Во многом именно этот «шлейф» побуждает международное сообщество относиться к нынешним афганским властям крайне настороженно, а местами — враждебно[348]. При этом интересно отметить, что в сентябре 2024 года министр иностранных дел КНР Ван И, выдвигая предложения по стабилизации ситуации в Афганистане на неформальной встрече министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана, в коротком тексте неоднократно упоминал ШОС, что обращает на себя внимание и, возможно, должно расцениваться как сигнал к расширению взаимодействия по Афганистану именно в формате организации[349]. Вместе с тем наличие в Афганистане действующих дипломатических представительств практически всех государств-членов ШОС говорит в пользу того, что на фактических отношениях и контактах государств региона с нынешним

---

[346] Yousaf K. Taliban’s bid for UN seat rejected for third time // The Express Tribune. 19.12. 2023. URL: https://tribune.com.pk/story/2450539/talibans-bid-for-un-seat-rejected-for-third-time (accessed: 01.03.2025).

[347] Security Council Renews for One Year Mandate of Team Monitoring Sanctions against Taliban, with Some Regretting Travel Exemptions Not Extended // United Nations. 14.12.2023. URL: https://press.un.org/en/2023/sc15530.doc.htm (accessed: 01.03.2025).

[348] «Все прекрасно понимают, что талибы террористы»: 20 лет санкциям ООН против «Талибана» // Газета.ru. 16.12.2022. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2022/01/16/14423779.shtml (дата обращения: 05.04.2025).

[349] Ван И принял участие в третьей неформальной встрече министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана по афганскому вопросу // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 28.09.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202410/t20241003_11502445.html (дата обращения: 19.11.2024).

афганским руководством вопрос международного признания сказывается незначительно[350]. В то же время мировое сообщество по-прежнему относится к власти талибов с изрядной долей осторожности и не видит смысла форсировать процесс сближения до тех пор, пока сформированное ими правительство не продемонстрирует свою устойчивость и договороспособность.

***

Многократно продемонстрированная неспособность ШОС к эффективным совместным действиям на афганском направлении (несмотря на то, что афганский фактор практически напрямую затрагивает её профильные задачи), включая фактический «паралич» Контактной группы, в очередной раз свидетельствует об имманентных ограничениях её институционального дизайна, который функционально не приспособлен для выработки единой консолидированной позиции по отношению к внешним субъектам. В данной связи единственным жизнеспособным сценарием для выстраивания полноценного взаимодействия ШОС с Афганистаном видится его привлечение к работе организации в качестве полноправного члена (учитывая поданную афганской стороной ещё в 2015 году заявку на вступление, наблюдающееся в последние годы устойчивое снижение террористической активности на территории этого государства, а также неоднократно выражавшееся стремление Движения талибов, составляющего сформированное после 2021 года руководство ИАЭ, принимать участие в саммитах объединения).

Вместе с тем, несмотря на кардинальные политические изменения, произошедшие в Афганистане с 2021 года, и демонстрируемую им позитивную динамику внутреннего развития в целом ряде сфер, существуют различные негативные обстоятельства, на которые нынешним афганским

---

[350] Taliban Cuts Ties With 14 Afghan Diplomatic Missions Abroad // Radio Free Europe/Radio Liberty. 30.07.2024. URL: https://www.rferl.org/a/taliban-diplomatic-missions-afghanistan/33056291.html (accessed: 04.04.2025).

властям весьма трудно повлиять. Данные обстоятельства зачастую обусловлены сохраняющимся недоверием внешних игроков по отношению к этой стране и её новому правительству, которому только предстоит зарекомендовать себя в качестве надёжного и дееспособного участника международных отношений на мировой и региональной арене. Это недоверие не в последнюю очередь обусловлено последствиями наблюдавшейся в 2000-е годы в американском внешнеполитическом дискурсе секьюритизации международного терроризма и его «пособников», которая создала инерцию недоверия в отношении Движения талибов, дискредитированного в глазах мирового сообщества за счёт сотрудничества с «Аль-Каидой». Вместе с тем, в рамках ШОС отмечается постепенная ревизия доминировавших в 2000-2010-е годы подходов к роли Движения талибов в урегулировании ситуации в Афганистане: трансформация восприятия выражается в переходе от его оценки как пособника терроризма к рассмотрению его в качестве потенциального инструмента антитеррора.

Выводы к главе

Шанхайская организация сотрудничества представляет собой яркий пример регионального объединения, сформированного и функционирующего в соответствии с духом и логикой «нового регионализма». Её появление пришлось на сложный период международно-политических трансформаций, решительным образом повлиявших на процессы структурирования не только евразийского, но и мирового пространства. Высоким объяснительным потенциалом здесь обладает теория институционального дизайна, разработанная А. Ачарией и А. Джонстоном в начале 2000-х годов и призванная в том числе компенсировать недостатки подходов, применявшихся ранее в региональных исследованиях в целом и в изучении незападного регионализма в частности.

Афганский фактор, т.е. фактор длительной военно-политической турбулентности, царившей в Афганистане вплоть до недавнего времени, оказал более чем заметное влияние на деятельность и устремления

Шанхайской организации сотрудничества, поскольку это государство соседствует с большинством стран-членов объединения, а ситуация с безопасностью внутри него прямо или косвенно затрагивает интересы всех его участников. Повышенное внимание к данной проблеме проявилось в создании специализированных институтов в рамках ШОС, предназначенных либо для налаживания диалога с этим государством, либо для координации усилий стран-членов с целью отражения угроз безопасности и стабильности в регионе, источником которых оно становилось. Тем не менее до нынешнего момента ШОС не смогла превратиться в основную площадку многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном, и большая часть инициатив в данной сфере так или иначе осуществляется без её непосредственного вовлечения. Данное обстоятельство, по всей видимости, обусловлено как спецификой институционального дизайна самой организации, созданной и функционирующей в соответствии с логикой незападного (азиатского) регионализма, так и стремлением её участников сотрудничать с Афганистаном, либо задействуя более «гибкие» региональные механизмы, либо же на двусторонней основе по вопросам, представляющим взаимный интерес, причём в последние годы именно второй формат представляется для государств региона наиболее привлекательным.

Глава 3. Позиции и интересы государств-членов ШОС по вопросу взаимодействия с Афганистаном и их влияние на деятельность организации

Помимо внерегиональных акторов в лице США и стран НАТО, принимавших участие в международной антитеррористической операции на афганской территории, наиболее важными и влиятельными игроками в Афганистане на протяжении первой четверти XXI столетия продолжали оставаться Россия и Китай как великие евразийские державы, а также его региональные соседи в лице Индии, Пакистана, Ирана и государств Центральной Азии[351]. В отличие от стран Запада, интересы этих государств в сфере собственной национальной безопасности ввиду сформировавшейся региональной взаимозависимости оказались объективно и напрямую связаны с вопросом стабилизации обстановки в Афганистане. В данной связи представляется необходимым и важным рассмотреть влияние национальных интересов и сложившихся внешнеполитических практик в отношениях с Афганистаном конкретных государств-членов ШОС и их групп на деятельность организации на афганском направлении.

К рассмотрению отобраны страны, на системной основе принимающие участие в многосторонних региональных форматах, посвящённых афганской проблематике, и обладающие высокой степенью заинтересованности как в стабилизации обстановки внутри Афганистана, так и в урегулировании вопросов, связанных с его международно-политическим статусом. Структура данной главы базируется на многоуровневой классификации государств-членов ШОС, учитывающей их стратегический вес, время вступления в организацию и региональную идентичность. В рамках первого параграфа

---

[351] Давыдов А.С. Активизация взаимодействия ШОС с государствами-наблюдателями и иными структурами в интересах стабилизации обстановки в Афганистане // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. — М.: ИДВ РАН, 2016. — С. 58.

рассматривается политика России и Китая, выступающих в качестве системообразующего ядра ШОС и великих держав, чьи интересы определяют общую стратегическую повестку организации. Во втором параграфе анализируется деятельность государств Центральной Азии; несмотря на то, что они являются сооснователями ШОС наряду с РФ и КНР, их выделение в отдельную категорию обусловлено региональной однородностью и общностью вызовов, с которыми эти республики сталкиваются в контексте афганской проблематики. Третий и четвертый параграфы посвящены новым акторам организации, чье вступление ознаменовало этапы расширения её состава: Индии и Пакистану (присоединившимся к ШОС в 2017 г.), участие которых качественно изменило региональный охват организации, а также Ирану (полноправное членство с 2023 г.), представляющему ближневосточный вектор интересов объединения. В целях обоснования мирополитических различий в настоящем разделе задействован аналитический инструментарий теории региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера[352]. Материалы настоящей главы также опираются на результаты SWOT-анализа позиций стран-членов ШОС на афганском направлении, представленного в Приложении[353].

§3.1. Великие державы: Россия и Китай

Большинство исследователей сходится во мнении, что взаимоотношения Российской Федерации и Китайской Народной Республики служат своеобразным «стержнем» Шанхайской организации сотрудничества, и именно от динамики их взаимодействия зависят перспективы развития самого объединения[354]. Согласно распространённой трактовке, специфика

---

[352] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 588 p.
[353] См. Приложение 2.
[354] Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation (Critical Studies of the Asia-Pacific). — Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. — P. 1; Obydenkova A.V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International

ШОС состоит в «биполярной структуре», которая образовалась за счёт участия в объединении двух великих держав евразийского пространства в лице России и Китая[355]. При этом обе страны заявляют о том, что их двусторонние отношения не являются военно-политическим союзом, *«не носят блокового и конфронтационного характера и не направлены против третьих стран»*[356]. Представляется, что именно это обстоятельство выступает ключевым сдерживающим фактором, препятствующим трансформации ШОС в полноценный военно-политический альянс и, как следствие, сохраняющим её ориентацию на более широкую повестку региональной безопасности и развития[357].

В контексте взаимоотношений России и Китая с Афганистаном и их восприятия афганского фактора необходимо отметить, что для обоих государств на различных этапах их современной истории актуализировалась задача противодействия внутренним очагам терроризма и проявлениям религиозного экстремизма. Процесс экспансии радикальных идеологических концепций на пространстве постсоветской России был обусловлен комплексом деструктивных факторов социально-экономического и политического характера, включая системный упадок хозяйственной сферы, всплеск этнического национализма и кризис институтов социальной защиты, которые

Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — P. 219; Vorobyov V. The SCO as a Rising Master of the Heartland // Russia in Global Affairs. 25.03.2012. URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-sco-as-a-rising-master-of-the-heartland/ (accessed: 17.04.2026).

[355] Obydenkova A.V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — P. 219.

[356] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. 21.03.2023. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5920 (дата обращения: 25.02.2024).

[357] Истомин И.А., Левченко А.В. Меняющаяся роль военно-политических альянсов после холодной войны // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. — 2024. —№16 (1). — С. 64.

в совокупности создали благоприятную почву для внешней идеологической инфильтрации со стороны международных экстремистских структур. В условиях возникшего после распада советской государственной системы идеологического вакуума и сопутствующих процессов ретрадиционализации общества значительные группы населения оказались уязвимы перед риторикой проповедников радикальных течений. Ключевым очагом концентрации религиозно-политического экстремизма на территории РФ выступил Северный Кавказ, где распространение нетрадиционных для российских мусульман религиозных доктрин (в частности, ваххабизма) сопровождалось эскалацией межэтнической напряженности и формированием зон институциональной нестабильности[358]. Не последнюю роль в этих процессах играли международные террористические сети и структуры (включая организацию «Аль-Каида»), ответственные за масштабную финансовую подпитку незаконных вооруженных формирований и приток иностранных наемников из стран Ближнего Востока[359]. Законодательная база для борьбы с терроризмом и экстремизмом в России начала активно формироваться лишь в начале 2000-х годов; тогда же, в феврале 2003 года Верховный суд РФ наряду с целым рядом других организаций официально признал Движение талибов террористическим и запретил его деятельность на территории страны[360]. Основанием для принятия подобного решения стало заявление Генерального прокурора, поводом для которого послужили сведения ФСБ о наличии контактов участников Движения с базировавшимися в Чеченской Республике антиправительственными вооруженными

---

[358] Ярлыкапов А.А. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России // Сравнительная политика. — 2013. — №3 (13). — С. 138-139.

[359] Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Эволюция Аль-Каиды: между региональными конфликтами и глобалистской перспективой. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2022. — №1. — С. 143.

[360] ГКПИ03-116 от 18 июня 2003 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/885107001 (дата обращения: 03.01.2026).

группировками, а также о проведении ими террористических атак, направленных против властей центральноазиатских республик[361]. В свете описанных обстоятельств представляется вполне закономерным, что Россия поддержала проведение международной антитеррористической операции под руководством США в Афганистане. Согласие, полученное американской стороной от Узбекистана и в особенности Таджикистана на использование их воздушного пространства уже в сентябре 2001 года, т.е. на начальном этапе подготовки к вторжению на афганскую территорию, также не могло быть дано без ведома и одобрения российского руководства[362].

В случае Китая важными факторами, обусловившими повышенный интерес руководства страны к многостороннему сотрудничеству по вопросам обеспечения региональной безопасности (в том числе в рамках «Шанхайской пятёрки»), стали, с одной стороны, дестабилизация ситуации вдоль западных границ, связанная с дезинтеграционными процессами на постсоветском пространстве, с другой — последствия вывода из Афганистана ограниченного контингента советских войск, сопряжённые с общим ростом влияния исламского фундаментализма в регионе и мире на рубеже XX-XXI веков. В подобных условиях существовала непосредственная угроза стабильности самого Китая, поскольку описанные события «накладывались» на трансформационные внутриполитические явления, происходившие в стране в указанный период. Закономерным следствием политики реформ и открытости Дэн Сяопина стал рост уязвимости китайского общества перед деструктивным влиянием внешних процессов и игроков. Так, на фоне культурно-религиозной ретрадиционализации, наблюдавшейся в то время в регионах с

---

[361] Что известно о движении "Талибан" и его запрете в РФ // ТАСС. 31.03.2025. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23558175 (дата обращения: 03.01.2026).

[362] Glasser S.B. Russia Says U.S. May Use Facilities in Tajikistan // The Washington Post. 26.09.2001. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2001/09/26/russia-says-us-may-use-facilities-in-tajikistan/e3b80d86-0da0-4881-9b9e-d024c7275dd2/ (accessed: 03.04.2025).

преимущественно мусульманским населением, при поддержке (в том числе материальной) Саудовской Аравии значительно возросло влияние ваххабитского учения, распространение которого ранее носило здесь ограниченный характер, а также в целом отмечался рост религиозной радикализации населения[363]. Характерно также, что за два десятилетия проведения реформ число мечетей в Синьцзян-Уйгурском автономном районе увеличилось более чем в десять раз[364]. Данные явления наблюдались в условиях нараставших региональных хозяйственных диспропорций при очевидном отставании западных районов, что создавало дополнительный стимул для эскалации социальной напряженности[365]. В результате 1990-е годы были отмечены всплеском террористической активности в СУАР: в период с 1990 по 2001 год здесь было зарегистрировано свыше двухсот актов насилия, которые сопровождались действиями сепаратистских движений, стремившихся изменить статус региона[366]. Теракты осуществлялись при непосредственном участии Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ)[367], базы которого до 2001 года наряду с организацией «Аль-Каида» находились в горной местности района Тора-Бора в восточной афганской провинции Нангархар, подконтрольной Движению талибов[368].

---

[363] Надточей И.В. Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности // Пути к миру и безопасности. —2014. — № 2(47). — С. 30.

[364] White Paper on National Minorities Policy and Its Practice in China // China Report. — 2000. — Vol. 36. No. 1. — P. 132.

[365] Li X., Qiao J. County Level Economic Disparities of China in the 1990s // Acta Geographica Sinica. — 2001. — Vol. 56. No. 2. — P. 144.

[366] Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Под ред. И.В. Болговой. — М.: НОФМО, 2010. — С. 55.

[367] «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ) — организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации как структурная часть международной организации «Исламская партия Туркестана» (решение Верховного Суда РФ от 14.02.2003 г. № ГКПИ 03-116).

[368] Ерофеев Д.Р., Погодин С.Н., Фролова А.П. К истории сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Россия в глобальном мире. — 2017. — № 11 (34). — С. 171.

Описанные обстоятельства наряду с фактом взаимодействия «Аль-Каиды», ДТ и ИДВТ, с одной стороны, смогли убедить руководство КНР в оправданности проведения в Афганистане операции «Несокрушимая свобода», которая формально была направлена прежде всего на уничтожение ячеек международных террористических организаций; но в то же время действия США в Афганистане поначалу встретили лишь сдержанную реакцию китайской стороны, не готовой к оказанию непосредственного содействия в военных действиях на афганской территории[369]. Вместе с тем Китай, как и Россия, поддержал принятие резолюции 1386 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 года, санкционировавшей создание МССБ в Афганистане, в последующем выразив, наряду с остальными государствами-членами, поддержку действиям антитеррористической коалиции уже от лица ШОС[370]. В отличие от России, руководство КНР официально не включило Движение талибов в свой национальный список террористических организаций, очевидно, руководствуясь прагматичным стремлением оставить для себя «пространство для манёвра» и возможности для налаживания будущих контактов[371].

Таким образом, на рубеже 1990-2000-х годов ключевые игроки «Шанхайской пятёрки» были солидарны в вопросах о необходимости уделения приоритетного внимания афганскому фактору и совместного ответа на региональные вызовы в лице трансграничного терроризма и этнополитической нестабильности. Однако эта солидарность впоследствии

---

[369] Китай: риски, угрозы и вызовы развитию // Под ред. В.В. Михеева. — М.: Московский Центр Карнеги, 2005. — С. 370.

[370] Совместное заявление министров иностранных дел государств-участников Шанхайской организации сотрудничества (Пекин, 7 января 2002 года) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.01.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1628885/ (дата обращения: 03.04.2025).

[371] Derek Grossman. Chinese Recognition of the Taliban Is All but Inevitable // Foreign Policy. 27.08.2021. URL: https://foreignpolicy.com/2021/08/27/taliban-china-afghanistan-recognition/ (accessed: 03.01.2026).

распространилась также на стремление руководства обеих стран ограничить активность внерегиональных игроков в центральноазиатском регионе. Главным образом имелись в виду США, влияние которых к середине 2000-х годов здесь более чем значительно возросло за счёт размещения американских вооружённых сил на объектах военной инфраструктуры Узбекистана и Киргизии и в целом весьма активного сотрудничества с руководством большинства государств Центральной Азии[372]. И хотя события 11 сентября 2001 года временно сместили акценты в сфере международных отношений, заставив отойти на второй план вопросы стратегического противоборства, они сохранили свою значимость, актуализировавшись к середине 2000-х годов. Переосмысление позиции по афганской кампании происходило на фоне нарастания конфронтационных тенденций в отношениях между Россией и Западом в связи с расширением НАТО на Восток, а в случае Китая — по мере пролонгации вооруженного конфликта в Афганистане, способствовавшей закреплению долгосрочного военного присутствия США и других внерегиональных игроков в центральноазиатском регионе, который руководство страны рассматривало как сферу своих привилегированных интересов[373]. Эта трансформация нашла своё документальное отражение в Декларации глав государств-членов ШОС, принятой по итогам саммита, состоявшегося в Астане в июле 2005 года, где подчёркивается приверженность поддержке усилий МССБ. При этом обращается особое внимание на необходимость конкретизации временных рамок эксплуатации объектов военной и гражданской инфраструктуры *«участниками антитеррористической коалиции»* в связи с окончанием, как тогда предполагалось, активной фазы военных действий в Афганистане[374].

---

[372] Акимбеков С.М. История Афганистана. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — С. 638.
[373] Zuenko I.Yu. China’s Activity in Central Asia in Light of Russian Interests // Russia in Global Affairs. — 2025. — Vol. 23. No. 2. — P. 147.
[374] Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества //

В дальнейшем, по мере становления институтов Исламской Республики Афганистан и Россия, и Китай стремились поддерживать добрососедские отношения с её руководством. Однако в период активного вовлечения США и их союзников по НАТО в процессы государственного строительства и постконфликтного восстановления Афганистана вопросы взаимодействия с этой страной во многом находились на периферии их внешнеполитической повестки, с одной стороны — по причине сохранявшихся угроз безопасности, с другой — из-за нежелания американской стороны допустить распространения влияния двух держав на вновь образованный демократический режим[375]. В силу этих же обстоятельств возможности экономического и транспортно-логистического сотрудничества с ИРА также оставались ограниченными. Тем не менее в условиях продолжения приобретшей затяжной характер операции «Несокрушимая свобода» и оформления её промежуточных результатов подходы обеих держав к афганскому урегулированию претерпевали существенную трансформацию. Значимые изменения в видении РФ в этой сфере стали заметны во второй половине 2010-х годов, когда в риторике российских официальных лиц начали звучать заявления о необходимости вести диалог со всеми значимыми политическими силами Афганистана, а также рассматривать Движение талибов как неотъемлемую часть афганского общества. Так, в 2018 году в ходе одной из пресс-конференций глава МИД РФ С.В. Лавров заявил о том, что российская сторона никогда не скрывала факт своего взаимодействия с Движением талибов, которое мотивировалось в первую очередь необходимостью защиты национальных интересов в Афганистане, а также стремлением подтолкнуть повстанцев к инклюзивному межафганскому

Министерство иностранных дел Российской Федерации. 05.07.2005. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1679180/ (дата обращения: 05.03.2025).

[375] Lambert M. The CIA’s Strategic Thinking in Afghanistan: 1979 to 2021 // RIAC. 17.08.2021. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/eurasian-policy/the-cia-s-strategic-thinking-in-afghanistan-1979-to-2021/. (accessed: 03.04.2025).

диалогу с целью мирного политического урегулирования продолжавшегося вооружённого конфликта с правительством ИРА[376]. В ноябре того же года представители ДТ впервые прибыли в Москву для участия в заседании Московского формата консультаций[377], после чего их участие в организованных российской стороной мероприятиях по афганской проблематике стало регулярной практикой. Руководство КНР в данный период предпринимало аналогичные действия, что стало особенно заметно после осуществлённого в 2014 году вывода значительной части сил НАТО из Афганистана[378]. Первый официальный визит делегации талибов, состоявшей из представителей катарского политического офиса, в Пекин состоялся в ноябре 2014 года[379]. Начиная с 2015 года китайская сторона перешла от нейтрального наблюдения к наращиванию практической вовлечённости, опасаясь возникновения «вакуума силы» в Афганистане и его последующей дестабилизации после вывода остававшихся в стране американских военных контингентов, периодически содействуя организации переговоров между правительством ИРА и ДТ[380]. Основным предметным интересом Китая в Афганистане при этом продолжало выступать экономическое сотрудничество,

---

[376] Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Сербии И. Дачичем, Сочи, 21 августа 2018 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 21.08.2018. URL: https://mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1575061/ (дата обращения: 05.03.2025).

[377] Талибы приедут в сентябре в Москву на встречу по Афганистану // Интерфакс. 20.08.2018. URL: https://www.interfax.ru/world/625937 (дата обращения: 03.04.2025).

[378] Рамин Мансури М. Как Китай приспособился к «Талибану» в Афганистане // Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии. 07.01.2026. URL: https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2026/01/china-afghanistan-adaptation?lang=ru (дата обращения: 03.02.2026).

[379] Tiezzi S. China Hosted Afghan Taliban for Talks: Report // The Diplomat. 07.01.2015. URL: https://thediplomat.com/2015/01/china-hosted-afghan-taliban-for-talks-report/ (accessed: 03.04.2025).

[380] Small A. From Bystander To Peacemaker // Berlin Policy Journal. 27.04.2015. URL: https://berlinpolicyjournal.com/from-bystander-to-peacemaker/ (accessed: 03.04.2025); Li J. China’s Conflict Mediation in Afghanistan // Stimson Center. 16.08.2021. URL: https://www.stimson.org/2021/chinas-conflict-mediation-in-afghanistan/ (accessed: 06.01.2026)

прежде всего — реализация долгосрочных проектов в сфере инфраструктуры и горнодобывающей отрасли, в связи с чем гарантии безопасности и стабильности в Афганистане представляли собой для китайской стороны критически важное условие. Интересно отметить, что до момента коллапса ИРА, произошедшего летом 2021 года, Россия и Китай в определённой степени продолжали солидаризироваться с позицией США, выступая за интеграцию Движения талибов в уже существующие государственные институты Афганистана по результатам межафганских переговоров и заявляя о неприемлемости реставрации режима Исламского Эмирата[381] (что ранее также было сделано в рамках резолюции 2513, принятой Советом Безопасности ООН в марте 2020 года[382], вскоре после подписания Дохийского мирного соглашения между США и Движением талибов).

Несмотря на то, что актуальная позиция Российской Федерации по афганскому вопросу не нашла своего консолидированного отражения в доктринальных документах, о её содержании можно судить на основе официального дискурса представителей государственной власти. В частности, опираясь на многочисленные заявления главы МИД РФ С.В. Лаврова и ряда других официальных лиц, можно говорить как минимум о таких константах российского видения афганского вопроса, как (1) необходимость укрепления контртеррористического сотрудничества с Афганистаном как на двусторонней, так и на многосторонней основе, а также оказания руководству страны необходимой поддержки для борьбы с деятельностью международных террористических группировок на её территории[383]; (2) *«категорическая*

---

[381] Совместное заявление расширенной «тройки» по мирному урегулированию в Афганистане, Москва, 18 марта 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 18.03.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/af/1417839/ (дата обращения: 03.04.2025).

[382] S/RES/2513 (2020) // Совет Безопасности ООН. 10.03.2020. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/2513(2020) (дата обращения: 03.04.2025).

[383] Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL:

неприемлемость размещения военной инфраструктуры третьих стран на территории Афганистана»[384]; (3) возложение ответственности за напряжённую гуманитарную обстановку в Афганистане и состояние его экономики на «коллективный Запад», который *«должен взять на себя основное финансовое бремя по преодолению кризиса и стабилизации ситуации»*[385]; (4) активное вовлечение страны в многосторонние региональные инициативы (Московский формат, Контактная группа «ШОС — Афганистан» и т.п.)[386]. Наконец, принимая верительные грамоты у посла ИЭА в январе 2026 года, президент В.В. Путин отметил, что Россия заинтересована видеть Афганистан *«единым, независимым и мирным государством, свободным от войны, терроризма и наркотрафика»*[387].

Официальная позиция КНР по афганскому вопросу также включает в себя поощрение вовлечения Афганистана в международные и региональные

---

https://mid.ru/upload/medialibrary/110/yx0kvmqbw56s1qxrnthnmesa51ok6r44/MFC%202024%20FINAL%20RUS.pdf (дата обращения: 01.03.2025); Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пленарной сессии на встрече в формате стран-соседей Афганистана (Россия, Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), Туньси, 31 марта 2022 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2022. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1807302/?lang=ru (дата обращения: 03.01.2026).

[384] Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на открытии седьмого заседания Московского формата консультаций по Афганистану, Москва, 7 октября 2025 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.10.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2052193/ (дата обращения: 03.01.2026).

[385] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пленарной сессии на встрече в формате стран-соседей Афганистана (Россия, Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), Туньси, 31 марта 2022 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2022. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1807302/?lang=ru (дата обращения: 03.01.2026).

[386] Хакимов пояснил, что мешает Афганистану присоединиться к ШОС // ИнфоШОС. 14.02.2019. URL: http://infoshos.ru/ru/?idn=20640 (дата обращения: 16.01.2025); Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на открытии седьмого заседания Московского формата консультаций по Афганистану, Москва, 7 октября 2025 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.10.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2052193/ (дата обращения: 03.01.2026).

[387] Путин: РФ заинтересована в сильном Афганистане без наркотрафика // ТАСС. 15.01.2026. URL: https://tass.ru/politika/26159635 (дата обращения: 17.01.2026).

инициативы и форматы сотрудничества, а также координацию многосторонних усилий по содействию его стабилизации и развития. В ряду упоминаемых в данном контексте механизмов и инициатив находятся Контактная группа «ШОС — Афганистан» (примечательно, что деятельность этой структуры изначально была организована на китайской территории — на базе Секретариата ШОС и посольства Афганистана в Пекине), заседания Московского формата, расширенной «тройки» в лице представителей России, КНР, США и Пакистана, встречи глав МИД стран-соседей Афганистана, трёхсторонний диалог глав МИД Китая, Афганистана и Пакистана и, наконец, взаимодействие в рамках ООН[388]. При этом китайская сторона подчёркивает важность достижения международного и регионального консенсуса по вопросам, связанным с поддержкой афганского государства для повышения эффективности совместных усилий в данной сфере. Важно отметить, что ещё в период существования ИРА китайское руководство выступало против односторонних действий внерегиональных держав в Афганистане, делая акцент на необходимости консолидации многосторонних усилий (в том числе в рамках ООН), и тем более не рассматривало возможности собственного прямого вмешательства в афганский конфликт[389]. Это связано в том числе и с характерным для китайской стратегической культуры восприятием военного вмешательства как наименее предпочтительного сценария, а также с убеждением, что стратегический успех должен достигаться несиловыми методами за счет грамотного использования международной конъюнктуры,

---

[388] China’s Position on the Afghan Issue // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. 12.04.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2676_663356/2677_663358/202304/t20230412_11057785.html (дата обращения: 03.04.2025).

[389] Yun Sun. China’s Strategic Assessment of Afghanistan // War on the Rocks. 08.04.2020. URL: https://warontherocks.com/2020/04/chinas-strategic-assessment-of-afghanistan/ (accessed: 03.04.2025).

тогда как начало военных действий сигнализирует о несостоятельности превентивных мер по мирному продвижению национальных интересов[390].

Признание решения афганского вопроса в качестве внешнеполитического приоритета подтверждается наличием в обеих странах института специального представителя по Афганистану. В Российской Федерации данный пост был учрежден в марте 2011 года соответствующим указом президента Д.А. Медведева *«в целях обеспечения поступательного развития получивших в последнее время серьёзный импульс российско-афганских отношений и содействия международным усилиям по восстановлению мирного, самостоятельного и процветающего Афганистана, свободного от терроризма и наркопреступности, а также с учётом важности осуществления межведомственной координации на афганском направлении»*[391]. С того момента его бессменно занимает российский дипломат З.Н. Кабулов, в 2004-2009 годах пребывавший в должности чрезвычайного и полномочного посла РФ в Афганистане[392]. В свою очередь, Китайская Народная Республика впервые назначила специального посланника по делам Афганистана в июле 2014 года; как следовало из заявления официального представителя МИД страны, *«поскольку Китай уделяет большое внимание событиям в Афганистане и стремится к углублению стратегического партнерства между двумя странами, было принято решение об учреждении должности специального посланника»*[393].

---

[390] Ramo J.C. The Beijing Consensus. — London: The Foreign Policy Centre, 2004. — P. 39.
[391] Назначен спецпредставитель Президента России по Афганистану // Президент России. 22.03.2011. URL: http://kremlin.ru/catalog/countries/AF/events/10713 (дата обращения: 20.12.2025).
[392] Указ Президента Российской Федерации от 21.03.2011 г. № 334 // Президент России. 21.03.2011. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/32817 (дата обращения: 20.12.2025).
[393] 外交部阿富汗事务特使由孙玉玺大使担任 [Посол Сунь Юйси является специальным посланником Министерства иностранных дел по делам Афганистана] // 人民网. 18.07.2014. URL: https://world.people.com.cn/n/2014/0718/c1002-25300859.html (дата обращения: 17.01.2026).

Важным инструментом формирования позитивного имиджа обоих государств в Афганистане служит материально-техническая и гуманитарная помощь, направленная на минимизацию последствий регулярных стихийных бедствий, с которыми сталкивается афганское население[394]. При этом необходимо отметить, что в обоих случаях эта помощь носит преимущественно точечный и адресный характер. Так, Россия фокусируется прежде всего на поставках продовольствия и энергоресурсов, тогда как Китай предоставляет экономическую поддержку в виде инвестиций в добывающие отрасли и инфраструктурные проекты, а также двусторонней помощи, увязывая их с интересами инициативы «Один пояс — один путь»[395]. Такая избирательность обусловлена как ограниченностью ресурсов (в случае России), так и стремлением минимизировать риски (в случае Китая), избегая глубокого вовлечения во внутренние политические процессы Афганистана. В результате помощь обоих государств направлена скорее на купирование наиболее острых угроз безопасности и создание условий для ограниченного экономического взаимодействия.

Кульминацией прагматичного подхода, демонстрируемого обеими державами, стали предпринятые ими формальные шаги по нормализации двусторонних отношений с Афганистаном, которые способствовали устранению сохранявшейся неопределенности в дипломатическом взаимодействии. Так, в феврале 2024 года лидер КНР Си Цзиньпин впервые принял верительные грамоты у посла ИЭА, в связи с чем Китай формально стал первой страной, установившей полноценные дипломатические

---

[394] О гуманитарной помощи Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.09.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2045613/ (дата обращения: 03.01.2026); China and Afghanistan // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2676_663356/ (accessed: 03.04.2025).

[395] Мачитидзе Г.Г. Современная афганская политика Китая: сдержанный прагматизм. Восток (Oriens). — 2025. — № 1. — С. 152.

отношения с правительством талибов[396]. Спустя год, в середине апреля 2025 года Верховный суд Российской Федерации принял решение приостановить запрет на деятельность организации на территории страны и снять с неё статус террористической[397], а 3 июля того же года РФ официально объявила о признании правительства Исламского Эмирата Афганистан[398]. Позднее, в сентябре российская сторона впервые на официальном уровне артикулировала необходимость пересмотра формата афганского представительства в ООН в пользу действующих афганских властей: в рамках заседания Совета Безопасности ООН Постоянный представитель РФ В.А. Небензя обосновал данную инициативу невозможностью достижения долгосрочной стабилизации Афганистана без полноформатного взаимодействия с его фактическим руководством[399]. Наконец, в январе 2026 года верительные грамоты посла ИЭА были приняты президентом РФ В.В. Путиным[400], что ознаменовало собой формальное завершение процесса нормализации двусторонних отношений, нивелировав тем самым «двусмысленность», сохранявшуюся в межгосударственном диалоге с момента транзита власти в Афганистане.

---

[396] Первый посол: Китай признал дипломата от талибов главой дипмиссии Афганистана // Известия. 02.02.2024. URL: https://iz.ru/1643558/kseniia-loginova/pervyi-posol-kitai-priznal-diplomata-ot-talibov-glavoi-dipmissii-afganistana (дата обращения: 13.04.2025).

[397] «Талибан» исключили из числа террористических организаций в России // РБК. 17.04.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/04/2025/6800f0fb9a79477fb06eae15?from=from_main_6 (дата обращения: 20.04.2025).

[398] О передаче копий верительных грамот Послом Исламского Эмирата Афганистан в Российской Федерации Г.Х. Хассаном // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 03.07.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2033886/ (дата обращения: 03.01.2026).

[399] Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по положению в Афганистане // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 17.09.2025. URL: https://russiaun.ru/ru/news/afghanistan_170925 (дата обращения: 17.01.2026).

[400] Путин: РФ заинтересована в сильном Афганистане без наркотрафика // ТАСС. 15.01.2026. URL: https://tass.ru/politika/26159635 (дата обращения: 17.01.2026).

***

По результатам рассмотрения подходов Российской Федерации и Китайской Народной Республики к взаимодействию с Афганистаном и места афганского фактора в иерархии их внешнеполитических интересов (проведённого в том числе посредством SWOT-анализа[401]) представляется, что для обеих стран первоочередное значение имеет вопрос достижения долгосрочной стабилизации афганского государства, поскольку именно от этой составляющей напрямую зависит благополучие центральноазиатского региона, традиционно воспринимаемого обеими державами в качестве сферы своего традиционного влияния. По указанной причине оба государства демонстрируют высокую степень вовлечённости в решение афганского вопроса в формате как многостороннего, так и двустороннего взаимодействия, а также заинтересованность в консолидации региональных усилий по стабилизации Афганистана, в связи с чем рассматривают ШОС как востребованную платформу для соответствующего взаимодействия. Параллельно с этим они поддерживают активное участие в иных международных и региональных форматах, ориентированных на афганское урегулирование (Московский формат консультаций, механизм расширенной «тройки» и т.п.). Важно отметить, что отношения РФ и КНР с Афганистаном не осложняются вовлечённостью во внутриафганские этнополитические процессы и характеризуются намеренной деидеологизацией: в противовес западной практике, эти страны избегают оценочных суждений относительно внутренней доктрины Движения талибов. Их двустороннее взаимодействие выстраивается в прагматическом ключе, где приоритет отдается проблематике региональной безопасности и стабильности, а также торгово-экономическому и гуманитарному взаимодействию, а позиция по правам человека носит неполитизированный характер и сводится к призывам о соблюдении базовых

---

[401] См. Приложение 2, табл. 1.

правовых стандартов, не представляя собой инструмент политического давления[402]. Вместе с тем руководство обоих государств в настоящее время демонстрирует консолидированное неприятие односторонних инициатив со стороны крупных внерегиональных игроков в отношении Афганистана.

§3.2. Государства Центральной Азии

С момента своего основания Шанхайская организация сотрудничества включает в себя четыре из пяти центральноазиатских государств — Республику Казахстан, Кыргызскую Республику, Республику Таджикистан и Республику Узбекистан. И если первые три государства входили в состав «Шанхайской пятёрки» постольку, поскольку были вовлечены в процесс делимитации и демаркации государственных границ с Китаем, то последнее присоединилось к этому региональному формату, будучи в первую очередь напрямую заинтересованным в стабилизации обстановки в соседнем Афганистане и уничтожении баз террористических группировок, нашедших себе убежище на его территории[403]. Тем не менее события, развернувшиеся в сентябре 2001 года и вовлёкшие регион в объявленную США «глобальную войну с терроризмом», естественным образом поставили данный вопрос в центр повестки дня для всей ШОС, поскольку нестабильность афганского государства напрямую проецировалась на страны Центральной Азии, которые явственно испытывали на себе её негативные последствия, а в долгосрочной перспективе создавала прямые угрозы национальной безопасности России и

---

[402] Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: https://mid.ru/upload/medialibrary/110/yx0kvmqbw56s1qxrnthnmesa51ok6r44/MFC%202024%20FINAL%20RUS.pdf (дата обращения: 01.03.2025); China’s Position on the Afghan Issue // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. 12.04.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2676_663356/2677_663358/202304/t20230412_11057785.html (дата обращения: 03.04.2025).

[403] Лукин А.В., Мочульский А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки НКСМИ. — 2005. — № 2 (4). — С. 9.

Китая. В данной связи активное вовлечение США и их союзников по НАТО в составе Международных сил содействия безопасности в решение афганского вопроса (т.е. свержение режима талибов и уничтожение укрывавшихся на территории Афганистана террористических ячеек) на тот момент нашло поддержку у властей большинства центральноазиатских республик[404].

Как справедливо отмечают А.В. Лукин и А.Ф. Мочульский, учитывая, что в уставных документах ШОС закреплён принцип равенства участвующих в ней государств (который также является составной частью её идейной основы — «шанхайского духа»), членство в объединении представляется более выгодным в первую очередь для малых и средних государств, чья субъектность в международных отношениях зачастую оказывается весьма ограниченной[405]. Благодаря участию в деятельности авторитетных международных институтов такие государства способны получать право наравне с великими и региональными державами определять основные направления совместного развития. В то же время, с точки зрения уже упоминавшейся в рамках данной работы теории РКБ Б. Бузана и Уэвера, для государств Центральной Азии (представляющей собой подкомплекс РКБ постсоветского пространства, имеющий определённые тенденции к автономизации процессов в сфере безопасности, а также некоторые признаки «мини-комплекса» со своей уникальной внутренней динамикой) ШОС представляет собой инструмент координации усилий для коллективной борьбы с общерегиональными вызовами безопасности, исходящими в том числе от тесно связанного с регионом «государства-инсулятора» Афганистана, а также площадку, где интересы РФ и КНР уравновешивают друг друга,

---

[404] Столповский О.А. Государства Центральной Азии в контексте военной операции в Афганистане // Афганистан и безопасность Центральной Азии, Вып. 4. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — С. 63.

[405] Лукин А.В., Мочульский А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки НКСМИ. — 2005. — № 2 (4). — С. 17.

предотвращая доминирование одной державы в регионе и одновременно ограничивая дестабилизирующее вмешательство внерегиональных игроков за счёт взаимной поддержки суверенитета[406].

Одни из ближайших соседей Афганистана, ***Таджикистан и Узбекистан***, в XXI веке демонстрировали как сходства, так и принципиальные различия во внешнеполитическом взаимодействии с этим государством, а также с этнополитическими группировками, в разные периоды претендовавшими на центральную власть в нём. Кейс таджикско-афганских и узбекско-афганских двусторонних отношений интересен также тем, что они в обоих случаях оказывались по-своему осложнены за счёт этнополитического аспекта.

Из всех центральноазиатских государств ***Республику Таджикистан*** на сегодняшний день отличает наиболее непримиримая позиция по вопросу взаимоотношений с Движением талибов, пришедшим к власти в 2021 году в соседнем Афганистане, с которым РТ разделяет граница длиной свыше 1300 километров, большая часть которой пролегает вдоль реки Пяндж[407]. Истоки данной позиции таджикского руководства представляются очевидными, учитывая предыдущий опыт правления талибов в Афганистане, а также принимая во внимание тот факт, что страна сыграла ключевую, дестабилизирующую роль в гражданской войне в Таджикистане 1992-1997 гг., послужив тыловой базой для вооружённых формирований Объединённой таджикской оппозиции (ОТО). Северные провинции Афганистана предоставляли убежище, оружие и тренировочные лагеря боевикам ОТО, а полевые командиры афганских моджахедов принимали активное участие в

---

[406] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 165.

[407] Сарҳади давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Афғонистон [Таджикско-афганская государственная граница] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 01.03.2013. URL: https://mfa.tj/tg/main/view/149/sarhadi-davlatii-jumhurii-tojikiston-bo-jumhurii-islomii-afgoniston (дата обращения: 25.12.2025).

трансграничных операциях, превращая конфликт в региональный[408]. По утверждению американского военного аналитика С. Таусли, афганский фактор (в данном случае — война в Афганистане с участием ОКСВ 1979-1989 гг. и последовавшая спустя несколько лет после его вывода серия вооружённых конфликтов между представителями различных этнополитических группировок, длительное спонсирование западными странами афганских моджахедов, распространение идей исламского фундаментализма в регионе и, наконец, захват её адептами центральной власти в афганском государстве) оказал прямое и непосредственное влияние на соседний Таджикистан, послужив мощным катализатором эскалации гражданского противостояния в республике[409]. В период самой гражданской войны афганская территория служила плацдармом для обучения, вооружения и пополнения рядов ОТО, что стало причиной длительной дестабилизации ситуации и затягивания процесса мирного урегулирования в Таджикистане. По неоднократному утверждению лидера РТ Эмомали Рахмона, от последствий перманентной афганской нестабильности Таджикистан страдает гораздо больше, чем другие сопредельные с Афганистаном государства[410].

Данные обстоятельства, иллюстрирующие тесную взаимозависимость между внутренней стабильностью Таджикистана и развитием ситуации в сопредельном Афганистане, обусловили глубокую заинтересованность Душанбе в подключении как можно большего числа влиятельных

---

[408] Pannier B. Tajikistan's Afghan Conundrum // Foreign Policy Research Institute. 25.11.2024. URL: https://www.fpri.org/article/2024/11/tajikistans-afghan-conundrum/ (accessed: 05.01.2026).

[409] Tousley S.W. Afghan Sources of the Tajikistan Civil War. — Fort Leavenworth, Kansas, 1995. — P. 80.

[410] Сарвари давлат, Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон дар бораи масъалаҳои мубрам ва ибтикороти сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Мураттиб-муаллифи пешгуфтор Зафар Шералӣ Сайидзода [Глава государства, лидер нации Эмомали Рахмон о насущных проблемах и внешнеполитических инициативах Республики Таджикистан. Составитель и автор предисловия — Зафар Шерали Сайидзода]. — Душанбе: ҶДММ «Контраст», 2019. — С. 25.

международных акторов (включая внерегиональных в лице США и их союзников по НАТО) к урегулированию кризиса безопасности в регионе. Учитывая также, что в дальнейшем ключевую роль в демонтаже режима талибов в 2001 году и освобождении Кабула сыграли этнически близкие Таджикистану формирования Северного альянса, объявленная в октябре 2001 года антитеррористическая кампания в Афганистане при участии международной коалиции встретила полную поддержку со стороны руководства республики. Не последнюю роль в вопросе поддержки США и их союзников сыграло стремление руководства Таджикистана выстроить отношения со странами Запада, чтобы в дальнейшем заручиться их финансовой поддержкой с целью восстановления и развития национального хозяйства, пришедшего в упадок в годы гражданской войны[411]. В целях содействия международной антитеррористической коалиции руководство Таджикистана разрешило пролёт иностранной авиации над своим воздушным пространством, и, кроме того, санкционировало использование аэродрома в Кулябе для базирования авиационных контингентов США и Франции, задействованных в проведении операции на афганской территории, а также приёма бортов военно-транспортной авиации РФ, выполнявших задачи по материально-техническому содействию силам Северного альянса[412]. Особая значимость афганской проблематики для руководства РТ в данный период подтверждается её регулярной фиксацией в основополагающих концептуальных документах страны. В частности, в утверждённой в 2015 году Концепции внешней политики Республики Таджикистан присутствуют

---

[411] Столповский О.А. Государства Центральной Азии в контексте военной операции в Афганистане // Афганистан и безопасность Центральной Азии, Вып. 4. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — С. 66.

[412] Таджикистан предоставил ВВС США и Франции аэродром // Коммерсантъ. 05.12.2001. URL: https://www.kommersant.ru/doc/928169 (дата обращения: 25.12.2025); Memoir | 9/11: The American discovery of Tajikistan // Eurasianet. 27.08.2021. URL: https://eurasianet.org/memoir-911-the-american-discovery-of-tajikistan (accessed: 25.12.2025).

неоднократные упоминания Афганистана: отдельно указывается, что *«спокойствие, безопасность и политическая стабильность этой соседней страны»* отвечают национальным интересам РТ; кроме того, в документе говорится о том, что таджикское руководство *«поддерживает усилия международного сообщества и правительства Афганистана, направленные на всеобъемлющее решение афганской проблемы и экономического возрождения страны на этапе перехода к самодостаточному Афганистану, и рассматривает углубление многопланового взаимовыгодного сотрудничества с этим дружественным соседом, основанного на исторических, языковых и культурных общностях двух народов, в качестве приоритета своей внешней политики»*[413].

В настоящее время подход руководства РТ к вопросу о нормализации отношений с афганским правительством, сформированным Движением талибов, отличается выраженной ригидностью установок, фактически солидаризируясь с внешнеполитическим курсом Вашингтона и большинства европейских государств; в этом вопросе Таджикистан занимает наиболее жесткую позицию среди всех стран центральноазиатского региона[414]. Руководство Таджикистана начиная с 2021 года категорично апеллирует к необходимости создания в Афганистане инклюзивного правительства, прежде всего имея в виду широкое представительство всех этнических, политических и социальных групп (в особенности таджиков, составляющих, по утверждению президента Э. Рахмона, около 46% населения страны) в высших органах власти страны[415]. В то же время ряд других государств,

---

[413] Консепсияи сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон [Концепция внешней политики Республики Таджикистан] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 27.01.2015. URL: https://mfa.tj/tg/main/view/988/konsepsiyai-sijosati-khorijii-jumhurii-tojikiston (дата обращения: 20.12.2025).

[414] Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — № 4 (6). — С. 433.

[415] Рахмон предложил создать инклюзивное правительство Афганистана с участием

придерживающихся более конструктивного подхода (напр., Россия и Узбекистан), исходят из того, что формирование инклюзивной структуры управления может выступать важным фактором долгосрочной стабилизации Афганистана; однако тезис о необходимости учета интересов различных этнических и политических групп выдвигается ими скорее в виде рекомендации, нежели жесткого условия[416]. Руководство Республики Таджикистан также ограничивает официальные контакты со сформированным Движением талибов правительством до необходимого минимума и, кроме того, является единственным центральноазиатским государством, не передавшим ему контроль над посольством Афганистана в Душанбе: должность главы афганской дипмиссии по-прежнему занимает назначенный ещё в 2020 году правительством ИРА дипломат Мухаммад Захир Агбар, который после коллапса предыдущего режима выступил в поддержку возглавляемого А. Масудом Фронта национального сопротивления, а также объявил себя заместителем самопровозглашённого и.о. президента Афганистана Амруллы Салеха, перебравшегося в Таджикистан[417].

таджиков // Anadolu Ajansı. 25.08.2021. URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/рахмон-предложил-создать-инклюзивное-правительство-афганистана-с-участием-таджиков/2345718 (дата обращения: 05.03.2025).

[416] Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — № 4 (6). — С. 433.

[417] Umarov T. Afghanistan-Tajikistan Border Clashes Pose a Dilemma for Moscow // Carnegie Endowment for International Peace. 19.12.2025. URL: https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/12/tajikistan-afghanistan-tension-russia?lang=ru (accessed: 24.01.2026); Муносибатҳои Тоҷикистон бо Афғонистон [Отношения Таджикистана с Афганистаном] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 23.12.2020. URL: https://mfa.tj/tg/mazarisharif/view/17/munosibathoi-tojikiston-bo-afgoniston (дата обращения: 20.12.2025); Afghanistan's Tajikistan Ambassador Mohammad Zahir Declares Himself As First Deputy Head // Republic World. 18.08.2021. URL: https://web.archive.org/web/20210821204226/https://www.republicworld.com/world-news/rest-of-the-world-news/tajikistan-ambassador-mohammad-zahir-declares-himself-as-first-deputy-head-of-afghanistan.html (accessed: 05.03.2025); Вице-президент счел себя главой Афганистана и призвал к войне с талибами // РБК. 17.08.2021. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/08/2021/611bca499a794749fe493445 (дата обращения: 05.03.2025).

Внешнеполитический курс руководства РТ в отношении правительства ИЭА не в последнюю очередь связан с его отношением к различным проявлениям религиозного (в частности, исламского) экстремизма, который на официальном уровне не раз признавался в качестве одной из основных угроз национальной безопасности и конституционного строя республики[418]. Повышенная обеспокоенность в связи с данным явлением в современном таджикском обществе объясняется объективными обстоятельствами: обладая высокой долей мусульманского населения[419], Таджикистан одновременно является региональным «антилидером» по уровню благосостояния населения, около 60% которого живёт менее чем на 3 доллара в день[420], что создаёт благоприятные условия для распространения радикальных религиозных идей, в том числе с целью последующей вербовки граждан страны международными террористическими организациями. По этой причине рост влияния исламского фундаментализма в регионе не может не обращать на себя внимание таджикских властей. Характерно в данной связи, что в настоящее время РТ остаётся единственной страной региона, которая не исключила Движение талибов из национального списка запрещённых организаций[421]. В своих

---

[418] Суханронии Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ-Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар мулоқот бо фаъолон, намояндагони ҷомеа ва ходимони дини кишвар [Выступление Основателя мира и национального единства — Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона на встрече с активистами, представителями общественности и религиозными деятелями страны] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 23.03.2024. URL: https://mfa.tj/tg/ufa/view/14754/sukhanronii-asosguzori-sulhu-vahdati-milli-peshvoi-millat-prezidenti-jumhurii-tojikiston-muhtaram-emomali-rahmon-dar-muloqot-bo-faolon-namoyandagoni-jomea-va-khodimoni-dini-kishvar (дата обращения: 25.12.2025).

[419] Tajikistan // CIA.gov. 06.12.2023. URL: https://www.cia.gov/the-world-factbook/about/archives/2023/countries/tajikistan/ (accessed: 05.12.2025)

[420] Poverty in Central Asia: Who Is Living and Who Is Just Surviving // The Times of Central Asia. 27.10.2025. URL: https://timesca.com/poverty-in-central-asia-who-is-living-and-who-is-just-surviving/ (accessed: 05.12.2025)

[421] Рӯйхати ҳизбу ҳаракатҳое, ки тибқи ҳалномаҳои Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун ташкилоти террористӣ-экстремистӣ (иттиҳоди экстремистӣ) эътироф карда шуда, фаъолияташон дар қаламрави Ҷумҳурии Тоҷикистон манъ карда шудааст [Список партий, движений и организаций, в соответствии с решениями Верховного суда Республики Таджикистан признанных террористическими и экстремистскими организациями

выступлениях президент страны Э. Рахмон и другие официальные лица не раз выражали опасения, связанные с активизацией в Афганистане ячеек международных террористических группировок, наблюдающейся после возвращения к власти Движения талибов, обращая внимание на участившиеся пограничные инциденты с участием боевиков, которые, как предполагают таджикские власти, проходят подготовку на территории северо-восточных границ Афганистана[422]. Однако представляется, что практическая поддержка, которая оказывается в Таджикистане афганским антиталибским группировкам (в частности, предоставление убежища лидерам ФНСА и бывшему военно-политическому руководству ИРА), также содержит в себе потенциал как эскалации внутриафганского конфликта, так и межгосударственного конфликта между Таджикистаном и Афганистаном[423].

Позиция Таджикистана по вопросам взаимодействия с Афганистаном после 2021 года естественным образом оказала влияние на состояние афганского вопроса в рамках повестки Шанхайской организации сотрудничества. Так, на состоявшемся в июне 2024 года заседании Совета министров иностранных дел стран-членов ШОС таджикская сторона, в отличие от остальных участников, в очередной раз выразила сомнения в целесообразности возобновления работы Контактной группы[424]. Сходным

(экстремистскими объединениями), деятельность которых запрещена на территории Республики Таджикистан] // Котибот оид ба амалисозии Стратегияи муқовимат ба экстремизм ва терроризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: https://ct-secretariat.tj/tj/background-information/spisok-terroristicheskikh-i-ekstremistskikh-organizatsij-deyatelnost-kotorykh-zapreshchena-na-territorii-respubliki-tadzhikistan (дата обращения: 20.12.2025).

[422] Посухи толибон ба Раҳмон дар мавриди ҳузури террористҳо дар марз [Ответ талибов Рахмону по вопросу присутствия террористов на границе] // Sputnik Тоҷикистон. 11.01.2022. URL: https://sputnik.tj/20220111/tolibon-iddao-emomali-rahmon-posukh-marz-urdugoh-terrorist-1044720076.html (дата обращения: 15.01.2026).

[423] Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — № 4 (6). — С. 433.

[424] Россия поддержала возобновление работы группы ШОС — Афганистан, заявил МИД // РИА новости. 11.06.2024. URL: https://ria.ru/20240611/shos-1952098076.html (дата

образом РТ артикулирует свою позицию и в рамках других региональных форумов, посвящённых афганской проблематике, включая Московский формат консультаций[425]. Тем не менее пример ключевых государств региона (включая Россию и Китай, чьё политическое, а также экономическое влияние на Таджикистан представляется наиболее заметным), постепенно избирающих прагматичный подход в своих взаимоотношениях с нынешним афганским правительством, не может не оказывать воздействия на внешнеполитический курс страны: так, в ноябре 2025 года в Кабуле состоялись первые за длительный период официальные переговоры между делегацией РТ (с участием представителей силовых ведомств) и властями ИЭА в лице главы МИД А.Х. Муттаки, что отчасти сигнализирует об изменениях, наблюдающихся в их двусторонних отношениях[426]. Двумя месяцами ранее в Душанбе состоялись консультации представителей стран-членов ШОС, где обсуждались вопросы влияния обстановки в Афганистане «на регион ШОС», а также взаимодействия с самим государством[427].

Примечательно, что сохраняющиеся разногласия в политико-дипломатической плоскости таджикско-афганских отношений не препятствуют взаимодействию в торгово-экономической и транспортно-логистической сферах: Таджикистан продолжает оставаться участником ряда трансафганских проектов (включая CASA-1000, строительство железной

обращения: 26.12.2025).

[425] Таджикистан выступил против части пунктов декларации встречи московского формата // ТАСС. 29.09.2023. URL: https://tass.ru/politika/18874719 (дата обращения: 20.12.2025).

[426] هیئت جمهوری تاجیکستان با وزیر خارجه حکومت طالبان در کابل دیدار کرد [Делегация Республики Таджикистан встретилась с министром иностранных дел правительства талибов] // BBC News دری. 17.11.2025. URL: https://www.bbc.com/dari/articles/cy8v36332x4o (дата обращения: 24.01.2026).

[427] Машваратҳо оид ба масъалаи Афғонистон дар қолаби кишварҳои аъзои СҲШ [Консультации по афганской проблематике в формате государств-членов ШОС] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 12.09.2025. URL: https://mfa.tj/tg/moscow/view/17535/mashvaratho-oid-ba-masalai-afgoniston-dar-qolabi-kishvarhoi-azoi-shsh (дата обращения: 20.12.2025).

дороги Туркменистан — Афганистан — Таджикистан и т.п.)[428], а объёмы взаимной торговли между странами по сравнению с периодом до 2021 года не претерпели существенных изменений[429]. Кроме того, власти РТ содействуют транспортировке гуманитарных грузов в Афганистан через свою территорию, а также сами периодически направляют ему гуманитарную помощь[430]. Однако данные усилия носят скорее символический характер, учитывая, что сам Таджикистан, не располагая в достаточной степени финансовыми ресурсами для проведения эффективной социальной политики, сам продолжает оставаться реципиентом как гуманитарной помощи, так и официальной помощи развитию, предоставляемой государствами-донорами и международными организациями[431].

Одним из наиболее заметно проявляющих свою заинтересованность в благополучном разрешении афганского вопроса, и, как следствие, в высокой степени вовлечённых в соответствующие международные и региональные форматы центральноазиатских государств на данный момент выступает ***Республика Узбекистан***. Примечательно, что руководство этого государства практически с самого момента обретения им независимости в своей риторике на высшем уровне уделяло пристальное внимание проблеме урегулирования обстановки в соседнем Афганистане. Так, в ходе своего выступления на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 1993 года вскоре после принятия страны в организацию президент Республики Узбекистан И.

---

[428] Majtdinova G. The Role of Key Communication Projects of Central Eurasia in Strengthening the Integration of the Eurasian Space // Valdai Club. 06.03.2025. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/the-role-of-key-communication-projects/ (accessed: 20.12.2025).

[429] См. график 1.

[430] Сироҷиддин Муҳриддин: «Мавқеи Тоҷикистон нисбат ба толибон* тағйир наёфтааст» [Сироджиддин Мухриддин: «Позиция Таджикистана по отношению к талибам* не изменилась»] // АМИТ «Ховар». 02.02.2022. URL: https://khovar.tj/2022/02/siro-iddin-mu-riddin-mav-ei-to-ikiston-nisbat-ba-tolibon-ta-jir-nayoftaast/ (дата обращения: 05.03.2025).

[431] Глобальные дисбалансы человеческого развития: монография / Под ред. Е.Я. Араповой, В.В. Павлова. — М.: Аспект Пресс, 2024. — С. 400.

Каримов поднял вопрос о необходимости международного содействия нормализации обстановки в соседних Афганистане и Таджикистане; обращая внимание на создавшуюся в результате гражданской войны в РТ ситуацию на таджикско-афганской границе, он указал на то, что ввиду исторической взаимосвязанности процессов, происходящих в центральноазиатских государствах, практически любая угроза безопасности, носящая локальный характер, способна угрожать благополучию и стабильности всего региона, а дестабилизация Центральной Азии, в свою очередь, способна нести существенные риски для всего остального мира[432]. Начиная с 1992 года, когда страна впервые приняла участие в Генассамблее ООН, и до настоящего момента во всех выступлениях Узбекистана афганский вопрос так или иначе затрагивался в контексте региональной борьбы с терроризмом, религиозным экстремизмом и наркотрафиком, и, в соответствии с анализом содержания выступлений представителей РУз в рамках общих прений, в совокупности занимала больше половины их времени[433].

По этой причине, учитывая заинтересованность в решении афганского вопроса, а также сформировавшееся к тому моменту стремление к многовекторности во внешней политике, власти РУз отнеслись с энтузиазмом к начавшейся в 2001 году под эгидой США и НАТО операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, что означало вовлечение западных держав в разрешение регионального кризиса безопасности. На встрече министра обороны США Д. Рамсфельда с президентом И. Каримовым, состоявшейся во время его визита в Ташкент в начале октября 2001 года, стороны договорились об использовании США воздушного пространства страны, а также одного

---

[432] A/48/PV.6 // United Nations. 28.09.1993. URL: https://docs.un.org/en/A/48/PV.6 (accessed: 02.12.2025).

[433] Узбекистан на ГА ООН: «О чем мы говорим с миром?» // Экспертная платформа перспективных исследований в области водной безопасности и устойчивого развития. 2021. URL: https://cawater-info.net/expert-platform/pdf/uzbekistan-un-ga-1992-2020-full.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

аэродрома для размещения американских военно-воздушных сил и войск *«в гуманитарных целях, таких как сброс продовольствия и поисково-спасательные операции»* (но не для осуществления военного наступления со стороны Узбекистана)[434]. К началу операции «Несокрушимая свобода» на авиабазе Ханабад уже была развёрнута эскадрилья военно-транспортных самолётов и вертолётов, а также подразделения 10-й горнострелковой дивизии армии США численностью порядка 1,5 тысяч военнослужащих[435]. В дальнейшем лидер РУз неоднократно заявлял о готовности оказывать всяческую поддержку международной коалиции в проведении антитеррористических действий на территории Афганистана[436]. При этом необходимо отметить, что сотрудничество Узбекистана с США в военной сфере (в частности, состоявшее в проведении мероприятий, связанных с обучением узбекских военнослужащих) имело место задолго до описанных событий, формально начавшись в октябре 1995 года с подписанием меморандума о взаимопонимании между главами оборонных ведомств двух государств, и проходило на фоне уже упоминавшейся дестабилизации обстановки в сопредельных с РУз государствах[437].

Однако после обострения конфликта в Ферганской долине (т.н. «андижанских событий») в мае в 2005 года и последовавших после него попыток США и других стран Запада вмешаться во внутренние дела Узбекистана с требованием проведения расследования, наблюдалось

---

[434] US troops for Uzbekistan // The Guardian. 05.10.2001. URL: https://www.theguardian.com/world/2001/oct/06/afghanistan.terrorism6 (accessed: 22.12.2025).
[435] Krivdo M. CJSOTF-A Combined Joint Special Operations Task Force-Afghanistan A Short History | 2002-2014 // ARSOF. URL: https://arsof-history.org/articles/v12n2_cjsotf_page_1.html (accessed: 23.12.2025).
[436] Chivers C.J. A Nation Challenged: Diplomacy; General Gives Uzbek Leader Warm Words And Spotlight // The New York Times. 05.01.2002. URL: https://www.nytimes.com/2001/10/31/world/nation-challenged-diplomacy-general-gives-uzbek-leader-warm-words-spotlight.html (accessed: 22.12.2025).
[437] Lumpe L. A Timeline of U.S. Military Aid Cooperation with Uzbekistan. Central Eurasia Project, No. 2. — Open Society Foundations, 2010. — P. 6.

выраженное охлаждение американо-узбекских отношений[438]. Внутриполитическая нестабильность в целом способствовала росту изоляционистских настроений руководства РУз, что также обусловило его определённое дистанцирование от решения афганского вопроса. Упоминание в принятой по итогам состоявшегося в июле 2005 года астанинского саммита Декларации глав государств-членов ШОС рекомендации «участникам антитеррористической коалиции» конкретизировать сроки пребывания своих контингентов на инфраструктурных объектах стран региона было во многом связано с американо-узбекским конфликтом: в том же месяце руководство Узбекистана обратилось к американской стороне с ультимативным требованием об окончательном свёртывании военного присутствия на территории страны в течение шести месяцев[439].

К этому же периоду относится стремление руководства Узбекистана переориентировать внимание мирового и регионального сообщества с военно-политического аспекта афганского конфликта на задачи социально-экономического восстановления. В апреле 2008 года на саммите НАТО в Бухаресте президент страны И. Каримов выступил с инициативой о преобразовании функционировавшей с 1997 по 2001 годы под эгидой ООН «Группы соседей и друзей Афганистана» (т.н. «Группы 6+2»), включавшей все сопредельные с Афганистаном государства (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Пакистан и Китай), а также США и Россию[440], в Контактную группу «6+3» с подключением к данному формату ещё одной стороны в лице НАТО, учитывая существовавшее на тот момент серьёзное

---

[438] Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Под ред. И.В. Болговой. — М.: НОФМО, 2010. — С. 54.

[439] Винтами вперед // Газета «Коммерсантъ». 01.08.2005. URL: https://www.kommersant.ru/doc/597603 (дата обращения: 05.01.2025).

[440] О “Группе соседей и друзей Афганистана” (“Группа 6+2”) (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.05.2001. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/af/1718571/ (дата обращения: 05.01.2025).

вовлечение последней во внутриафганские процессы[441]. Обосновывая важность данного предложения, И. Каримов говорил о важности объединения усилий стран, наиболее заинтересованных в нормализации обстановки в Афганистане, в деле поиска и реализации наиболее приемлемых форм содействия его социально-экономической стабилизации. Акцент на социально-экономическом аспекте в данной связи объясняется опытом участия в проектах по реконструкции афганской инфраструктуры (включая строительство мостов, линий электропередач и оптоволоконных сетей), накопленным Узбекистаном в 2000-е годы: в результате реализации этих, а также ряда других совместных с Афганистаном проектов после 2005 года стала заметна положительная динамика в сфере двусторонней торговли и наблюдался стабильный рост товарооборота[442]. На состоявшемся в июне 2009 года в Екатеринбурге заседании СГГ ШОС лидер РУз в своём выступлении вновь уделил приоритетное внимание афганскому вопросу, заявив о неотвратимости прямого вовлечения стран-соседей Афганистана в процесс его «замирения» и восстановления, также напомнив о выдвинутой им инициативе по формированию Контактной группы «6+3»[443]. Тем не менее данная инициатива узбекской стороны так и не получила практического воплощения.

Несмотря на звучавшие в этот период из уст руководства Узбекистана предложения по активизации многосторонних усилий на афганском направлении, в вопросе отношений с самим Афганистаном оно, очевидно, отдавало предпочтение взаимодействию с ним вне рамок многосторонних структур. Так, отвечая на поступившее от Секретариата ШОС весной 2010

---

[441] Каримов делает ставку на НАТО в Афганистане // РИА новости. 07.04.2008. URL: https://ria.ru/20080407/103915182.html (дата обращения: 05.01.2025).

[442] Эргашев Б.И. Внешняя политика Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период: этапы, принципы, основные направления и результаты // Русская политология. — 2021. — № 3 (20). — С. 36.

[443] Стенографический отчёт о заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе // Президент России. 16.06.2009. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/6411 (дата обращения: 05.01.2025).

года предложение о проведении совещания постоянных представителей в рамках Контактной группы «ШОС — Афганистан», узбекская сторона заявила о своём отказе от дальнейшего участия в работе данной структуры, мотивировав это решение приверженностью двустороннему формату сотрудничества с Кабулом[444]. Кроме того, обращал на себя внимание тот факт, что в рамках выдвинутой И. Каримовым инициативы Контактной группы «6+3», в отличие от предыдущего формата «6+2», в принципе не предполагалось участия афганской стороны — ни официального Кабула, ни представителей оппозиционных сил[445]. В целом, такой подход говорил о том, что Ташкент в означенный период видел в Афганистане в первую очередь источник проблем и нестабильности, нежели полноценного участника региональных взаимоотношений, чем могло объясняться его стремление дистанцироваться от многосторонних форматов взаимодействия с этим государством, сохраняя при этом прагматичный подход при работе с афганской стороной в сферах, представляющих взаимный интерес.

Начиная с 2017 года, в связи с произошедшим в Узбекистане годом ранее транзитом власти, в результате которого страну возглавил Ш. Мирзиёев, произошло коренное концептуальное переосмысление афганского направления внешней политики республики. Изменения прежде всего затронули сам подход узбекского руководства к афганскому вопросу: в данный период оно, по сути, становится главным сторонником и инициатором всестороннего вовлечения Афганистана в процессы региональной интеграции среди государств Центральной Азии. Согласно утверждённой в феврале 2017 года «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 — 2021 годах», одним из таких направлений

---

[444] Контактная группа «ШОС — Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 16.07.2019. URL: https://rus.sectsco.org/20190716/565424.html (дата обращения: 13.03.2025).
[445] Эргашев Б. К вопросу о роли Узбекистана в афганском урегулировании // Афганистан и безопасность Центральной Азии, Вып. 4. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — С. 75.

указывалось *«создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства»*, что по определению не могло не включать в себя Афганистан[446]. Обращает также на себя внимание тот факт, что именно в рассматриваемый период в Узбекистане был учреждён институт Спецпредставителя Президента по Афганистану (с момента его создания в мае 2017 года его бессменно занимает узбекский дипломат И. Иргашев)[447]. В этот период страна в целом начала демонстрировать гораздо большую внешнеполитическую активность в отношениях со своими соседями, а также с внерегиональными игроками, в первую очередь по вопросам безопасности и развития центральноазиатского региона, что выражалось в том числе в активизации усилий на дипломатическом треке. Среди наиболее заметных мероприятий многостороннего формата, инициатором которых выступило руководство РУз — Ташкентская международная конференция по Афганистану (в 2018 и 2022 годах мероприятие собрало представителей более чем 20 стран, включая всех непосредственных соседей Афганистана, а также со стороны ООН, Евросоюза и Движения талибов[448]), министерские встречи в рамках Диалога «Индия — Центральная Азия» с участием Афганистана (в первый раз была организована в 2019 году в Самарканде, в дальнейшем состоялась в 2020, 2021 и 2025 годах[449]) и международная конференция высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная

---

[446] О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан // Президент Республики Узбекистан. 07.02.2017. URL: https://president.uz/ru/lists/view/231 (дата обращения: 05.01.2026).

[447] Иргашев Исматулла Раимович // ЦентрАзия. URL: https://centrasia.org/person2.php?st=1332836513#gsc.tab=0 (дата обращения: 19.12.2025).

[448] Принята Ташкентская декларация по Афганистану // Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги. 27.03.2018. URL: https://uza.uz/ru/posts/prinyata-tashkentskaya-deklaratsiya-po-afganistanu-27-03-2018 (дата обращения: 05.01.2026); Участники международной конференции в Ташкенте обсудят вопросы помощи Афганистану // ТАСС. 25.07.2022. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15298463 (дата обращения: 20.12.2025).

[449] 4-ая встреча в рамках Диалога «Индия — Центральная Азия» // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 07.06.2025. URL: https://mfa.tj/ru/minsk/view/17153/4-aya-vstrecha-v-ramkakh-dialoga-indiya-tsentralnaya-aziya (дата обращения: 20.12.2025).

взаимосвязанность. Вызовы и возможности», состоявшаяся в Ташкенте в июле 2021 года при участии представителей государств обоих регионов, а также Афганистана[450]. Наконец, не позднее 2018 года Узбекистан инициировал взаимодействие с Движением талибов (о чём говорило участие их представителей в ряде упомянутых мероприятий на территории страны)[451].

Характерно, что в момент транзита власти в РУз, повлекшего за собой ключевые изменения во внешнеполитической стратегии страны, военно-политическая обстановка в самом Афганистане не обнаруживала признаков улучшения, или, по крайней мере, стабилизации: напротив, данный период был отмечен перманентными неудачами афганской национальной армии в отражении талибского наступления[452]. Обстановка усугублялась стремительным сокращением поддержки (в особенности — финансовой) со стороны ключевого донора правительства ИРА в лице США после прихода к власти администрации Д. Трампа[453]. Иными словами, инициатива на поле боя в Афганистане окончательно перешла на сторону Движения талибов, а положение центральных властей в подобных условиях становилось всё более шатким, что естественным образом вызывало обеспокоенность у сопредельных государств. Данное обстоятельство показывает, что корректировка афганской стратегии Узбекистана в 2017 году произошла не вследствие затухания афганского конфликта, а напротив, на фоне его очевидной эскалации. Пересмотр внешнеполитического курса в сторону

---

[450] Международная конференция «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» // Шанхайская организация сотрудничества. 16.07.2021. URL: https://rus.sectsco.org/20210716/770324.html (дата обращения: 20.12.2025).

[451] Талибы доверились Узбекистану // Коммерсантъ. 18.06.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3661900 (дата обращения: 05.01.2025).

[452] Taliban Unleashes 'Spring Offensive' in Afghanistan // VOA - Voice of America English News. 27.04.2021. URL: https://www.voanews.com/a/taliban-afghanistan-spring-offensive/3829330.html (accessed: 05.05.2022)

[453] President Unveils New Afghanistan, South Asia Strategy // US. Dept of Defense. 21.08.2017. URL: https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1284964/president-unveils-new-afghanistan-south-asia-strategy/ (accessed: 05.05.2022).

большей открытости в подобных условиях не мог не говорить в пользу проактивного характера политики, проводимой Узбекистаном, а также однозначно свидетельствовал о наличии у руководства РУз стремления посредством инструментов многосторонней дипломатии создать благоприятные условия для «афганского замирения» и тем самым приблизить момент разрешения затянувшегося кризиса в соседнем государстве (несмотря на то, что оно, тем не менее, воздерживалось от принятия ведущей роли в этом процессе).

В настоящее время в иерархии внешнеполитических интересов РУз приоритетное значение по-прежнему отводится взаимодействию с государствами Центральной Азии, где в качестве основной задачи видится *«обеспечение мира и стабильности в регионе, решение ключевых проблем региональной безопасности, включая содействие урегулированию ситуации в Афганистане»*[454]. За период пребывания у власти в Афганистане правительства Движения талибов была сохранена положительная динамика в узбекско-афганском торгово-экономическом взаимодействии: среди всех рассматриваемых в настоящем разделе государств наибольшие объёмы товарооборота с Афганистаном начиная с 2023 года наблюдаются именно у Узбекистана[455]. Наконец, в свете упоминавшихся трансформаций внешнеполитического курса РУз представляется закономерным, что подход Узбекистана по вопросу Контактной группы «ШОС — Афганистан» также подвергся пересмотру: так, в ходе своего выступления в рамках 25-го заседания СГГ ШОС, состоявшегося 31 августа — 1 сентября 2025 года в Тяньцзине, лидер РУз Ш. Мирзиёев выступил за возобновление её работы,

---

[454] Внешняя политика Республики Узбекистан // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. URL: https://gov.uz/ru/mfa/sections/view/14455 (дата обращения: 05.01.2026).

[455] См. Приложение 1, рисунок 1.

отметив, что её повестка могла бы в дальнейшем включить вопросы реализации совместных социально-экономических проектов[456].

Говоря об этническом факторе в узбекско-афганских отношениях, то его роль была наиболее заметна в 1990-е годы, а его использование руководством РУз было в первую очередь починено прагматичным интересам и потому носило преимущественно инструментальный характер. Известно, что в 1990-х гг. Узбекистан оказывал существенное содействие в формировании в приграничных северных провинциях Афганистана под руководством этнического узбека, лидера «Национального исламского движения Афганистана» А.Р. Дустума подобия «буферного образования» с целью нейтрализации потенциального миграционного давления и создания препятствий трансграничному наркотрафику, а также инфильтрации радикальных элементов на территорию республики со стороны Афганистана[457]. При этом предположения о крупномасштабной материальной поддержке, которой он пользовался со стороны руководства РУз, не находят документального подтверждения; в действительности военно-технические ресурсы НИДА были «унаследованы» Дустумом в первую очередь от правительства М. Наджибуллы, а также опирались на арсеналы, оставленные советской стороной в 1989 г. при выводе ограниченного контингента советских войск из Афганистана[458]. Тем не менее Узбекистан выступал в качестве ключевого связующего звена А.Р. Дустума с международным сообществом, обеспечивая ему существенную политическую поддержку; подобное

---

[456] Узбекистан поддерживает возобновление работы контактной группы "ШОС - Афганистан" // ТАСС. 01.09.2025. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24922175 (дата обращения: 05.01.2026).

[457] Саженов Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 — начало 2020 г.) / Отв. ред. Р. Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2020. — С. 64.

[458] Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — № 4 (6). — С. 432.

взаимодействие развивалось в условиях жесткого дистанцирования Ташкента и его союзников (в первую очередь — Российской Федерации) от любых контактов с Движением талибов. Ситуация постепенно начала меняться в конце 1990-х годов, с установлением официальных контактов Ташкента с руководством Движения талибов, произошедшим в 1999 году, во время встречи в рамках Контактной группы «6+2»[459]. Весь последующий период, а также после августа 2021 года (когда Узбекистан одним из первых среди стран-соседей Афганистана инициировал конструктивный диалог с пришедшим к власти в стране Движением талибов, прежде всего в связи с урегулированием актуальных вопросов в сфере безопасности и расширением двустороннего экономического партнерства[460]) руководство РУз ориентируется прежде всего на взаимодействие с центральными афганскими властями, воздерживаясь от публичного акцентирования этнического фактора, и, соответственно, не выделяя поддержку узбекской общины Афганистана в качестве приоритетного вектора своего курса.

Важные отличия во внешнеполитических подходах Узбекистана и Таджикистана пролегают в сфере миграционного взаимодействия с Афганистаном: если для Ташкента данный вопрос остается на периферии двусторонних отношений с Кабулом, то в случае Душанбе проблема, связанная с притоком афганских беженцев, выражена гораздо более рельефно и порождает существенно более высокую социально-экономическую нагрузку, а также вызовы внутренней безопасности и стабильности. Естественным следствием подобного рода обстоятельств становится ужесточение властями

---

[459] Мелибаев Н. Что связывает Узбекистан и Афганистан кроме общей границы и вопросов безопасности? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 06.04.2018. URL: https://cabar.asia/ru/chto-svyazyvaet-uzbekistan-i-afganistan-krome-obshhej-granitsy-i-voprosov-bezopasnosti (дата обращения: 20.12.2025).

[460] Зачем Узбекистан торгует с талибами // Deutsche Welle. 22.11.2021. URL: https://www.dw.com/ru/pochemu-uzbekistan-ne-hochet-portit-otnoshenija-s-talibami/video-59903901 (дата обращения: 20.12.2025).

РТ миграционной политики, наблюдающееся в отношении переселенцев из Афганистана после 2021 года[461]. Действия официального Душанбе коррелируют с ограничительными мерами, предпринимаемыми Тегераном и Исламабадом, несмотря на существенную асимметрию в количественных показателях миграционных потоков — масштаб проблемы в случае Таджикистана объективно меньше[462]. Несмотря на то, что страна традиционно размещала у себя значительно меньшее число беженцев ввиду более строгих условий приема, текущие шаги свидетельствуют о включении страны в общерегиональный тренд.

По сравнению с кейсами предыдущих стран, афганский фактор не представлял непосредственной угрозы национальной безопасности ***Республики Казахстан*** и ***Кыргызской Республики***. Не имея непосредственных границ с Афганистаном, но всё же опасаясь столкновения с последствиями его внутренней дестабилизации, эти два государства с началом операции «Несокрушимая свобода» стремились оказать содействие МССБ в её проведении. Тем не менее представляется, что внешнеполитическая линия двух молодых республик в данный период определялась в первую очередь задачами собственного государственного строительства, а их стремление оказать содействие международной коалиции во главе с США диктовалось, прежде всего, прагматическим желанием диверсифицировать свои внешнеполитические связи, институционализировать сотрудничество с Западом и обеспечить приток иностранного капитала, в то время как

---

[461] УВКБ ООН призывает Таджикистан прекратить принудительное возвращение афганских беженцев и соблюдать международные стандарты защиты и свои обязательства, связанные с ними // УВКБ ООН. 07.12.2024. URL: https://www.unhcr.org/central-asia/news/unhcr-calls-tajikistan-halt-forcible-return-afghan-refugees-and-uphold (дата обращения: 25.12.2025); Из Таджикистана принудительно выслали почти 1000 афганских беженцев — МОМ // Asia-Plus. 14.08.2025. URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20250814/iz-tadzhikistana-za-mesyats-prinuditelno-vislali-pochti-1000-afganskih-bezhentsev-mom (дата обращения: 25.12.2025).

[462] Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 16 (2). — С. 102.

соображения региональной безопасности в иерархии их приоритетов носили вторичный характер.

Так, президент Казахстана Н. Назарбаев уже начиная с сентября 2001 года выражал поддержку действиям США и их союзников и в дальнейшем изъявлял готовность содействовать им в осуществлении военных действий на афганской территории, а с декабря власти Казахстана регулярно предоставляли воздушное пространство страны для пролётов самолётов ВВС США[463]. В конце апреля 2002 года в ходе встречи с министром обороны США Д. Рамсфельдом президент допустил возможность использования аэропортов в Алма-Ате, Шымкенте и Луговом *«на случай аварийных посадок военных самолётов сил антитеррористической коалиции»*[464], а в июле того же года между странами был заключён меморандум о взаимопонимании в предоставлении аэропорта Алматы для экстренных посадок самолетов ВВС США[465]. В целом, данный период был отмечен активизацией двусторонних отношений США и Казахстана, а внешнеполитическая активность страны на афганском направлении, как отмечает О.А. Столповский, налагалась на стремление наладить как можно более тесное сотрудничество со странами НАТО[466]. В данной связи интересно отметить, что в дальнейшем Казахстан был единственной республикой региона Центральной Азии, открыто

---

[463] Казахстан с декабря 2001 года разрешил более 800 пролетов для американских самолетов // РИА новости. 07.05.2003. URL: https://ria.ru/20030507/376683.html (дата обращения: 26.12.2025).

[464] Казахстан предлагает США использовать свои аэродромы на случай аварийных посадок самолетов сил антитеррористической коалиции // РИА новости. 29.04.2002. URL: https://ria.ru/20020429/131363.html (дата обращения: 26.12.2025).

[465] РК и США подписали меморандум о взаимопонимании в предоставлении аэропорта Алматы для экстренных посадок самолетов ВВС США // Медиа-портал CARAVAN.kz. 10.07.2002. URL: https://www.caravan.kz/news/rk-i-ssha-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii-v-predostavlenii-aehroporta-almaty-dlya-ehkstrennykh-posadok-samoletov-vvs-ssha-175252/ (дата обращения: 26.12.2025).

[466] Столповский О.А. Государства Центральной Азии в контексте военной операции в Афганистане // Афганистан и безопасность Центральной Азии, Вып. 4. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — С. 63.

выступившей в поддержку действий США в Ираке, и более того, направившей туда группу военных инженеров[467].

Аналогичные мотивы легли в основу позиции Киргизии, также практически сразу выступившей с поддержкой инициированной США операции в Афганистане. Не последнюю роль в этом решении играло стремление руководства страны наладить с американской стороной военное сотрудничество с целью повышения боеспособности национальных вооружённых сил, а также получения материальных преференций в виде иностранных инвестиций и официальной помощи развитию (ОПР). Поддержка Киргизии выразилась в предоставлении территории международного аэропорта Манас для размещения военной базы коалиционных сил; после оформления соответствующего соглашения между США и Киргизией 11 декабря 2001 года авиабаза была открыта, а к середине 2002 года на ней размещалось более 2000 военнослужащих из девяти государств[468].

На решение о дальнейшей судьбе этой базы в первую очередь оказывало влияние экономическое положение республики, а также состояние национального бюджета. Характерно, что вопрос о её закрытии в разные периоды выступал предметом торга руководства Киргизии одновременно с США и Россией: так, в 2005 году после астанинского саммита ШОС, на котором была принята декларация с призывом к антитеррористической коалиции определить конкретные сроки эксплуатации военных объектов стран региона, президент Киргизии К. Бакиев заявил о необходимости вывода американских контингентов с авиабазы «Манас», однако на практике после

---

[467] Казахстан направил в Ирак военных инженеров // АЗЕРТАДЖ — Азербайджанское государственное информационное агентство. 23.08.2003. URL: https://azertag.az/ru/xeber/kazaxstan_napravil_v_irak_voennyx_inzhenerov-616263 (дата обращения: 26.12.2025).

[468] Nichol J.P. Kyrgyzstan and the Status of the U.S. Manas Airbase: Context and Implications. — Congressional Research Service, 2009. — P. 2.

этого заявления последовали договорённости с США об увеличении арендной платы[469]. В последствии К. Бакиев сделал аналогичное заявление в феврале 2009 года, в преддверии своего визита в Москву, мотивируя данное решение разногласиями с американской стороной о предоставлении материальной компенсации за использование авиабазы — оно, в свою очередь, было обусловлено необходимостью получения финансовой поддержки от российской стороны в условиях бюджетных затруднений Киргизии[470]. Окончательно же американский контингент покинул Манас в июле 2014 года после смены политического руководства республики[471].

В 2000-2010-е годы приоритетом двусторонних казахстанско-афганских отношений оставалось торгово-экономическое сотрудничество: в ходе состоявшегося в апреле 2004 года первого официального визита главы Переходной администрации Афганистана Х. Карзая в Казахстан центральным предметом обсуждения стали вопросы активизации взаимной торговли, а также содействия казахского бизнеса восстановлению афганской экономики[472]. Наряду с Узбекистаном, Казахстан в этот и последующий период занимал лидирующие позиции по объемам двусторонней торговли среди стран Центральной Азии, входящих в ШОС[473]. Кроме того, в дальнейшем Афганистан неоднократно становился реципиентом финансово-гуманитарной

---

[469] Socor V. Kyrgyzstan Asks for Manifold Increase in U.S. Payments for Manas // Jamestown. 01.26.2006. URL: https://jamestown.org/kyrgyzstan-asks-for-manifold-increase-in-u-s-payments-for-manas/ (accessed: 05.01.2026).

[470] Киргизия закрывает авиабазу США в Манасе — Бакиев // РИА новости. 03.02.2009. URL: https://ria.ru/20090203/160879889.html (дата обращения: 20.12.2025); Президент Киргизии заложил под визит в Россию американскую базу // Коммерсантъ. 03.02.2009. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1112404 (дата обращения: 20.12.2025).

[471] Farewell, Manas! // The Washington Post. 22.10.2013. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2013/10/22/farewell-manas/ (accessed: 20.12.2025).

[472] Хамид Карзай пригласил Казахстан принять участие в восстановлении афганской экономики // РИА новости. 15.04.2004. URL: https://ria.ru/20040415/569690.html (дата обращения: 20.12.2025).

[473] См. Приложение 1, рисунок 1.

помощи со стороны Казахстана; например, в 2008 году было направлено более $2 млн на строительство школы и больницы, а также ремонт дороги Талукан — Кундуз — Шерхан-Бандар; в 2014 году было выделено около $1,5 млн на строительство мостов и укрепление берегов реки Айбак, а в 2016 году Казахстан перечислил $2 млн в фонд Афганской национальной армии[474]. В 2020 году в Казахстане, вслед за принятием аналогичного решения в Узбекистане, был учрежден пост Специального представителя Президента по Афганистану[475].

Несмотря на гораздо меньшую интенсивность двустороннего взаимодействия, центром отношений Киргизии с Афганистаном также выступают экономические вопросы. Наряду с Таджикистаном, Киргизия вовлечена в реализацию трансафганских проектов в сфере логистики (строительство железной дороги «Китай — Киргизия — Узбекистан», которая рассматривается как часть мультимодальных маршрутов, связывающих КНР, государства Центральной Азии и, далее, Пакистан посредством транзита через Узбекистан и Афганистан) и энергетики (CASA-1000), хотя большинство этих проектов отличают крайне низкие темпы реализации.

В настоящее время, несмотря на участие обеих стран в большинстве региональных форумов, посвящённых проблематике взаимодействия с Афганистаном (включая Московский формат консультаций по Афганистану, консультативные встречи в рамках ШОС, Ташкентская международная конференция высокого уровня и т.п.), афганский вопрос сохраняет периферийное значение в их внешнеполитических приоритетах, что обусловливает сдержанный и неангажированный характер их официальных позиций по данной проблематике. Характерно, что в утверждённой в 2020 году

---

[474] Сотрудничество Казахстана с Афганистаном: обзор // Регнум. 21.07.2017. URL: https://regnum.ru/article/2303850 (дата обращения: 20.12.2025).

[475] У Казахстана появится свой спецпредставитель по Афганистану // КазТАГ. 15.02.2020. URL: https://kaztag.kz/ru/news/u-kazakhstana-poyavitsya-svoy-spetspredstavitel-po-afganistanu (дата обращения: 05.01.2026).

К.-Ж.К. Токаевым Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 — 2030 годы в принципе отсутствует упоминание афганского фактора как значимого элемента региональной безопасности[476]. Аналогичная ситуация прослеживается и в случае Концепции внешней политики Киргизии, принятой в 2019 году[477]. Данный контекст позволяет интерпретировать исключение Движения талибов из национальных списков запрещённых организаций Казахстана (в декабре 2023 года[478]) и Киргизии (в сентябре 2024 года[479]), которому предшествовала определённая стратегическая пауза после состоявшегося в 2021 году транзита власти в Афганистане, как преобладание прагматичного подхода над ценностно-идеологическими аспектами в стратегии обеих стран на афганском направлении.

Резюмируя, можно отметить, что специфику подходов Казахстана и Киргизии к афганскому вопросу, а также в целом к взаимодействию с Афганистаном определяет отсутствие общих границ с этой страной в сочетании с невовлеченностью в её этнополитические процессы и сравнительно низким (во втором случае) торговым оборотом. В описанных условиях руководство обеих стран отдает предпочтение коллективным механизмам реагирования на общерегиональные вызовы безопасности (в том

---

[476] О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 — 2030 годы // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 09.03.2020. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 20.12.2025).

[477] Концепция внешней политики Кыргызской Республики // Кыргыз Республикасынын Юстиция министрлиги. 11.03.2019. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/430045/edition/949067/ru (дата обращения: 20.12.2025).

[478] Астана исключила Талибан из списка террористических организаций для интеграции Афганистана в мировое сообщество // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. 15.02.2024. URL: https://ecrats.org/ru/archive/facts_of_terrorism/8899/ (дата обращения: 20.04.2025).

[479] Киргизия перестала считать талибов террористами // Ведомости. 06.09.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/06/1060394-kirgiziya-perestala-schitat-talibov-terroristami (дата обращения: 20.04.2025).

числе исходящие с афганской территории), делая ставку на институциональные возможности многосторонних региональных площадок.

***

По результатам рассмотрения афганского направления внешней политики центральноазиатских государств-членов ШОС (включая проведённый SWOT-анализ[480]) можно говорить о том, что указанные страны демонстрируют расхождения в подходах к взаимодействию с Афганистаном, находящиеся в довольно умеренном диапазоне, где наиболее крайними проявлениями отмечены позиции, с одной стороны, руководства Республики Узбекистан как наиболее проактивные, конструктивные и прагматичные, а с другой — Республики Таджикистан как в высшей степени осторожные, местами переходящие в алармистские. Вполне ожидаемо, что в отношениях именно этих двух центральноазиатских государств с Афганистаном, являющимся их непосредственными соседями, наблюдается наибольшая интенсивность. В отношениях Афганистана с Узбекистаном и Таджикистаном большим удельным весом обладают вопросы международно-политического характера, тогда как взаимодействие с Казахстаном сосредоточено преимущественно в экономической плоскости. В сравнении с другими описанными в данном разделе государствами, Киргизия демонстрирует наименьшую интенсивность двустороннего взаимодействия с Афганистаном как в политической, так и в экономической сфере. При этом для Казахстана и Киргизии афганское направление не носит столь критического характера, как для Узбекистана и Таджикистана: их вовлеченность во внутренние этнополитические процессы сопредельного государства традиционно ограничена, а интересы Астаны и Бишкека лежат преимущественно в плоскости прагматического торгово-экономического и логистического взаимодействия.

---

[480] См. Приложение 2, табл. 2.

Вместе с тем на сегодняшний день все четыре страны принимают участие в различных региональных форматах, посвящённых афганской повестке. Наиболее непримиримую позицию по вопросу взаимодействия с правительством, сформированным Движением талибов, демонстрирует руководство Таджикистана, проецируя её также и на деятельность в рамках Шанхайской организации сотрудничества и выступая против возобновления работы Контактной группы «ШОС — Афганистан». О фрагментации взаимодействия государств-членов ШОС по афганскому вопросу также не может не говорить уже упоминавшаяся в рамках настоящего исследования инициатива Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, предполагающая их многостороннее взаимодействие по данной проблематике на уровне спецпредставителей — первая встреча в рамках нового формата состоялась в Ташкенте в августе 2025 года[481]. В то же время, несмотря на во многом сохраняющийся партикуляризм национальных интересов центральноазиатских государств по афганской повестке, в настоящее время наметился устойчивый вектор на синхронизацию их подходов к взаимодействию с Афганистаном и поиск общего знаменателя, свидетельством чему служит упомянутая региональная инициатива.

Таким образом, представляется, что даже в пределах небольшой и сравнительно «однородной» группы стран-членов ШОС существуют значительные различия в подходах к взаимодействию с Афганистаном, значительно осложняющие процесс выработки согласованных позиций в рамках организации.

---

[481] В МИД проведена первая встреча специальных представителей стран Центральной Азии по Афганистану // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. 26.08.2025. URL: https://gov.uz/ru/mfa/news/view/81125 (дата обращения: 17.01.2026).

§3.3. Индия и Пакистан

Принятие в ряды Шанхайской организации сотрудничества Республики Индия и Исламской Республики Пакистан в 2017 году, наступившее спустя двенадцать лет после получения ими статуса наблюдателей, обозначило первый этап расширения её членства. Вступление обеих стран в ряды организации предваряли продолжительные экспертные дискуссии относительно того, каким образом скажется данный шаг на её деятельности, учитывая во многом негативный опыт Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), работа которой фактически оказалась парализованной не в последнюю очередь по причине неизбывных индо-пакистанских противоречий[482]. Тем не менее в случае ШОС подобные риски изначально были значительно ниже, учитывая существенные различия институционального дизайна двух организаций, в частности — в порядке принятия решений: так, в отличие от ШОС, в СААРК изначально был утверждён принцип единогласия, что подразумевает необходимость обязательного согласия всех стран-членов по принимаемым решениям, а бойкотирование заседаний организации по крайней мере одним участником подвергает обструкции всю её деятельность[483].

Обе страны в официальных заявлениях своих внешнеполитических ведомств подчеркивают, что, несмотря на сравнительно недавнее присоединение к ШОС, с остальными участниками их объединяют общие исторические, культурные, цивилизационные и географические связи[484].

---

[482] Norling N., Swanström N. The Shanghai Cooperation Organization, Trade, and the Roles of Iran, India and Pakistan // Central Asian Survey. — 2007. — No. 26. — P. 436.

[483] Charter of the South Asian Association for Regional Cooperation // SAARC Secretariat. 12.07.2020. URL: https://www.saarc-sec.org/index.php/resources/agreements-conventions/46-saarc-charter-provisional-rules-of-procedure/file (дата обращения: 03.04.2025).

[484] India-SCO Cooperation // Embassy of India, Beijing. URL: https://eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/NDc (accessed: 06.12.2025); Shanghai Cooperation Organisation (SCO) and Pakistan // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. URL: https://mofa.gov.pk/sco (accessed: 06.12.2025).

Выступая на ежегодном заседании СГГ ШОС, состоявшемся в конце августа — начале сентября 2025 года в Тяньцзине, премьер-министр Индии Н. Моди заявил о том, что в основу деятельности страны в рамках ШОС положены три основных приоритета («столпа») — стремление к обеспечению безопасности и единства в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, усиление региональной логистической взаимосвязанности (при условии уважения положенных в основу деятельности ШОС принципов суверенитета и территориальной целостности) и поиск новых возможностей для регионального сотрудничества и развития[485]. Схожие тезисы содержит и официальная позиция Пакистана по вопросу участия в ШОС, которая отражает его *«глубокую заинтересованность в региональном мире, стабильности и социально-экономическом развитии»*; в числе приоритетов деятельности страны в рамках организации называется сотрудничество в борьбе с терроризмом, экстремизмом и транснациональной преступностью на региональном уровне, а также повышение торгово-экономической взаимосвязанности на евразийском пространстве, чему благоприятствует расположение Пакистана *«на перекрестке Южной Азии, Центральной Азии и Ближнего Востока»*[486].

В соответствии с теорией региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера, регион Южной Азии выделяется в качестве обособленного комплекса (куда включены, собственно, Индия, Пакистан, Бангладеш, Бутан, Шри-Ланка и Мальдивские острова, тогда как Мьянма и Непал, а также Афганистан обозначены в качестве «государств-инсуляторов», отделяющих РКБ Южной Азии от в первых двух случаях от восточноазиатского, в третьем — от центральноазиатского и ближневосточного), ядром которого служит

---

[485] English Translation of Prime Minister's statement during the 25th SCO Summit (September 01, 2025) // Ministry of External Affairs, Government of India. 01.11.2025. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/40075 (accessed: 06.12.2025).

[486] Shanghai Cooperation Organisation (SCO) and Pakistan // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. URL: https://mofa.gov.pk/sco (accessed: 06.12.2025).

противостояние Индии — региональной державы, претендующей на статус великой, и Пакистана — державы среднего уровня, выступающей в роли регионального «антилидера»[487]. Описанная динамика определяет довольно устойчивую биполярную структуру южноазиатского РКБ (что также подтверждается ядерным статусом, которым обе державы располагали к началу XXI века), хотя исследователи не исключали ситуации, при которой в случае общего упадка политической системы ИРП, отдельные признаки которого обнаруживались в начале 2000-х годов, структура данного РКБ трансформируется в моноцентричную[488]. Тем не менее Индия и Пакистан демонстрируют внешнеполитическое поведение, свойственное региональным державам, проводя весьма активную политику в отношении государств, составляющих их региональное окружение. При этом представляется очевидным, что ключевые параметры политики рассматриваемых государств на афганском направлении (на которую неизбежно проецируется застарелое индо-пакистанское противостояние) сложились задолго до их присоединения к ШОС. По указанной причине одновременное принятие Индии и Пакистана в ряды организации было сопряжено с риском возникновения дополнительных осложнений в процессе выработки консолидированной позиции относительно взаимодействия с Афганистаном.

В отношениях ***Республики Индии*** с Афганистаном, исторически отличавшихся дружественностью и конструктивностью, неоднократно наблюдались кризисные явления, что было связано в первую очередь с политическими трансформациями в самом афганском государстве. Несмотря на это, фундаментальное восприятие места Афганистана в системе внешнеполитических координат Индии не подвергалось существенному пересмотру. Индия, в соответствии с используемой на официальном уровне

---

[487] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 99.
[488] Ibid. P. 106, 116, 121.

для описания иерархии приоритетов страны во взаимодействии с внешним миром концепцией «расширяющихся концентрических колец», традиционно относит Афганистан к «первому кольцу», обозначающему регион Южной Азии — «ближайшее соседство», т.е. государства, обладающие историческими «цивилизационными связями» с республикой[489]. Немаловажно и то, что в рамках рассматриваемой доктрины ситуация в государствах ближнего окружения трактуется как фактор, напрямую влияющий на национальную безопасность Индии, что предопределяет стратегическую значимость формирования зоны добрососедства, отраженную в индийской внешнеполитической доктрине «Соседство прежде всего» (Neighbourhood First Policy), изложенной в конце 2000-х годов[490]. Несмотря на то, что афганское направление внешней политики Индии не нашло своего консолидированного отражения в доктринальных документах, при опоре на риторику официальных лиц страны представляется возможным заключить, что интересы этого государства на афганском направлении структурированы вокруг таких стратегических императивов, как (1) поддержка мирного, безопасного и стабильного Афганистана и уважение его суверенитета, единства и территориальной целостности; (2) обеспечение региональной безопасности, что подразумевает недопущение трансформации Афганистана в убежище и плацдарм для международных террористических группировок; (3)

---

[489] ‘Present Dimensions of the Indian Foreign Policy’ - Address by Foreign Secretary Mr. Shyam Saran at Shanghai Institute of International Studies, Shanghai // Ministry of External Affairs, Government of India. 11.01.2006. URL: https://www.mea.gov.in/incoming-visit-detail.htm?2078/Present+Dimensions+of+the+Indian+Foreign+Policy++Address+by+Foreign+Secretary+Mr+Shyam+Saran+at+Shanghai+Institute+of+International+Studies+Shanghai. (accessed: 26.01.2026); Misra A. Rajamandala Theory and India’s International Relations // Nação e Defesa. — 2016. — No. 142. — P. 13; India's Neighbourhood Policy - Prospects and challenges // Vision IAS. 22.11.2023. URL: https%3A%2F%2Fcdn.visionias.in%2Fvalue_added_material%2F6eea6-indias-neighbourhood-policy--prospects-and-challenges.pdf&usg=AOvVaw3KzZJANlsI-ILEv98JA6r8&opi=89978449 (accessed: 26.01.2026).

[490] ANNEXURE-A // Ministry of External Affairs, Government of India. URL: https://fsi.mea.gov.in/Images/CPV/LS97_00.pdf (accessed: 26.01.2026).

необходимость формирования *«открытого и по-настоящему инклюзивного правительства, выражающего волю всего народа Афганистана и включающего представителей всех слоев общества, в том числе основных этнополитических сил страны»*[491]. Ко всему этому можно прибавить не озвучиваемое официально стремление нейтрализовать риски экспорта исламского радикализма, что рассматривается Нью-Дели как критически важное условие для сохранения внутренней стабильности и предотвращения радикализации мусульманского меньшинства в самой Индии, а также геополитическое сдерживание Пакистана, направленное на системное снижение его влияния как в афганском контексте, так и в масштабах всего региона Южной Азии[492]. Наконец, экономический компонент индийской стратегии ориентирован на обеспечение энергетической безопасности и доступ к сырьевым ресурсам для поддержания темпов роста национальной экономики. В этой связи Афганистан рассматривается как ключевой транзитный узел, открытие которого позволит Индии диверсифицировать логистические маршруты и получить прямой выход к рынкам и ресурсному потенциалу государств Центральной Азии (где ключевая роль отведена иранскому порту Чабахар)[493].

---

[491] Delhi Declaration on Afghanistan // Ministry of External Affairs, Government of India. 10.11.2021. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34491/Delhi_Declaration_on_Afghanistan (accessed: 26.03.2025); India - Afghanistan Joint Statement (October 10, 2025). // Ministry of External Affairs, Government of India. 10.10.2025. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/40193/India__Afghanistan_Joint_Statement_October_10_2025 (дата обращения: 18.01.2026).

[492] Mukhammedova A. and Abdullayeva R. What's Behind India's Political Rapprochement With the Taliban? // The Diplomat. 19.11.2025. URL: https://thediplomat.com/2025/11/whats-behind-indias-political-rapprochement-with-the-taliban/ (accessed: 26.01.2026).

[493] مقامات هند و ایران در مورد مسائل سیاسی و اقتصادی افغانستان گفتگو کرده اند [Индийские и иранские официальные лица обсудили политические и экономические вопросы, связанные с Афганистаном] // شمشاد نیوز. 04.01.2025. URL: https://shamshadnews.com/fa/2025/01/04/مقامات-هند-و-ایران-در-مورد-مسائل-سیاسی-و/ (дата обращения: 26.03.2025).

Индийская внешнеполитическая линия в отношении Афганистана в конце 1990-х — начале 2000-х годов определялась антагонизмом с находившимся у власти Движением талибов, чья деятельность напрямую ассоциировалась с пакистанскими интересами, что обусловливало в то время последовательную политику непризнания данного режима. В этой связи начало операции «Несокрушимая свобода» в 2001 году было поддержано индийским руководством, воспринявшим её как необходимую меру по ликвидации очагов международного терроризма[494]. Падение режима талибов означало для Индии не только снижение уровня террористической угрозы в регионе (в том числе за счёт недопущения использования афганской территории для дестабилизации ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир), но и возможность диверсификации своих инструментов влияния.

В условиях происходившего при поддержке США и их союзников по НАТО формирования демократического режима ИРА индийский вклад в стабилизацию ситуации в Афганистане осуществлялся за счёт сотрудничества со страной в сфере *содействия развитию*. Индия, в недавнем прошлом выступавшая преимущественно реципиентом помощи развитию, в XXI веке постепенно перешла в категорию так называемых «новых доноров». Несмотря на то, что Индия официально позиционирует себя как равноправный партнер по развитию, на практике её программы помощи выполняют те же прагматичные функции, что и у традиционных доноров ОЭСР, и рассматриваются как релевантный инструмент внешнеэкономической политики, необходимый прежде всего для стимулирования внешней торговли, а также для диверсификации экономических связей и расширения внешнеполитического влияния в государствах-реципиентах[495]. Уже

---

[494] Operation Enduring Freedom Overview // U.S. Department of State Archive. 01.10.2001. URL: https://2001-2009.state.gov/s/ct/rls/fs/2001/5194.htm (accessed: 26.01.2026).

[495] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индийская модель содействия развитию: лучшие практики и ограничения // Отв. редакторы Ю.А. Никитина, Е.А. Сергеев; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства

упомянутая ориентация Нью-Дели на сближение со странами «ближайшего соседства» наряду его с приверженностью парадигме сотрудничества по линии «Юг — Юг» обусловливает выраженную региональную направленность индийской помощи: ключевым приоритетом остается субрегиональное пространство Южной Азии, где Индия стремится к укреплению своего политического и экономического доминирования. В этой связи основной объем поддержки, предоставляемой преимущественно на двусторонней основе, аккумулируется в сопредельных государствах, среди которых Афганистан начиная с 2000 года стабильно фигурирует в качестве второго по величине получателя индийской помощи.

Табл. 4. *Топ-15 реципиентов индийской помощи развитию (2000-2024 гг.)*[496]

Страна	**Общая сумма предоставленной помощи (в долларах США)**
Бутан	8,3 млрд
Афганистан	***1,19 млрд***
Непал	1,15 млрд
Другие развивающиеся страны	690 млн
Маврикий	652 млн
Шри-Ланка	500 млн
Мальдивы	479 млн
Бангладеш	443 млн
Мьянма	419 млн
Сейшелы	76 млн

иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований. — Москва: Издательский дом МГИМО, 2025. — С. 23.

[496] Nainar A. India's Foreign Assistance: Trends, Processes, and Priorities // ORF America. 28.05.2024. URL: https://orfamerica.org/newresearch/india-foreign-assistance-priorities (accessed: 26.01.2026).

Монголия	26,9 млн

Логика индийской стратегии помощи Афганистану (оказываемой на условиях грантов, направленных преимущественно на реализацию инфраструктурных проектов) была обусловлена прежде всего задачами дерадикализации населения, где повышение уровня жизни и создание рабочих мест рассматриваются в качестве ключевых факторов, способных лишить террористические структуры кадрового резерва. При этом, в отличие от западных (в частности, американских) программ помощи, характеризовавшихся масштабными объемами при зачастую низкой прозрачности и результативности, индийский подход отличается высокой степенью адресности и осязаемости. Несмотря на сравнительно скромные финансовые затраты, проекты Индии имеют целью создание конкретных объектов социальной и экономической инфраструктуры, необходимых для реализации текущих задач развития Афганистана. Среди наиболее значимых проектов помощи Индии, реализованных в период ИРА — строительство здания парламента Афганистана, шоссе Диларам-Зарандж в провинции Нимруз, плотины «Салма» в провинции Герат (ныне — Плотина афгано-индийской дружбы) для ГЭС, линии электропередач Пули-Хумри — Кабул[497].

Повторный приход к власти в Афганистане Движения талибов ожидаемо был воспринят в Индии крайне настороженно и как серьезный вызов национальной безопасности, а события августа 2021 года привели к экстренной эвакуации дипломатического персонала и свертыванию деятельности индийского посольства в Кабуле. Корректировка подхода к взаимодействию с новым афганским правительством произошла спустя год, когда стало очевидно, что режим ИЭА сохранит свою устойчивость в

[497] India and Afghanistan Development Partnership // Ministry of External Affairs, Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/uploads/publicationdocs/176_india-and-afghanistan-a-development-partnership.pdf (accessed: 26.03.2025).

среднесрочной перспективе, в то время как прогнозируемая гуманитарная катастрофа в Афганистане будет представлять серьезные трансграничные риски для всего региона. В июне 2022 года Индия инициировала возобновление дипломатического присутствия, направив в Кабул так называемую «техническую миссию», а впоследствии возобновила гуманитарное сотрудничество со страной, оказывая масштабную продовольственную помощь, что позволило Нью-Дели подтвердить статус традиционного партнера афганского народа и перейти к прагматичному диалогу с сформированным талибами правительством[498]. Знаковым событием в современных афгано-индийских отношениях стал состоявшийся в октябре 2025 года в рамках процесса нормализации двусторонних контактов первый официальный визит министра иностранных дел Исламского Эмирата Афганистан А.Х. Муттаки в Нью-Дели, свидетельствующий об интенсификации межгосударственного взаимодействия между Индией и правительством, сформированным Движением талибов. Важным итогом данного визита стало официальное подтверждение главой МИД Индии С. Джайшанкаром решения о наделении индийской «технической миссии» в Кабуле статусом посольства, что свидетельствует о выходе дипломатического диалога между странами на полноформатный уровень. Индийское руководство охарактеризовало данные изменения как подтверждение преемственности и устойчивого характера отношений двух государств, и подчеркнуло свою приверженность сотрудничеству в рамках проектов содействия развитию Афганистана и его экономического восстановления[499].

---

[498] India upgrades Technical Mission in Kabul to embassy with ‘immediate effect’ // The Hindu. 21.10.2025. URL: https://www.thehindu.com/news/national/india-upgrades-technical-mission-in-kabul-to-embassy-with-immediate-effect/article70187227.ece (accessed: 26.12.2025).

[499] India - Afghanistan Joint Statement (October 10, 2025). // Ministry of External Affairs, Government of India. 10.10.2025. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/40193/India__Afghanistan_Joint_Statement_October_10_2025 (дата обращения: 18.01.2026).

Что касается афганского направления внешней политики ***Исламской Республики Пакистан***, то в данном случае двустороннее взаимодействие, наряду с сохраняющимся высоким уровнем системной напряженности, в равной степени предопределяется грузом исторического наследия. На официальном уровне пакистанское руководство заявляет о том, что отношения с Афганистаном, *«основанные на общей вере, культуре и истории, а также стремлении видеть афганское государство мирным и стабильным»,* являются одним из основных направлений внешней политики ИРП[500]. На практике же Исламабад в своей афганской политике продолжает ориентироваться на вошедшую в дискурс пакистанского внешнеполитического планирования в примерно в 1980-х годах т.н. доктрину «стратегической глубины», смысл которой сводится к содействию формирования стабильного и лояльного политического режима в Афганистане с целью устранения угроз безопасности на северо-западных границах страны, а по сути — к недопущению трансформации афганской территории в плацдарм для индийского влияния или потенциальной агрессии со стороны Нью-Дели[501]. Реализация указанной стратегии с 1980-х годов выражалась в неоднократных попытках содействия установлению лояльного Пакистану политического режима в Афганистане. Данный процесс характеризовался поэтапной сменой «протеже»: первоначальная поддержка формирований моджахедов в период присутствия ограниченного контингента советских войск сменилась в середине 1990-х годов ставкой на Движение талибов. Тем не менее практика показала ограниченность рычагов пакистанского контроля: с момента своего первого прихода к власти талибы демонстрировали стремление к самостоятельности

---

[500] Pakistan — Afghanistan Relations // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. URL: https://mofa.gov.pk/afghanistan (accessed: 26.01.2026).

[501] Лалетин Ю.П. Ситуация в Афганистане и ее воздействие на южный фланг СНГ // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Возможности и вызовы для России / Под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина; МГИМО (У) МИД России; ИНО-Центр. — М.: Логос, 2003. — С. 266.

во внешней политике, диверсифицируя источники финансовой и политической поддержки за счет контактов со странами Персидского залива[502].

Роль Пакистана в операции «Несокрушимая свобода» носила двойственный характер: после периода американского санкционного давления, связанного с проведением ИРП ядерных испытаний в 1998 году, страна официально получила статус ключевого стратегического партнера США в регионе, однако на практике пакистанское руководство придерживалось курса «двух колей», балансируя между требованиями Вашингтона и собственными национальными интересами (как известно, до 2001 года Пакистан был одной из трёх стран, признавших первый Исламский Эмират в Афганистане под руководством Движения талибов, в надежде обеспечить уже упомянутую «стратегическую глубину»)[503]. Учитывая принятый администрацией Дж. У. Буша доктринальный императив солидарной ответственности террористических организаций и субъектов, оказывающих им поддержку, занявший незадолго до этих событий пост президента ИРП генерал П. Мушарраф был вынужден официально разорвать эти связи, хотя при этом руководство силовых структур страны (в особенности — межведомственной разведки ISI) продолжало выступать за сохранение контактов с талибами, рассматривая их как союзническую силу в борьбе с индийским влиянием в Афганистане[504]. Пакистан открыл свое воздушное пространство и сухопутные маршруты для снабжения сил НАТО, а также предоставил порты и военные базы для нужд коалиции; тем не менее двойственная позиция Исламабада продолжала подрывать усилия

---

[502] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2014. — С. 43, 47, 143, 145.
[503] Guelke A. Terrorism and Global Disorder: Political Violence in the Contemporary World. — I.B. Tauris & Co Ltd, 2006. — P. 55.
[504] The United States in Afghanistan an Indian perspective // ORF America. 14.09.2021. URL: https://www.orfonline.org/research/the-united-states-in-afghanistan-an-indian-perspective (accessed: 11.01.2026).

американской администрации на афганском направлении. Как указывает К. Кин, сам по себе Пакистан, в особенности под руководством пришедшего к власти в результате военного переворота 1999 года генерала П. Мушаррафа, был далёк от идеала демократического государства, а его политическое руководство «*отнюдь не горело желанием содействовать США в афганской войне»*, и потому роль страны в этом вопросе можно охарактеризовать не иначе, как деструктивную[505]. Помогая США в борьбе с «Аль-Каидой», Пакистан одновременно продолжал оказывать латентную поддержку Движению талибов, предоставляя убежища его лидерам, бежавшим из Афганистана после 2001 года, что было продиктовано стремлением пакистанского руководства сохранить эту страну в орбите своего влияния и не допустить расширения в нём индийского присутствия. Однако подобный внешнеполитический прагматизм привел к серьезным деструктивным последствиям для внутренней безопасности самого Пакистана, а концентрация боевиков в приграничных с Афганистаном районах вылилась в создание в 2007 году на территории страны движения «Техрик-е Талибан Пакистан» (Движение талибов Пакистана, ТТП), которое инициировало вооруженное противостояние с правительством ИРП с целью захвата государственной власти[506]. В дальнейшем администрация США под руководством Б. Обамы изменила отношение к Пакистану в контексте афганской войны и борьбы с «Аль-Каидой» и талибами, о чём сигнализировало использование на официальном уровне разработанной американским дипломатом Р. Холбруком концепции «АфПак» (AfPak), в соответствии с которой Афганистан и Пакистан воспринимались как единый театр военных действий[507]; объяснялось это в том числе неспособностью

---

[505] Keane C. US Nation-Building in Afghanistan. — Routledge, 2016. — P. 6.

[506] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2014. — С. 174.

[507] Remarks by the President on a New Strategy for Afghanistan and Pakistan [Electronic resource] // The White House [Official website]. 27.03.2009. URL:

пакистанских властей справиться с экстремистами даже на своей собственной территории[508].

К традиционным дестабилизирующим факторам в двусторонних отношениях Кабула и Исламабада относятся *миграционный вопрос и сопряжённая с ним проблематика разделённых этносов*, что в совокупности создаёт перманентную напряженность в межгосударственном диалоге. Историческое неприятие «линии Дюранда» афганскими политическими элитами, рассматривающими её как наследие колониальной экспансии Британской империи с одной стороны, и восприятие Пакистаном неурегулированного конфликта в качестве системного вызова национальной безопасности и территориальной целостности — с другой, трансформировало территориальный спор в константу афгано-пакистанских противоречий[509]. По данным на 2017 г., на территории Пакистана проживало от 2 до 2,4 млн афганских беженцев (из них 1,4 млн — зарегистрированных, а от 600 000 до 1 млн — без документов)[510]. Для образования в этой стране столь многочисленной афганской общины существовали вполне объективные причины. Высокая проницаемость уже упомянутой «линии Дюранда», разделяющей представителей одного этноса, исторически населявшего данную территорию — пуштунов, позволяла жителям обеих стран практически беспрепятственно проникать на территорию соседнего государства. Описанный процесс приобрел массовый характер приблизительно с конца 1970-х гг. на фоне эскалации вооруженного конфликта

---

https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-a-new-strategy-afghanistan-and-pakistan/ (accessed: 06.04.2023).

[508] Фененко А.В. Проблематика «АфПак» в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2013. — № 2. — С. 24-25.

[509] Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — № 4 (6). — С. 431.

[510] South Asia: Pakistan // Central Intelligence Agency. URL: https://tinyurl.com/yx3mtfpt (accessed: 25.02.2025).

на афганской территории. В результате на территории Пакистана образовывались лагеря афганских беженцев (содержавшихся в том числе за счет финансовой поддержки ООН и США), которые даже после вывода советских войск из Афганистана, ввиду продолжения гражданской войны продолжали пополняться вынужденными мигрантами. В 2021 г. страна столкнулась с новой волной беженцев из Афганистана на фоне прихода к власти Движения талибов: тогда в Пакистан въехало от 600 тыс. до 800 тыс. афганцев; на фоне этих событий пакистанские власти начали вводить меры, ужесточающие условия пребывания афганских мигрантов на территории страны, утверждая, что высылке подлежат как минимум 1,7 млн человек[511]. При этом пакистанская полиция задерживала и депортировала из страны не только нелегалов, но и держателей специальной иммигрантской визы, подтверждающей статус беженца у ее владельца[512]. Подобные действия по отношению к афганской общине могут объясняться не только накопившейся за более чем 50 лет усталостью от проблемы беженцев и экономического бремени, которое она влечет, но и угрозами безопасности, которые усматриваются в связях афганцев с радикальными группировками у себя на родине и в поддержке ими террористической организации «Техрик-е Талибан Пакистан» (ТТП)[513]. С другой стороны, во многом именно уязвимое положение афганцев здесь создает большие возможности для их вербовки многочисленными террористическими структурами.

---

[511] Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 16(2). — С. 103.

[512] Строкань С. Великое выселение // Коммерсант. 01.11.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6312301 (дата обращения: 02.03.2025); Riaz A. No country for old Afghans: ‘Post-1951 immigrants to be considered illegal’ // The Express Tribune. 02.04.2015. URL: https://tribune.com.pk/story/863329/no-country-for-old-afghans-post-1951-immigrants-to-be-considered-illegal (accessed: 26.03.2025); Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 16(2). — С. 103.

[513] Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 16(2). — С. 103.

Наконец, наиболее острым и трудноразрешимым противоречием в современном афгано-пакистанском диалоге выступает проблема *деятельности упоминавшегося ранее движения ТТП*, которая также имеет весьма длительную предысторию. Как указывают В.Я. Белокреницкий и Р.Р. Сикоев, в период с 2010 по 2013 годы в регионе традиционного расселения пуштунов *«сформировалась в полной мере единая афгано-пакистанская зона джихадистов, которую хорошо знающие ситуацию эксперты и аналитики назвали "Талибанистан"»*, где боевики афганского Движения талибов и ТТП, несмотря на порой очевидную разнонаправленность интересов их фракций, продолжали исповедовать общую идеологию и представляли угрозу для официальных властей ИРА — с одной стороны, и ИРП — с другой[514]. После своего прихода к власти в Афганистане в 2021 году Движение талибов неоднократно заявляло, что ТТП является «внутренней проблемой Пакистана», отрицая наличие связей с данной группировкой, равно как и присутствие её боевиков на афганской территории[515]. Вместе с тем начиная с указанного времени динамика афгано-пакистанского конфликта демонстрировала устойчивый рост: если в 2022 году инциденты носили спорадический характер, то в период 2023-2025 гг. активность ТТП, использующей восточные афганские провинции в качестве своей тыловой базы, приобрела системный характер, что привело к резкому росту потерь среди пакистанских силовиков[516]. Переломным моментом в двусторонних

---

[514] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2014. — С. 180.

[515] Roggio B. Taliban again denies TTP presence in Afghanistan // Foundation for Defense of Democracies. 21.07.2023. URL: https://www.fdd.org/analysis/2023/07/21/taliban-again-denies-ttp-presence-in-afghanistan/ (accessed: 26.01.2026); Afzal S. Taliban's Denial Of TTP Ties: A Strategic Deflection Or Security Reality? // Eurasia Review. 11.11.2025. URL: https://www.eurasiareview.com/10112025-talibans-denial-of-ttp-ties-a-strategic-deflection-or-security-reality-oped/ (accessed: 26.01.2026).

[516] Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999), 1989 (2011) и 2253 (2015) по «Исламскому государству Ирака и Леванта» (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам, группам, предприятиям и организациям, от 23 января 2024 года на имя Председателя Совета Безопасности // Организация Объединенных

отношениях послужило применение Пакистаном авиаударов по афганской территории, состоявшееся в апреле 2022 года, впервые после установления режима ИЭА; в последующем данные инциденты неоднократно повторялись, что явно продемонстрировало готовность Исламабада нарушить суверенитет соседнего государства с целью купирования террористической угрозы[517]. Примечательно, что руководство Индии регулярно выступает с осуждением пакистанских авиаударов по афганской территории, жертвами которых, как правило, становятся мирные жители, тем самым косвенно поддерживая позицию Кабула и обвиняя Исламабад в попытках переложить ответственность за системные просчеты в сфере национальной безопасности на соседей[518]. В свою очередь, пакистанская сторона озвучивает свою озабоченность вопросом предотвращения использования афганской территории «в качестве плацдарма для совершения нападений» террористами, в том числе в ходе саммитов ШОС[519]. Представляется, что именно активность ТТП, в отличие от иных латентных «триггеров» в афгано-пакистанских отношениях, способна выступить в качестве первоочередного катализатора перехода межгосударственного противостояния в «горячую фазу», перемещая

Наций. 29.01.2024. URL: https://docs.un.org/ru/S/2024/92 (дата обращения: 26.01.2026); Pakistan Security Report 2025 // Pak Institute for Peace Studies. 21.01.2026. URL: https://pakpips.com/web/wp-content/uploads/2026/01/PIPS%20Security%20Report%2025.pdf (accessed: 26.01.2026).

[517] Mir A. Pakistan’s Twin Taliban Problem // United States Institute of Peace. 04.05.2022. URL: https://www.usip.org/publications/2022/05/pakistans-twin-taliban-problem (accessed: 26.01.2026); Transcript of the Press Briefing by the Spokesperson on Thursday, 21 March 2024 // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 21.03.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/transcript-of-the-press-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-21-march-2024?mission=media-briefings (accessed: 26.01.2026).

[518] India condemns Pakistan's airstrikes in Afghanistan // Anadolu Ajansı. 06.01.2025. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/india-condemns-pakistans-airstrikes-in-afghanistan/3442735 (accessed: 26.01.2026); Strikes on Afghan civilians are acts of war: India denounces Pakistan at UN // India Today. 11.12.2025. URL: https://www.indiatoday.in/world/story/india-condemns-pakistan-airstrikes-afghanistan-breach-international-law-threaten-regional-stability-2834215-2025-12-11 (accessed: 26.01.2026).

[519] At SCO summit, Pakistani premier calls for engagement with Afghanistan // Anadolu Ajansı. 04.07.2024. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/at-sco-summit-pakistani-premier-calls-for-engagement-with-afghanistan/3266197 (accessed: 26.01.2026).

его из политико-дипломатической плоскости в плоскость прямой военной конфронтации, поскольку для Исламабада активность данной группировки является экзистенциальной угрозой внутренней безопасности, в то время как неспособность или нежелание Кабула пресечь трансграничные вылазки боевиков создает ситуацию, при которой каждый новый теракт на пакистанской территории провоцирует немедленный силовой ответ в виде авиаударов по Афганистану.

На фоне упомянутых обстоятельств парадоксальным выглядит *сохранение актуальности трансафганских инициатив инфраструктурного характера*, среди которых особо выделяется проект магистрального газопровода ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия), представляющий наиболее яркую иллюстрацию сохраняющейся востребованности транзитного потенциала афганской территории[520]. В силу многих обстоятельств в процессе подготовки и практической реализации этой весьма амбициозной инициативы возникло множество препятствий, носивших характер форс-мажора, которые заставили её участников вначале «заморозить» проект, а затем, после «разморозки», всячески замедляли темпы его реализации, однако на сегодняшний день тема строительства газопровода ТАПИ не уходит из повестки отношений между странами-участницами проекта, которые на официальном уровне регулярно выражают свою заинтересованность в его успешном завершении[521]. На текущем этапе

---

[520] Regional: Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India Natural Gas Pipeline Project, Phase 3 // Asian Development Bank. URL: https://www.adb.org/projects/44463-013/main (accessed: 16.07.2024); India to formally join TAPI gas project, India Today // India Today. 23.04.2008. URL: https://www.indiatoday.in/latest-headlines/story/india-to-join-turkmenistan-gas-pipeline-project-24690-2008-04-23 (accessed: 26.07.2024); Меркулова И. Строительство трансафганского газопровода поможет США закрепиться в регионе // Нефть и капитал. — 2002. — № 12. — С. 60.

[521] Гулам Н.Я. Реализация проекта газопровода ТАПИ (2021 — 2024): вызовы и возможности для Афганистана // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран / отв. ред. и сост. Н. Н. Цветкова; Институт востоковедения РАН. — Ежегодник. Выпуск 5. М.: ИВ РАН. — 2024. — С. 158.

основная активность по реализации проекта наблюдается в рамках двустороннего взаимодействия между Афганистаном и Туркменистаном, подтверждением чему служит прокладка 14 километров трубопровода в направлении города Герат, завершенная к концу 2025 года[522]. В целом же по состоянию на начало 2026 года статус реализации проекта ТАПИ остается скорее неопределенным: при сохранении формального участия, Индия и Пакистан воздерживаются от публичных заявлений относительно своей вовлеченности в проект, при этом официально не выходя из него. В данной связи в региональном экспертном сообществе не отрицают вероятности трансформации проекта ТАПИ в формат ТА (Туркменистан — Афганистан) на основании заявлений официальных лиц, прозвучавших в октябре 2025 года в ходе церемонии открытия участка трубопровода Серхетабад — Герат «Arkadagyň Ak ýoly» («Белая дорога Аркадага»), согласно которым приоритетной задачей на текущем этапе является налаживание экспорта туркменского газа, в первую очередь, афганской стороне[523].

Наряду с энергетическим треком, лакмусовой бумагой афгано-пакистанских противоречий в региональной повестке выступает масштабный инфраструктурный проект Трансафганской железной дороги (магистраль Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар). Инициированный Узбекистаном с целью диверсификации транспортных коридоров и выхода к пакистанским портам Индийского океана, данный проект приобрел общерегиональное измерение благодаря активному вовлечению Российской Федерации — в частности, холдинга «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД»)[524]. Однако практическая реализация Трансафганского

---

[522] Berdimuhamedow Visits Afghanistan to Launch New Phase of TAPI Gas Pipeline // Caspian News. 24.10.2025. URL: https://caspiannews.com/news-detail/berdimuhamedow-visits-afghanistan-to-launch-new-phase-of-tapi-gas-pipeline-2025-10-23-0/ (accessed: 27.12.2025).
[523] Is TAPI Just ‘TA’ for Now? // The Times of Central Asia. 23.10.2025. URL: https://timesca.com/is-tapi-just-ta-for-now/ (accessed: 19.12.2025).
[524] Uzbekistan Approves Feasibility Study for Trans-Afghan Railway // The Times of Central Asia.

железнодорожного коридора сталкивается с теми же структурными вызовами, что и проект газопровода ТАПИ, обусловленными перманентным кризисом доверия между Кабулом и Исламабадом. Регулярные инциденты на афгано-пакистанской границе и нестабильность в сопредельных районах создают критические риски безопасности, блокируя привлечение крупных международных инвесторов[525]. При этом проект не снимается с повестки дня многосторонней дипломатии между его участниками, выступая в том числе стратегическим ориентиром государств-членов ШОС в сфере укрепления региональной транспортной взаимосвязанности[526].

***

Рассмотрение афганского вектора внешней политики Индии и Пакистана, подкреплённое SWOT-анализом[527], позволяет констатировать, что их продолжающееся с различной интенсивностью с середины XX века двустороннее противостояние неизбежно проецируется на их взаимодействие с Афганистаном, влияние на который было и остаётся предметом соперничества двух государств. Различия в их стратегических культурах определяют принципиально разные модели взаимодействия с Кабулом: в то время как Индия делает ставку на инструменты гуманитарно-экономического

12.02.2026. URL: https://timesca.com/uzbekistan-approves-feasibility-study-for-trans-afghan-railway/ (accessed: 03.09.2026); Россия и Узбекистан перешли к практической фазе строительства Трансафганской железной дороги // ИА «РЖД-Партнер». 15.05.2026. URL: https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/rossiya-i-uzbekistan-gotovyat-tekhniko-ekonomicheskoe-obosnovanie-transafganskoy-zheleznoy-dorogi/ (дата обращения: 03.09.2026); Панфилова В. Москва и Ташкент собираются строить Трансафганскую дорогу // Независимая газета. 22.02.2024. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-02-22/5_8960-i_cis2.html (дата обращения: 03.09.2026).

[525] Sidhu A. Off the Rails: Trans-Afghan Corridor Plagued by Afghan-Pak Conflict // Geopolitical Monitor. 28.07.2026. URL: https://www.geopoliticalmonitor.com/off-the-rails-trans-afghan-corridor-plagued-by-afghan-pak-conflict/ (accessed: 03.09.2026).

[526] Премьер Пакистана отметил важность реализации проекта Трансафганского коридора // ТАСС. 02.09.2025. URL: https://tass.ru/ekonomika/24935863 (дата обращения: 27.12.2025); Pakistan, Uzbekistan Push to Accelerate Trans-Afghan Railway Project // The Kabul Tribune. 01.09.2025. URL: https://thekabultribune.com/en/0011069 (accessed: 03.09.2026).

[527] См. Приложение 2, табл. 3.

содействия, подход Пакистана традиционно характеризуется применением более жестких инструментов воздействия, включая военно-политическое давление и тесные связи с радикальными движениями. На фоне относительной стабильности или прагматичного нейтралитета других государств-членов ШОС, рассмотренных в настоящей главе, можно констатировать, что именно у Пакистана наблюдается наибольший конфликтный потенциал в отношениях с Афганистаном. Это, по всей видимости, будет определяющим образом отражаться на позиции Исламабада в рамках ШОС, заставляя пакистанскую дипломатию занимать наиболее жесткую и требовательную позицию по афганской повестке в сравнении с остальными участниками организации.

Несмотря на заявленное единство по вопросам региональной безопасности, Индия и Пакистан в рамках ШОС предпочитают транслировать собственные внешнеполитические установки, тем самым лимитируя потенциал организации как площадки для достижения реального консенсуса по афганскому вопросу. Вместе с тем, упомянутые индо-пакистанские противоречия, равно как и столкновение внешнеполитических интересов двух стран в отношениях с Афганистаном, потенциально способны создавать ситуацию «паралича» ШОС на афганском направлении её деятельности, поскольку консенсусный механизм принятия решений позволяет обеим сторонам блокировать инициативы друг друга.

§3.4. Иран

Исламская Республика Иран официально получила членство в ШОС на заседании Совета глав государств-членов, состоявшемся 4 июля 2023 года в режиме видеоконференции, став, таким образом, девятой по счёту страной-участницей объединения. Процесс трансформации статуса Ирана при объединении занял значительно больше времени, нежели в случае с Индией и Пакистаном, одновременно с которыми он стал наблюдателем в 2005 году[528].

---

[528] О взаимодействии ШОС с другими государствами-нечленами ШОС и международными

Примечательно, что в преддверии встречи глав государств ШОС в Шанхае 2006 года многие полагали практически решённым вопрос о наделении Ирана полноправным членством в организации[529], однако процесс реализации намеченных планов затянулся практически на два десятилетия, причиной чему послужили санкции, наложенные на Исламскую Республику Советом Безопасности ООН в рамках резолюции 1737 в качестве реакции на отказ иранской стороны прекратить обогащение урана[530]. Необходимо отметить, что в указанный период в организации отсутствовала нормативно-правовая база, регламентирующая процедуру расширения членства и определяющая соответствующие критерии; тем не менее в утверждённом в 2010 году «Положении о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества» одно из обязательных условий для государства-заявителя состояло в отсутствии ограничительных мер (санкций), наложенных по линии Совета Безопасности ООН[531].

Немаловажную роль в затягивании процесса вступления Ирана в ШОС играло нежелание её ключевых участников — России и Китая — провоцировать новый виток напряженности в диалоге со странами Запада, принимая в ряды организации государство, чьё руководство долгое время находилось в состоянии открытой конфронтации с США и их союзниками, и тем самым создавая ШОС репутацию антизападного объединения[532]. Прогресс

организациями // Сайт Председателя Правительства РФ Владимира Путина. 30.10.2008. URL: http://archive.premier.gov.ru/visits/world/6079/info/2287/print/ (дата обращения: 25.01.2026).

[529] Brummer M. The Shanghai Cooperation Organization and Iran: A Power-Full Union // Journal of International Affairs. — 2007. —Vol. 60. No. 2. — P. 185.

[530] S/RES/1737 (2006) // Совет Безопасности ООН. 23.12.2006. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/s/res/1737-%282006%29 (дата обращения: 03.04.2025).

[531] Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества // Деловой совет ШОС. 11.06.2010. URL: https://bcsco.ru/files/docs/polozhenie_o_poryadke_priema_novyh_chlenov_v_shanhajskuyu_organizaciyu_sotrudnichestva.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

[532] Iran’s SCO Accession: A timely yet insufficient gambit // ORF. 19.09.2022. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/irans-sco-accession-a-timely-yet-insufficient-gambit

по данному вопросу стал заметен после 2021 года, на фоне возобновления переговорного процесса по СВПД с одной стороны, и нарастания системных противоречий в отношениях РФ и КНР со странами Запада — с другой, в связи с чем расширение ШОС за счет присоединения ИРИ стало рассматриваться в качестве инструмента укрепления стратегических позиций организации, а для Ирана — как своеобразный рычаг давления на западных визави[533].

Являясь по большинству признаков региональной державой (которая, по Б. Бузану и О. Уэверу, относится к ближневосточному региональному комплексу безопасности, имеющему полицентричную структуру)[534], страна стремится обрести рычаги воздействия на своё региональное окружение, в которое, безусловно, входит Афганистан, географическая близость с которым обусловливает прямую зависимость национальной безопасности и внутренней стабильности Ирана от динамики развития ситуации в сопредельном государстве. При рассмотрении вектора ирано-афганского взаимодействия необходимо учитывать, что в основе внешнеполитической стратегии ИРИ традиционно лежала ориентация на исламский мир. Данный принцип, зафиксированный в официальных документах, сохранял свой приоритетный статус на протяжении длительного времени и частично прослеживается в текущей политике Тегерана: так, среди внешнеполитических принципов страны, указанных в её основном законе, содержится следующий тезис: *«Все мусульмане — один народ, и правительство Исламской Республики Иран обязано основывать свою политику на союзе и единстве исламских народов и прилагать все усилия для достижения политического, экономического и*

(accessed: 26.01.2026).

[533] Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2017. — С. 126; Report / SCO: Iran’s Shield against West’s Sanctions // ABNA. 06.11.2025. URL: https://en.abna24.com/news/1724047/Report-SCO-Iran-s-Shield-against-West-s-Sanctions (accessed: 25.01.2026).

[534] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 34, 37.

культурного единства исламского мира»[535]. Исторической развилкой, определившей динамику ирано-афганского взаимодействия в XXI веке, стали события 2001 года и антитеррористическая операция под руководством США и НАТО в Афганистане. В этот период реакция Ирана продемонстрировала высокую степень внешнеполитического прагматизма: несмотря на глубокий и системный антагонизм в отношениях с Вашингтоном, ИРИ фактически поддержала свержение режима во главе с Движением талибов, который после убийства иранских дипломатов в Мазари-Шарифе в 1998 г. рассматривался ею в качестве критического фактора нестабильности у её границ, если не как прямая угроза национальной безопасности[536]. Вследствие этого ситуативного совпадения интересов Иран оказывал существенную негласную поддержку антиталибским силам в лице формирований Северного альянса, предоставлял американской стороне разведывательную и ограниченную логистическую помощь и в дальнейшем сыграл конструктивную дипломатическую роль на Боннской конференции 2001 г. по формированию переходной администрации Афганистана[537]. Вместе с тем этот опыт не привёл к нормализации отношений страны с США: включение Ирана президентом Дж. У. Бушем в т.н. «ось зла» в январе 2002 г. вызвало резкий разворот в стратегическом планировании Тегерана[538]. Долгосрочное американское военное присутствие у восточных границ ИРИ стало восприниматься руководством страны как первоочередной вызов безопасности, что во многом предопределило переход Ирана к

---

[535] اصول سیاست خارجی در قانون اساسی [Принципы внешней политики в Конституции] // پایگاه اطلاع‌رسانی دفتر حفظ و نشر آثار حضرت آیت‌الله‌العظمی سیدعلی خامنه‌ای (مدظله‌العالی) - مؤسسه پژوهشی فرهنگی انقلاب اسلامی. URL: https://farsi.khamenei.ir/others-article?id=17340 (дата обращения: 25.01.2026). 21.06.2004

[536] Акимбеков С.М. История Афганистана. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — С. 590.

[537] Iran and Afghanistan // Institute for the Study of War. 15.04.2009. URL: https://understandingwar.org/research/middle-east/iran-and-afghanistan/ (accessed: 20.09.2026).

[538] Glass A. President Bush cites ‘axis of evil,’ Jan. 29, 2002 // Politico. 29.01.2019. URL: https://www.politico.com/story/2019/01/29/bush-axis-of-evil-2002-1127725 (accessed: 20.09.2026).

стратегии противодействия американскому влиянию в регионе и одновременно стимулировало его долгосрочный курс на сближение с ШОС.

Вопреки отсутствию формализованной доктрины ИРИ на афганском направлении, концептуальные основы подхода Тегерана могут быть реконструированы на основе анализа риторики официальных лиц. В настоящее время (т.е. после 2021 года) могут быть выделены следующие принципы: (1) акцентирование центральной роли регионального сообщества в решении вызовов, обусловленных афганской нестабильностью; (2) необходимость вовлечения афганского государства в политические и экономические проекты региональной интеграции в целях его скорейшей стабилизации; (3) настаивание на привлечении усилий мирового сообщества, а также международных организаций (прежде всего, ООН) к устранению последствий «иностранной оккупации» Афганистана; (4) поддержка формирования инклюзивного правительства в Афганистане[539]. Характерно, что последний тезис последовательно озвучивался иранской стороной начиная с 2021 года, в том числе на высшем уровне: так, в ходе своего выступления на 23-м заседании СГГ ШОС, ключевым итогом которого стало принятие Ирана в ряды организации, президент страны Ибрахим Раиси не обошёл вниманием афганскую проблематику, указав, что руководство страны *«считает единственно верным решением, способствующим достижению прочного мира [в Афганистане] формирование инклюзивного правительства,*

---

[539] بیانیه وزارت امور خارجه در خصوص شرایط افغانستان [Заявление Министерства иностранных дел о ситуации в Афганистане] // 10.01.2024. وزارت امور خارجه جمهوری اسلامی ایران. URL: https://mfa.gov.ir/portal/newsview/738058/بیانیه-وزارت-امور-خارجه-در-خصوص-شرایط-افغانستان (дата обращения: 17.01.2026); بیانیه ایران در نشست افغانستان در تهران [Заявление Ирана на встрече по Афганистану в Тегеране] // 15.12.2025. شبکه اطلاع رسانی افغانستان. URL: https://www.afghanpaper.com/nbody.php?id=178518 (дата обращения: 17.01.2026); موازنه‌گری ایران در رابطه با طالبان/ چرا تهران رویکردی محتاطانه در پیش گرفته‌است [Балансирование Ирана по вопросу признания талибов / Почему Тегеран занимает осторожную позицию] // 21.08.2025. ایرنا. URL https://www.irna.ir/news/85919079/موازنه-گری-ایران-در-رابطه-با-طالبان-چرا-تهران-رویکردی-محتاطانه (дата обращения: 17.01.2026).

объединяющего все группы населения, этнические группы, политические партии и религиозные движения»[540].

Несмотря на то, что до указанного момента у Ирана не было возможности напрямую воздействовать на афганское направление повестки ШОС, страна принимала активное участие в различных региональных встречах по афганскому вопросу, в числе которых — Московский формат консультаций по Афганистану[541], министерские конференции стран-соседей Афганистана[542], неформальные встречи стран региональной «четвёрки» по Афганистану[543], а также инициатива «Сердце Азии — Стамбульский процесс»[544]. О высокой приоритетности афганского вопроса во внешнеполитической повестке ИРИ свидетельствует наличие института

---

[540] مزایای عضویت رسمی جمهوری اسلامی ایران در سازمان همکاری شانگهای، در تاریخ ماندگار خواهد شد/ رویکرد «همسایگی و همگرایی» را مبنای سیاست خارجی خود قرار داده‌ایم/ شکل‌دهی به نظم عادلانه بین‌المللی نیازمند حذف دلار به عنوان ابزار سلطه غرب است/ اهانت برخی کشورها به ارزش‌های ملت‌ها بیانگر سقوط اخلاقی آنها و موجب گسترش نفرت‌پراکنی است/ رژیم صهیونیستی نماد عینی تجاوز به حق حاکمیت ملت‌هاست] Привилегия официального членства Исламской Республики Иран в Шанхайской организации сотрудничества войдёт в историю / Мы строим свою внешнюю политику, опираясь на подход «соседство и конвергенция» / Формирование справедливого международного порядка требует устранения доллара как инструмента западного господства / Оскорбления некоторыми странами национальных ценностей отражают их моральный упадок и ведут к распространению ненависти / Сионистский режим является наглядным символом посягательства на суверенитет наций] // 04.07.2023 .پایگاه اطلاع رسانی ریاست جمهوری اسلامی ایران. URL: https://president.ir/fa/145187 (дата обращения: 26.01.2026).

[541] Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану, Москва, 20 октября 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.10.2021. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1784139/ (дата обращения: 03.04.2025).

[542] О четвертой министерской конференции стран-соседей Афганистана в Самарканде (Узбекистан) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 13.04.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1863403/?lang=ru (дата обращения: 03.04.2025).

[543] О второй встрече министров иностранных дел региональной «четверки» по Афганистану в Самарканде (Узбекистан) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 13.04.2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1863205/#sel=2:1:AU,2:2:UA (дата обращения: 03.04.2025).

[544] Девятая министерская конференция «Сердце Азии — Стамбульский процесс» // Посольство Республики Таджикистан в Федеративной Республике Германия. 01.04.2021. URL: https://www.mfa.tj/ru/berlin/view/7444/devyataya-ministerskaya-konferentsiya-serdtse-azii-stambulskiiprotsess (дата обращения: 03.04.2025).

специального представителя по Афганистану, первые упоминания о котором в иранских СМИ относятся к 2019 году[545]. Вместе с тем в настоящее время отношения Ирана с Исламским Эмиратом Афганистан, несмотря на наличие весьма активного прагматичного взаимодействия (в том числе через дипломатические каналы) по вопросам миграции, пограничного контроля и водопользования, носят скорее напряженный характер: Тегеран воздерживается от официального признания ИЭА, называя в числе причин отказ Движения талибов от формирования инклюзивного правительства, а также несоблюдение прав шиитского меньшинства в Афганистане[546].

Современные отношения двух стран характеризуются наличием серьёзного конфликтного потенциала также и по ряду других принципиально важных вопросов. В структуре двусторонних противоречий Ирана и Афганистана особое место занимает *инструментализация этнического и конфессионального факторов* с целью воздействия на внутриафганские процессы, а также решения более широких внешнеполитических задач. Афганское шиитское меньшинство (прежде всего этнические хазарейцы) традиционно рассматривается Тегераном как проводник его национальных интересов внутри афганского государства. Попытки воздействия Ирана на происходящее в соседнем государстве наблюдались, в частности, на рубеже 1980-1990-х годов, на фоне роста политической субъектности хазарейской общины Афганистана, стремившейся преодолеть статус дискриминируемого меньшинства в период происходивших в стране процессов трансформации государственных институтов. Так, в 1989 году на территории Ирана в

---

[545] نماینده ویژه ایران در امور افغانستان منصوب شد [Назначен специальный представитель Ирана по делам Афганистана] // Fararu. 15.04.2019. URL: https://fararu.com/fa/news/396449/نماینده-ویژه-ایران-در-امور-افغانستان-منصوب-شد (дата обращения: 17.01.2026).

[546] موازنه‌گری ایران در رابطه با طالبان/ چرا تهران رویکردی محتاطانه در پیش گرفته‌است [Балансирование Ирана по вопросу признания талибов / Почему Тегеран занимает осторожную позицию] // ایرنا. 21.08.2025. URL https://www.irna.ir/news/85919079/موازنه-گری-ایران-در-رابطه-با-طالبان-چرا-تهران-رویکردی-محتاطانه (дата обращения: 17.01.2026).

результате объединения девяти шиитских группировок была сформирована «Партия исламского единства Афганистана», которую возглавил лидер афганских повстанцев из числа хазарейской общины Абдул Али Мазари. Вполне очевидно, что данная политическая организация должна была выступать также выразителем интересов последователей шиитского ислама, в связи с чем её руководители в своих внешнеполитических контактах отдавали приоритет взаимодействию с Тегераном, апеллируя к его поддержке[547]. Примечательно также, что иранские проекты содействия развитию Афганистана, реализовывавшиеся в период ИРА, были ориентированы преимущественно на стимулирование развития западных провинций Афганистана, традиционно имевших тесные исторические и культурные связи с Ираном, а также на районы преимущественного расселения хазарейской общины, в особенности — провинцию Бамиан[548]. В данный период руководство ИРИ в своих взаимоотношениях с Афганистаном делало ставку на инструменты т.н. «мягкой силы», стремясь укрепить свой позитивный имидж за счёт реализации проектов в сфере культуры и образования, ориентированных в первую очередь на шиитское население, что отчасти создавало обратный эффект в афганском обществе, интерпретировавшем эти усилия как попытки навязывания иранского культурного доминирования[549].

В контексте региональной проблематики в последние годы актуализировался аспект, связанный с деятельностью дивизии «Фатимиюн». Данное подразделение, укомплектованное представителями афганской шиитской общины (преимущественно хазарейцами) под патронажем Корпуса

---

[547] Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. — М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения), 2004. — С. 446.

[548] Акмалов Ш. О некоторых аспектах внешней политики Ирана в отношении Афганистана // Московский Центр Карнеги. 11.04.2014. URL: https://carnegie.ru/2014/04/11/ru-pub-55327 (дата обращения: 22.12.2025).

[549] Саженов Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 — начало 2020 г.) / Отв. ред. Р. Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2020. — С. 91.

стражей исламской революции (КСИР), было развернуто в Сирийской Арабской Республике в 2013 году и принимало активное участие в боевых действиях на стороне правительственных сил Б. Асада как против формирований вооруженной оппозиции, так и против террористических структур «Исламского государства». На этапе эскалации сирийского конфликта численность группировки достигала 20 тысяч человек; в 2020 году Тегеран выступил с инициативой задействования данного контингента для борьбы с афганским филиалом ИГ — «Вилаят Хорасан», — предложив это решение руководству ИРА[550]. Тем не менее вполне закономерно, что мобилизация представителей упомянутой этноконфессиональной общины для участия во внешних прокси-войнах Ирана (в частности, в ближневосточном регионе), фактически превращающая их в иранский операционный ресурс, воспринимается афганской стороной как вмешательство во внутренние дела и прямая угроза национальному суверенитету.

В качестве ещё одной важной «линии разлома» в двусторонних ирано-афганских отношениях традиционно выступает *миграционный вопрос*. В соответствии с иранскими данными, в 2023 г. в стране проживало более 5 млн афганцев; при этом обострившаяся после 2021 года проблема нелегальной миграции из соседнего Афганистана представляет собой серьезный повод как для недовольства местного населения, так и для озабоченности иранского руководства, декларирующего, что наплыв афганских беженцев представляет собой угрозу для безопасности страны[551]. По данным УВКБ ООН, с середины

---

[550] Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — № 4 (6). — С. 432.

[551] امنیت ملی ایران با حضور مهاجران افغانستانی به چالش افتاده است [Присутствие афганских беженцев представляет угрозу национальной безопасности Ирана] // Faraz 10.03.2024. URL: https://www.faraz.ir/fa/news/71222/امنیت-ملی-ایران-با-حضور-مهاجران-افغانستانی-به-چالش-افتاده-است. (дата обращения: 05.03.2025).

2021 г. в Иран бежало порядка одного миллиона афганских граждан[552]. Власти Ирана не публикуют официальной статистики, отражающей общее количество проживающих в стране афганцев, однако, по ряду оценок, более 90% от всех иностранных граждан, находящихся на территории страны, составляют именно они[553]. Причины многочисленности местной афганской общины во многом очевидны: Иран и Афганистан разделяет весьма протяженная граница (более 900 км), которая не всегда и не везде должным образом охраняется, что открывает возможности для нелегального проникновения мигрантов со стороны Афганистана. Эти обстоятельства, а также опасения, связанные с возможной активностью террористов афганского филиала «Исламского государства», вынудили власти Ирана озаботиться строительством стены на границе со своим восточным соседом. Тем не менее есть свидетельства того, что значительная часть афганцев по-прежнему нелегальным образом проникает в Иран, в основном с территории Пакистана[554].

Согласно данным УВКБ ООН на 2023 г., на легальных основаниях в Иране проживало лишь 780 тысяч афганцев, в то время как остальное их количество (более 90%) составляли нелегальные мигранты и беженцы, причем некоторые из них не имели при себе никаких документов, а кто-то имел лишь афганский загранпаспорт[555]. Большая часть афганцев в Иране стремится интегрироваться в местное общество, поскольку им относительно легко влиться в близкий в культурно-языковом плане иранский социум; лишь

---

[552] Refugees in Iran // UNHCR Iran. URL: https://www.unhcr.org/ir/refugees-iran (accessed: 05.03.2025).

[553] Iran walls off part of border with Afghanistan: state media // Dawn. 23.11.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1860652 (accessed: 05.03.2025).

[554] Afghanistan: Barbed wire borders and the 'Desert of Death' // Sky News. URL: https://news.sky.com/story/afghanistan-barbed-wire-borders-and-the-desert-of-death-the-dangerous-escape-routes-facing-refugees-fleeing-the-taliban-12398215 (accessed: 05.03.2025).

[555] Норик Б.В. Афганские мигранты в Иране: угроза внутренней безопасности или будущая прокси-сила? // Социальные новации и социальные науки. — 2023. — № 1. — С. 124; Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 2 (16). — С. 104.

незначительная часть, около 4%, селится в специально отведенных властями городках для размещения беженцев[556]. Вместе с тем процесс получения гражданства этой страны для афганцев, равно как и для любых иностранных граждан, до недавнего времени был сопряжен с практически непреодолимыми препятствиями в силу преобладания т.н. права крови: иными словами, стать гражданином Ирана может в первую очередь тот, чей отец обладает иранским гражданством. Родившиеся в Иране дети афганских мигрантов в соответствии с местным законодательством для получения гражданства должны достигнуть 18-летнего возраста и затем прожить на территории страны еще как минимум 5 лет[557]. С 2021 г. иранское руководство инициировало ужесточение миграционной политики в связи с беспрецедентным наплывом афганских беженцев. Афганский вопрос вполне ожидаемо стал одной из центральных тем на президентских дебатах летом 2024 года[558]. При этом зачастую негативная риторика иранских властей в адрес афганской общины была призвана оправдать наличие проблем в экономике и социальной сфере, что не могло не сказываться на настроениях местного населения, которое во многом неприязненно относится как к постоянно проживающим на территории Ирана афганцам, так и к тем, кто приезжает в страну в поисках работы или убежища.

Наконец, заметным дестабилизирующим фактором в ирано-афганских отношениях может считаться *неурегулированный водный спор*. В соответствии с соглашением, подписанным в 1973 году (т.е. до исламской революции в Иране и Саурской — в Афганистане), афганская сторона обязывалась поставлять Ирану около 820 млн кубометров воды в год; однако по утверждениям иранского руководства, страна получает лишь малую долю от

---

[556] Refugees in Iran // UNHCR Iran. URL: https://www.unhcr.org/ir/refugees-iran (дата обращения: 05.03.2025).

[557] Норик Б.В. Афганские мигранты в Иране: угроза внутренней безопасности или будущая прокси-сила? // Социальные новации и социальные науки. — 2023. — № 1. — С. 126.

[558] Briefing: Iran's presidential candidates pledge to tackle 'illegal immigration' // BBC Monitoring. 13.06.2024. URL: https://monitoring.bbc.co.uk/product/b0001tk4 (accessed: 25.01.2026).

этого объема (иногда менее 5%), что провоцирует экологическую катастрофу в провинции Систан и Белуджистан[559]. Основная претензия Ирана связана с работой гидротехнических сооружений (напр., ГЭС «Каджаки» и дамба «Камаль Хан»), которые позволяют Афганистану перенаправлять воду для орошения земель в наиболее засушливых южных провинциях, фактически перекрывая её поток в Иран, при этом используя контроль над водными ресурсами в качестве инструмента политического давления на Тегеран по различным вопросам двусторонней повестки. В свою очередь, нынешние афганские власти настаивают на том, что соблюдают договор, а отсутствие воды объясняется климатическими изменениями и низким уровнем осадков. Важно отметить, что ирано-афганский гидрополитический спор усугубляется за счёт пограничных столкновений, наблюдающихся с 2021 года, что в совокупности способствует нарастанию двусторонней конфронтации[560].

Упомянутые эпизоды во многом лишь укрепляют проактивную позицию Ирана по афганской проблематике на региональной арене, куда, в частности, вписывается стремление ослабить конфликтные тенденции, наблюдающиеся во взаимодействии Афганистана с другими региональными игроками. Показательным примером здесь служит состоявшаяся в Тегеране в декабре 2025 года конференция стран-соседей Афганистана с участием российской стороны, которая сделала очевидным намерение ИРИ выступить в качестве посредника в урегулировании накопившейся напряженности между Кабулом и Исламабадом: мероприятие, призванное стимулировать региональное

---

[559] Шашок Л.А. О перспективах ирано-афганского конфликта вокруг реки Гильменд // Институт Ближнего Востока. 16.08.2023. URL: https://www.iimes.ru/?p=100458 (дата обращения: 17.01.2026).

[560] درگیری شدید میان مرزبانان ایرانی با طالبان [Ожесточенные столкновения между иранскими пограничниками и талибами] // اسپوتنیک افغانستان. 01.12.2021. URL: https://sputnik.af/20211201/8339069--درگیری-شدید-میان-مرزبانان-ایرانی-با-طالبان.html (дата обращения: 17.01.2026); جزئیات جدید از مناقشه آبی ایران و طالبان [Новые подробности спора между Ираном и талибами по поводу водных ресурсов] // عصر ایران. 11.07.2023. URL: https://www.asriran.com/fa/news/897655/جزئیات-جدید-از-مناقشه-آبی-ایران-و-طالبان (дата обращения: 17.01.2026).

взаимодействие на афганском направлении приобрело актуальность в свете очередного витка дестабилизации пакистано-афганских отношений, вызванной активизацией движения ТТП[561]. В данной связи глава МИД ИРИ А. Аракчи заявил о необходимости обсуждения путей содействия стабилизации Афганистана посредством региональных механизмов[562]. Примечательно, что афганская сторона, несмотря на полученное приглашение, отказалась от участия в данной встрече, что может говорить в том числе о неприятии Кабулом Ирана в качестве медиатора в данном конфликте.

***

Несмотря на декларируемое стремление Ирана к вовлечению Афганистана в региональные процессы и поддержку его курса на обеспечение безопасности и стабильности, отношения упомянутых государств характеризуются наличием комплекса глубинных противоречий, обусловленных сложной и продолжительной историей двусторонних взаимосвязей, отмеченных целым рядом конфликтных эпизодов. Данные обстоятельства в совокупности создают существенный конфронтационный потенциал, который, в свою очередь, способен служить основой для блокирования иранской стороной интеграции Афганистана в ШОС, исходя из принципиальных соображений, или же в качестве инструмента давления. Таким образом, присоединение Ирана к ШОС, официально состоявшееся в июле 2023 года, как представляется, скорее способствовало усугублению сложностей выработки коллективного подхода по афганскому вопросу в рамках объединения.

---

[561] В Тегеране проходит встреча стран-соседей Афганистана с участием России // РИА новости. 14.12.2025. URL: https://ria.ru/20251214/tegeran-2061936623.html (дата обращения: 17.01.2026).

[562] برگزاری نشست منطقه‌ای در تهران با حضور کشورهای همسایه افغانستان [Проведение региональной встречи в Тегеране с участием стран-соседей Афганистана] // وزارت امور خارجه جمهوری اسلامی ایران. 11.12.2025. URL: https://mfa.ir/portal/newsview/779757/برگزاری-نشست-منطقه-ای-در-تهران-با-حضور-کشورهای-همسایه-افغانستان.html (дата обращения: 17.01.2026).

Выводы к главе

Среди стран-членов ШОС, на системной основе принимающих участие в многосторонних региональных форматах, посвящённых афганской проблематике и обладающих высокой степенью заинтересованности как в стабилизации обстановки внутри Афганистана, так и в урегулировании вопросов, связанных с его международно-политическим статусом, представляется возможным выделить две подгруппы государств в зависимости от практик, демонстрируемых ими как в двустороннем взаимодействии с этой страной, так и в рамках региональных мероприятий, посвящённых афганской проблематике. Группу государств, чей подход к взаимодействию с Афганистаном в настоящее время носит подчёркнуто прагматичный характер, характеризующийся сознательным дистанцированием от ценностно-идеологической повестки, составляют великие державы в лице России и Китая, центральноазиатские республики — Узбекистан, Казахстан и Киргизия, а также Индия. Другая группа государств, в отношениях которых с Афганистаном наблюдаются конфронтационные тенденции, включает его ближайших соседей — Таджикистан, Пакистан и Иран. Важно отметить, что расширение членства организации в 2017 и в 2023 году произошло за счёт как непосредственных (Пакистан и Иран), так и региональных (Индия) соседей Афганистана, чьи отношения с этой страной по вполне понятным причинам отличаются наибольшей интенсивностью, а в первом случае также наделены выраженным конфликтным потенциалом. Ввиду данного обстоятельства, а также учитывая, что неизменным условием для принятия окончательного решения о полноправном членстве Афганистана в ШОС остаётся принцип консенсуса всех государств-членов, реализация данной перспективы в ближайшем будущем представляется крайне проблематичной. Существующая специфика взаимоотношений между странами-участницами объединения, равно как и их двусторонние связи с Афганистаном, потенциально создают условия для блокирования подобного решения, поскольку практически любой дестабилизирующий фактор или

конфликтный прецедент способен спровоцировать отказ отдельного государства или их группы от поддержки его кандидатуры, а также каких-либо инициатив, связанных с активизацией многостороннего сотрудничества с этой страной под эгидой ШОС.

Заключение

Настоящее исследование было направлено на выявление сущности и динамики трансформации подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном, а также на определение системных и институциональных факторов, определяющих потенциал и пределы возможностей организации в данной сфере. Для решения этой задачи был применён подход, основанный на теории институционального дизайна А. Ачарии и А. Джонстона, которая позволила рассмотреть механизм и структуру ШОС как результат осознанного выбора её основателей и участников, отражающего их потребности в существующих международно-политических условиях. В рамках данной оптики эффективность деятельности организации оценивалась прежде всего через призму выполнения целей и задач, сформулированных при её создании. В качестве вспомогательного методологического инструментария использовались положения теории региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера, что позволило, в частности, обосновать значимость афганского фактора как одного из структурообразующих элементов при формировании ШОС и проследить, как восприятие угроз, исходящих из Афганистана, влияло на эволюцию институциональной архитектуры организации.

В **первой главе** исследования реконструирован генезис афганского фактора в сфере евразийской безопасности и его роль в первоначальной институционализации ШОС. Показано, что становление организации стало закономерным ответом на структурные сдвиги в архитектуре региональной безопасности конца XX века: распад СССР привёл к возникновению «вакуума безопасности» в Центральной Азии, которая вскоре превратилась в зону пересечения трансграничных угроз нового поколения (терроризм, экстремизм, наркотрафик). Выявлено, что афганский фактор выступил одним из ключевых катализаторов многостороннего взаимодействия в рамках «Шанхайской пятёрки»: события в Афганистане 1990-х — 2000-х гг. (приход талибов к

власти в 1996 г., поддержка экстремистских группировок) послужили подтверждением необходимости совместного ответа на общерегиональные угрозы. В данном контексте участникам объединения удалось достичь политического консенсуса в оценке «трёх зол» (терроризм, сепаратизм, экстремизм), а Афганистан стал главным источником угроз в ближайшем окружении, через противопоставление которому во многом сформировалась коллективная идентичность будущей организации. Установлено, что, несмотря на широкий мандат ШОС, приоритетным направлением сотрудничества оставалась безопасность на евразийском пространстве, обеспечиваемая за счёт координации усилий по отражению внешних угроз. При этом предметом наибольшей озабоченности государств-членов зачастую становились угрозы, обусловленные нестабильностью в государствах, не входящих в организацию, прежде всего в Афганистане. В силу своего географического положения Афганистан выступал не только как «государство-инсулятор», но и как «связующее звено» между различными региональными комплексами безопасности, что обусловило устойчивую взаимосвязанность интересов безопасности государств сопредельных регионов, включая Россию и Китай. Таким образом, формирование ШОС, а впоследствии и её расширение за счёт Индии, Пакистана и Ирана, представляется закономерным ответом на высокую степень корреляции угроз безопасности на евразийском пространстве. Организация, по замыслу её участников, должна была в том числе служить площадкой для обсуждения афганского вопроса и выработки коллективных подходов к его решению, в частности после 2005 года — в рамках Контактной группы «ШОС — Афганистан».

Во **второй главе** обоснована применимость инструментария теории институционального дизайна к анализу деятельности ШОС и выявлены системные противоречия, препятствовавшие выработке эффективных подходов к взаимодействию с Афганистаном. Установлено, что афганский фактор оказал существенное влияние на деятельность организации: соседство

с большинством стран-членов и трансграничный характер рисков, исходящих из Афганистана, предопределили создание специализированных институтов в рамках ШОС для диалога с этой страной и координации усилий по отражению угроз безопасности. Тем не менее организация не смогла превратиться в основную площадку многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном, и большая часть инициатив в данной сфере к настоящему моменту осуществляется без её непосредственного вовлечения. Выявлено, что специфика институционального дизайна ШОС — широкая сфера компетенций, консультативный характер полномочий, консенсусный принцип принятия решений, отсутствие наднациональных органов и инклюзивное членство значительного числа государств с полярными внешнеполитическими позициями — предопределила её ограниченную эффективность как механизма многостороннего взаимодействия с Афганистаном. В текущей конфигурации роль организации сводится скорее к совещательной, исключая согласование конкретных коллективных решений по афганской проблематике. Кроме того, показано, что сформированная в логике «нового регионализма» ШОС представляет собой организацию, где страны-участницы объединены прежде всего стремлением сохранить национальный суверенитет и улучшить ситуацию с безопасностью в регионе, а не к углублению региональной взаимосвязанности. Уникальность организации проявляется в её способности поддерживать операционную дееспособность несмотря на наличие конфликтного потенциала в отношениях между отдельными участниками. Однако именно отсутствие регионального консенсуса не только по вопросу принятия Афганистана в члены ШОС, но и в принципе допустимости официального взаимодействия с правительством талибов делает обсуждение данной проблематики в рамках организации нерезультативным.

В рамках **третьей главы** исследовано влияние национальных интересов и сложившихся внешнеполитических практик в отношениях с Афганистаном конкретных государств-членов ШОС и их групп на деятельность организации на афганском направлении. К рассмотрению были отобраны страны, на

системной основе принимающие участие в многосторонних региональных форматах, посвящённых афганской проблематике и обладающие высокой степенью заинтересованности как в стабилизации обстановки внутри Афганистана, так и в урегулировании вопросов, связанных с его международно-политическим статусом. По результатам проведённого анализа были выделены две подгруппы государств в зависимости от практик, демонстрируемых ими как в двусторонних отношениях с этой страной, так и в рамках региональных мероприятий, посвящённых афганской проблематике. Так, группу государств, чей подход к взаимодействию с Афганистаном в настоящее время носит подчёркнуто прагматичный характер, характеризующийся сознательным дистанцированием от ценностно-идеологической повестки, составляют великие державы в лице России и Китая, центральноазиатские республики — Узбекистан, Казахстан и Киргизия, а также Индия. Вместе с тем другая группа государств, в отношениях которых с Афганистаном наблюдаются конфронтационные тенденции, включает его ближайших соседей — Таджикистан, Пакистан и Иран.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что трансформация подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном была обусловлена двумя параллельными процессами. С одной стороны, это изменение состава и институциональное строительство самой организации: расширение членства в 2017 и 2023 годах за счёт Пакистана, Индии и Ирана — государств, обладавших многолетним опытом двустороннего взаимодействия с Афганистаном, устоявшимися внешнеполитическими практиками и специфическими интересами в отношениях с ним. Взаимодействие этих стран с Афганистаном отличается наибольшей интенсивностью, а в случае Пакистана также наделено выраженным конфликтным потенциалом. С другой стороны, на эволюцию подходов ШОС влияла динамика внутриполитических преобразований в самом афганском государстве. Период иностранного военного присутствия в Афганистане до августа 2021 г. выступал в ряде

случаев ключевым фактором эрозии национального суверенитета страны, фактически исключая возможность реализации Кабулом самостоятельного внешнеполитического вектора развития. Также было выявлено, что по мере роста числа участников ШОС достижение консенсуса по вопросам, затрагивающим многостороннее взаимодействие с Афганистаном, становилось всё более трудным. Специфика институционального дизайна организации, основанного на принципе консенсуса, в сочетании с дифференциацией интересов новых членов привела к тому, что коллективные позиции по афганскому вопросу претерпевали постепенное «выхолащивание» — смещение от конкретных обязательств к более общим декларативным формулировкам. Это свидетельствует о том, что расширение членства, при всех своих преимуществах, одновременно усилило внутреннюю неоднородность организации и ограничило её способность к выработке скоординированных коллективных решений на афганском направлении.

Подводя итоги проведённого исследования, можно констатировать, что проблемы во взаимодействии ШОС с Афганистаном носят системный характер и обусловлены тремя группами факторов. Первая группа связана с институциональным дизайном самой организации: принцип консенсуса, приоритет внутренней кооперации и ограниченный инструментарий для работы с внешними субъектами на системной основе ограничивают способность ШОС выстраивать отлаженное многостороннее взаимодействие с Афганистаном. Вторая группа факторов — различия, а в ряде случаев и разнонаправленность стратегических интересов и векторов внешней политики стран-членов, а также их сложившиеся практики в двусторонних отношениях с Афганистаном. Как показано в третьей главе, реальные стратегические интересы и внешнеполитические приоритеты России и Китая, стран Центральной Азии, Индии и Пакистана, а также Ирана на афганском направлении существенно дифференцированы, несмотря на общность декларативных установок в отношении Афганистана, что затрудняет выработку скоординированных коллективных решений. Наконец, третья

группа факторов сопряжена с объективной неготовностью самого афганского государства к полноценному сотрудничеству в рамках ШОС ввиду его ограниченной правосубъектности. Эта ограниченность проявлялась как в период иностранного вмешательства до августа 2021 г., когда Кабул фактически не мог реализовать самостоятельный внешнеполитический вектор, так и частично после прихода к власти талибов, когда ряд участников объединения сознательно отказался от официального взаимодействия с руководством Исламского Эмирата Афганистан, что дополнительно ограничило возможности для многостороннего диалога. Таким образом, выявленные ограничения носят не временный, а структурный характер, что объясняет сохраняющиеся трудности в трансформации подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном несмотря на регулярно декларируемую важность афганского вопроса для региональной безопасности.

Вместе с тем выбранный исследовательский подход оставляет нерешенными ряд вопросов, обусловленных прежде всего спецификой теоретико-методологической рамки, характером доступных источников и особенностями самого предмета исследования. Во-первых, выступившая в качестве аналитической основы настоящей работы теория институционального дизайна не всегда способна адекватно реконструировать роль глубинного историко-культурного контекста в формировании взаимоотношений и практик в рамках международно-политических регионов. Несмотря на то, что авторы теории признают важность исторических факторов, они выполняют скорее фоновую, иллюстративную функцию, не играют решающей роли в анализе и практически не оказывают влияния на результаты исследования. Это означает, что такие аспекты, как историческое наследие советского присутствия в Афганистане, память о былых конфликтах (в том числе с участием великих держав), пережитки колониального прошлого, культурно-цивилизационные связи приграничных народов в значительной степени остались за рамками данного исследования, хотя в действительности их влияние на современные подходы государств-членов ШОС к афганскому

вопросу трудно переоценить. Во-вторых, проведённый анализ опирается преимущественно на официальные документы и публичные заявления, что позволяет реконструировать дискурсивные практики и институциональный дизайн организации, однако отсутствие публичного доступа к стенограммам встреч, внутренним рабочим документам и результатам неформальных переговоров и консультаций подразумевает, что значительная часть реальных механизмов координации позиций стран-членов ШОС по афганскому вопросу остаётся за рамками данного исследования. Наконец, динамичность ситуации в Афганистане и быстрая эволюция региональной конъюнктуры могут потребовать актуализации некоторых выводов по мере изменения политической обстановки. В частности, дальнейшая эволюция политического режима под руководством Движения талибов, возможное предоставление Афганистану полноценного членства в ШОС или изменение позиций её ключевых игроков по афганскому вопросу способны существенно трансформировать сложившуюся архитектуру взаимодействия организации с Кабулом. При этом необходимо подчеркнуть, что перечисленные ограничения не подрывают валидность основных результатов, а лишь указывают на направления для дальнейших исследований — в частности, на возможность углублённого изучения исторических взаимосвязей между Афганистаном и странами, ныне входящими в ШОС, проведения сравнительного анализа ШОС с другими региональными организациями (ОДКБ, БРИКС) в сфере взаимодействия с внешними акторами, а также более детального рассмотрения позиций отдельных государств-членов объединения на основе полевых данных и интервью с участниками процессов.

Список источников и литературы

Источники

Учредительные и основополагающие документы ШОС

1. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3406 (дата обращения: 22.10.2023).
2. Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3864 (дата обращения: 01.03.2025).
3. Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 16.01.2025).
4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Президент России. 14.06.2001. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3405 (дата обращения: 22.03.2025).

Соглашения государств-членов ШОС

5. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901763237 (дата обращения: 04.03.2024).
6. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 24.04.1997. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_co

ntracts/multilateral_contract/50727/ (дата обращения: 04.03.2024).

7. Соглашение между Союзом Советских Социалистических республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной Части (Москва, 16 мая 1991 г.) // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/2541346/ (дата обращения: 12.10.2025).

Программно-политические и итоговые документы встреч государств-членов ШОС на высшем и высоком уровне (декларации, коммюнике, заявления)

На русском языке:

8. Бишкекская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Министерство экономического развития Российской Федерации. 14.06.2019. URL: https://economy.gov.ru/material/file/08bedfa2f74e3fcba79eb97f55528702/Declaration_shos_2019.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
9. Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 05.07.2005. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1679180/ (дата обращения: 05.03.2025).
10. Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 года) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.06.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1745498/ (дата обращения: 20.04.2025).
11. Декларация, Заявление и План действий государств — членов ШОС и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью // Организация Объединенных Наций. 29.03.2009. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/afgan_dec.shtml

(дата обращения: 10.10.2025).

12. Душанбинская декларация Глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: https://docs.cntd.ru/document/901770882 (дата обращения: 03.02.2025).
13. Заявление глав правительств государств-участников Шанхайской Организации Сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. 14.09.2001. URL: https://rus.sectsco.org/images/07e8/0c/03/1607860.pdf (дата обращения: 22.10.2025).
14. Совместное заявление министров иностранных дел государств-участников Шанхайской организации сотрудничества (Пекин, 7 января 2002 года) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.01.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1628885/ (дата обращения: 03.04.2025).
15. Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов ШОС по итогам встречи в формате Контактной группы «ШОС-Афганистан», Душанбе, 14 июля 2021 года// Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14.07.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1767728/ (дата обращения: 05.03.2025).
16. Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов ШОС по итогам встречи в формате Контактной группы «ШОС-Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 14.07.2021. URL: https://rus.sectsco.org/20210714/767793.html (дата обращения: 03.04.2025).
17. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент

России. 21.03.2023. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5920 (дата обращения: 25.02.2024).

18. Совместное заявление участников Алма-Атинской встречи — Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: https://docs.cntd.ru/document/901794856 (дата обращения: 04.03.2024).
19. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС, Москва, 27 марта 2009 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 27.03.2009. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1693322/ (дата обращения: 05.01.2025).
20. Стенографический отчёт о заседании Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе // Президент России. 16.06.2009. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/6411 (дата обращения: 05.01.2025).

На английском языке:

21. English Translation of Prime Minister's statement during the 25th SCO Summit (September 01, 2025) // Ministry of External Affairs, Government of India. 01.11.2025. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/40075 (accessed: 06.12.2025).
22. Pooling the Strength of the Shanghai Cooperation Organization to Improve Global Governance // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. 01.09.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyjh/202509/t20250901_11699629.html (accessed: 20.10.2025).

Регламентирующие и структурные документы ШОС

23. Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества // Деловой совет ШОС. 11.06.2010. URL: https://bcsco.ru/files/docs/polozhenie_o_poryadke_priema_novyh_chlenov_v_shanhajskuyu_organizaciyu_sotrudnichestva.pdf (дата обращения: 09.03.2025).
24. Протокол Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан о создании Контактной группы ШОС — Афганистан // ИнфоШОС. 04.11.2005. URL: http://infoshos.ru/ru/?id=95 (дата обращения: 05.03.2025).
25. Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3864 (дата обращения: 01.03.2025).

Документы стратегического планирования и нормативно-правовые акты государств-членов ШОС

На русском языке:

26. ГКПИ03-116 от 18 июня 2003 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/885107001 (дата обращения: 03.01.2026).
27. Концепция внешней политики Кыргызской Республики // Кыргыз Республикасынын Юстиция министрлиги. 11.03.2019. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/430045/edition/949067/ru (дата обращения: 20.12.2025).
28. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 27.02.2025).
29. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 — 2030

годы // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 09.03.2020. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 20.12.2025).

30. О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан // Президент Республики Узбекистан. 07.02.2017. URL: https://president.uz/ru/lists/view/231 (дата обращения: 05.01.2026).
31. Указ Президента Российской Федерации от 21.03.2011 г. № 334 // Президент России. 21.03.2011. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/32817 (дата обращения: 20.12.2025).

На английском языке:

32. ANNEXURE-A // Ministry of External Affairs, Government of India. URL: https://fsi.mea.gov.in/Images/CPV/LS97_00.pdf (accessed: 26.01.2026).
33. China’s Position on the Afghan Issue // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. 12.04.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2676_663356/2677_663358/202304/t20230412_11057785.html (дата обращения: 03.04.2025).

На таджикском языке:

34. Консепсияи сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон [Концепция внешней политики Республики Таджикистан] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 27.01.2015. URL: https://mfa.tj/tg/main/view/988/konsepsiyai-sijosati-khorijii-jumhurii-tojikiston (дата обращения: 20.12.2025).

На персидском языке:

35. اصول سیاست خارجی در قانون اساسی [Принципы внешней политики в Конституции] // پایگاه اطلاع‌رسانی دفتر حفظ و نشر آثار حضرت آیت‌الله‌العظمی سیدعلی خامنه‌ای (مدظله‌العالی) - مؤسسه پژوهشی فرهنگی انقلاب اسلامی. 21.06.2004. URL: https://farsi.khamenei.ir/others-article?id=17340 (дата обращения: 25.01.2026).

Тематические разделы на порталах структурных подразделений ШОС и других международных организаций и национальных ведомств

На русском языке:

36. Взаимодействие Шанхайской Организации Сотрудничества и Афганистана (Справочный материал) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 09.09.2014. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1731428/ (дата обращения: 05.03.2025).
37. Внешняя политика Республики Узбекистан // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. URL: https://gov.uz/ru/mfa/sections/view/14455 (дата обращения: 05.01.2026).
38. Девятая министерская конференция «Сердце Азии — Стамбульский процесс» // Посольство Республики Таджикистан в Федеративной Республике Германия. 01.04.2021. URL: https://www.mfa.tj/ru/berlin/view/7444/devyataya-ministerskaya-konferentsiya-serdtse-azii-stambulskiiprotsess (дата обращения: 03.04.2025).
39. Иргашев Исматулла Раимович // ЦентрАзия. URL: https://centrasia.org/person2.php?st=1332836513#gsc.tab=0 (дата обращения: 19.12.2025).
40. Контактная группа «ШОС — Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 16.07.2019. URL: https://rus.sectsco.org/20190716/565424.html (дата обращения: 13.03.2025).
41. Международный транспортный коридор «Север — Юг» (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25.12.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/2068639/ (дата обращения: 07.09.2026).
42. О взаимодействии ШОС с другими государствами — нечленами ШОС и международными организациями // Сайт Председателя Правительства РФ Владимира Путина. 30.10.2008. URL:

http://archive.premier.gov.ru/visits/world/6079/info/2287/print/ (дата обращения: 25.01.2026).

43. О “Группе соседей и друзей Афганистана” (“Группа 6+2”) (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.05.2001. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/af/1718571/ (дата обращения: 05.01.2025).
44. О Шанхайской организации сотрудничества. // Шанхайская организация сотрудничества. 08.12.2015. URL: https://rus.sectsco.org/20151208/16789.html (дата обращения: 02.03.2025).
45. Противодействие терроризму в рамках ШОС (Справка) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 28.10.2011. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1742195/ (дата обращения: 24.03.2025).
46. Россия и Центральная Азия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/ (дата обращения: 07.09.2026).
47. Структура Шанхайской организации сотрудничества (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 17.05.2005. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1744095/ (дата обращения: 16.01.2025).

На английском языке:

48. China and Afghanistan // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2676_663356/ (accessed: 03.04.2025).
49. China's Initiation of the Five Principles of Peaceful Co-Existence // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/wjls/3604_665547/202405/t20240531_11367

542.html (accessed: 17.01.2026).

50. Foreign Terrorist Organizations // United States Department of State. URL: https://www.state.gov/foreign-terrorist-organizations (accessed: 14.02.2025).
51. India and Afghanistan Development Partnership // Ministry of External Affairs, Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/uploads/publicationdocs/176_india-and-afghanistan-a-development-partnership.pdf (accessed: 26.03.2025).
52. India-SCO Cooperation // Embassy of India, Beijing. URL: https://eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/NDc (accessed: 06.12.2025).
53. Operation Enduring Freedom Overview // U.S. Department of State Archive. 01.10.2001. URL: https://2001-2009.state.gov/s/ct/rls/fs/2001/5194.htm (accessed: 26.01.2026).
54. Pakistan — Afghanistan Relations // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. URL: https://mofa.gov.pk/afghanistan (accessed: 26.01.2026).
55. Refugees in Iran // UNHCR Iran. URL: https://www.unhcr.org/ir/refugees-iran (accessed 05.03.2025).
56. Shanghai Cooperation Organisation (SCO) and Pakistan // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. URL: https://mofa.gov.pk/sco (accessed: 06.12.2025).
57. South Asia: Pakistan // Central Intelligence Agency. URL: https://tinyurl.com/yx3mtfpt (accessed 25.02.2025).
58. Tajikistan // CIA.gov. 06.12.2023. URL: https://www.cia.gov/the-world-factbook/about/archives/2023/countries/tajikistan/ (accessed: 05.12.2025)

На таджикском языке:

59. Муносибатҳои Тоҷикистон бо Афғонистон [Отношения Таджикистана с Афганистаном] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 23.12.2020. URL: https://mfa.tj/tg/mazarisharif/view/17/munosibathoi-tojikiston-bo-afgoniston (дата обращения: 20.12.2025).
60. Рӯйхати ҳизбу ҳаракатҳое, ки тибқи ҳалномаҳои Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун ташкилоти террористӣ-экстремистӣ (иттиҳоди

экстремистӣ) эътироф карда шуда, фаъолияташон дар қаламрави Ҷумҳурии Тоҷикистон манъ карда шудааст [Список партий, движений и организаций, в соответствии с решениями Верховного суда Республики Таджикистан признанных террористическими и экстремистскими организациями (экстремистскими объединениями), деятельность которых запрещена на территории Республики Таджикистан] // Котибот оид ба амалисозии Стратегияи муқовимат ба экстремизм ва терроризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: https://ct-secretariat.tj/tj/background-information/spisok-terroristicheskikh-i-ekstremistskikh-organizatsij-deyatelnost-kotorykh-zapreshchena-na-territorii-respubliki-tadzhikistan (дата обращения: 20.12.2025).

61. Сарҳади давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Афғонистон [Таджикско-афганская государственная граница] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 01.03.2013. URL: https://mfa.tj/tg/main/view/149/sarhadi-davlatii-jumhurii-tojikiston-bo-jumhurii-islomii-afgoniston (дата обращения: 25.12.2025).

Официальные документы иных государств и международных организаций

62. A/48/PV.6 // United Nations. 28.09.1993. URL: https://docs.un.org/en/A/48/PV.6 (accessed: 02.12.2025).
63. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America // US Department of State. 29.02.2020. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf (accessed: 25.04.2023).
64. Charter of the South Asian Association for Regional Cooperation // SAARC Secretariat. 12.07.2020. URL: https://www.saarc-sec.org/index.php/resources/agreements-conventions/46-saarc-charter-provisional-rules-of-procedure/file (дата обращения: 03.04.2025).
65. National Security Strategy 2010. // Obama White House Archives.

01.05.2010. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 19.12.2024).

66. National Security Strategy of the United States 2017 // Office of the Secretary of Defense Historical Office. URL: https://history.defense.gov/portals/70/documents/nss/nss2017.pdf (accessed: 19.12.2024).
67. 'Present Dimensions of the Indian Foreign Policy' - Address by Foreign Secretary Mr. Shyam Saran at Shanghai Institute of International Studies, Shanghai // Ministry of External Affairs, Government of India. 11.01.2006. URL: https://www.mea.gov.in/incoming-visit-detail.htm?2078/Present+Dimensions+of+the+Indian+Foreign+Policy++Address+by+Foreign+Secretary+Mr+Shyam+Saran+at+Shanghai+Institute+of+International+Studies+Shanghai. (accessed: 26.01.2026).
68. President Unveils New Afghanistan, South Asia Strategy // US. Dept of Defense. 21.08.2017. URL: https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1284964/president-unveils-new-afghanistan-south-asia-strategy/ (дата обращения: 05.05.2022).
69. S/RES/1737 (2006) // Совет Безопасности ООН. 23.12.2006. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/s/res/1737-%282006%29 (дата обращения: 03.04.2025).
70. S/RES/2513 (2020) // Совет Безопасности ООН. 10.03.2020. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/2513(2020) (дата обращения: 03.04.2025).
71. The National Security Strategy 2006 // George W. Bush White House Archives. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/sectionIV.html (accessed: 19.12.2024).
72. The 2015 National Security Strategy. // Obama White House Archives. 06.02.2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 19.12.2024).

73. The National Security Strategy of the United States of America // The White House 12.09.2002. URL: https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf (accessed: 19.12.2024).

Новости международных организаций и официальных ведомств

На русском языке:

74. Астана исключила Талибан из списка террористических организаций для интеграции Афганистана в мировое сообщество // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. 15.02.2024. URL: https://ecrats.org/ru/archive/facts_of_terrorism/8899/ (дата обращения: 20.04.2025).

75. В МИД проведена первая встреча специальных представителей стран Центральной Азии по Афганистану // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. 26.08.2025. URL: https://gov.uz/ru/mfa/news/view/81125 (дата обращения: 17.01.2026).

76. Ван И принял участие в третьей неформальной встрече министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана по афганскому вопросу // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 28.09.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202410/t20241003_11502445.html (дата обращения: 19.11.2024).

77. В Бишкеке с участием ШОС прошло третье заседание Контактной группы «ШОС-Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 19.04.2019. URL: https://rus.sectsco.org/20190419/532864.html (дата обращения: 05.03.2025).

78. Владимир Путин принял участие во встрече глав государств «Шанхайской пятерки» // Президент России. 05.07.2000. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/38289/print (дата обращения: 03.02.2025).

79. Генсек ШОС Чжан Мин раскрыл позицию организации по Афганистану

// Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. 28.10.2024. URL: https://ecrats.org/ru/archive/facts_of_terrorism/13255/ (дата обращения: 05.03.2025).

80. Главы государств «Шанхайского форума» приняли Декларацию о создании нового объединения — Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 15.06.2001. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/41570 (дата обращения: 03.04.2025).
81. Заседание Контактной группы «ШОС – Афганистан» в Пекине // Министерство иностранных Республики Таджикистан. 28.05.2018. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/3300/zasedanie-kontaktnoi-gruppy-shos-afganistan-v-pekine (дата обращения: 05.03.2025).
82. Краткие сведения о Шанхайской организации сотрудничества // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 13.01.2004. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/shhzzzmsccl/200401/t20040113_878861.html (дата обращения: 19.11.2025).
83. Международная конференция «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» // Шанхайская организация сотрудничества. 16.07.2021. URL: https://rus.sectsco.org/20210716/770324.html (дата обращения: 20.12.2025).
84. Назначен спецпредставитель Президента России по Афганистану // Президент России. 22.03.2011. URL: http://kremlin.ru/catalog/countries/AF/events/10713 (дата обращения: 20.12.2025).
85. Об итогах заседания Контактной группы «ШОС – Афганистан» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 12.10.2017. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1554833/ (дата обращения: 05.03.2025).
86. О второй встрече министров иностранных дел региональной «четверки»

по Афганистану в Самарканде (Узбекистан) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 13.04.2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1863205/#sel=2:1:AU,2:2:UA (дата обращения: 03.04.2025).

87. О гуманитарной помощи Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.09.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2045613/ (дата обращения: 03.01.2026).
88. О заседании Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1974295/ (дата обращения: 03.04.2025).
89. О заседании Совета министров иностранных дел государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и встрече министров иностранных дел государств-членов ШОС и ИРА в формате Контактной группы «ШОС-Афганистан» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 12.07.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1767592/ (дата обращения: 05.03.2025).
90. О передаче копий верительных грамот Послом Исламского Эмирата Афганистан в Российской Федерации Г.Х. Хассаном // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 03.07.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2033886/ (дата обращения: 03.01.2026).
91. О пресс-конференции Генерального секретаря ШОС по итогам Саммита ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. 16.11.2020. URL: https://rus.sectsco.org/20201116/692233.html (дата обращения: 10.10.2025).
92. О четвертой министерской конференции стран-соседей Афганистана в Самарканде (Узбекистан) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 13.04.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/vizity-

ministra/1863403/?lang=ru (дата обращения: 03.04.2025).

93. УВКБ ООН призывает Таджикистан прекратить принудительное возвращение афганских беженцев и соблюдать международные стандарты защиты и свои обязательства, связанные с ними // УВКБ ООН. 07.12.2024. URL: https://www.unhcr.org/central-asia/news/unhcr-calls-tajikistan-halt-forcible-return-afghan-refugees-and-uphold (дата обращения: 25.12.2025).

На английском языке:

94. India - Afghanistan Joint Statement (October 10, 2025). // Ministry of External Affairs, Government of India. 10.10.2025. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/40193/India__Afghanistan_Joint_Statement_October_10_2025 (дата обращения: 18.01.2026).

95. Regional: Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India Natural Gas Pipeline Project, Phase 3 // Asian Development Bank. URL: https://www.adb.org/projects/44463-013/main (accessed: 16.07.2024).

96. Security Council Renews for One Year Mandate of Team Monitoring Sanctions against Taliban, with Some Regretting Travel Exemptions Not Extended // United Nations. 14.12.2023. URL: https://press.un.org/en/2023/sc15530.doc.htm (accessed 01.03.2025).

97. UNODC report finds drug use in Afghanistan is shifting toward synthetic drugs and the misuse of pharmaceutical drugs // United Nations Office on Drugs and Crime. 01.02.2026. URL: https://www.unodc.org/coafg/en/Press-Release/unodc-report-finds-drug-use-in-afghanistan-is-shifting-toward-synthetic-drugs-and-the-misuse-of-pharmaceutical-drugs.html (accessed: 07.09.2026).

На таджикском языке:

98. Машваратҳо оид ба масъалаи Афғонистон дар қолаби кишварҳои аъзои СҲШ [Консультации по афганской проблематике в формате государств-членов ШОС] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон.

12.09.2025. URL: https://mfa.tj/tg/moscow/view/17535/mashvaratho-oid-ba-masalai-afgoniston-dar-qolabi-kishvarhoi-azoi-shsh (дата обращения: 20.12.2025).

Иные тематические заявления

На русском языке:

99. Бахтиер Хакимов: Контактная группа «ШОС-Афганистан» призвана стать инструментом содействия. // Афганистан.Ру. 16.12.2017. URL: https://afghanistan.ru/doc/117336.html (дата обращения: 16.01.2025).

100. Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на открытии седьмого заседания Московского формата консультаций по Афганистану, Москва, 7 октября 2025 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.10.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2052193/ (дата обращения: 03.01.2026).

101. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Сербии И. Дачичем, Сочи, 21 августа 2018 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 21.08.2018. URL: https://mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1575061/ (дата обращения: 05.03.2025).

102. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пленарной сессии на встрече в формате стран-соседей Афганистана (Россия, Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), Туньси, 31 марта 2022 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2022. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1807302/?lang=ru (дата обращения: 03.01.2026).

103. Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по положению в Афганистане // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 17.09.2025. URL:

https://russiaun.ru/ru/news/afghanistan_170925 (дата обращения: 17.01.2026).

104. Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999), 1989 (2011) и 2253 (2015) по «Исламскому государству Ирака и Леванта» (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам, группам, предприятиям и организациям, от 23 января 2024 года на имя Председателя Совета Безопасности // Организация Объединенных Наций. 29.01.2024. URL: https://docs.un.org/ru/S/2024/92 (дата обращения: 26.01.2026).

105. Совместное заявление по итогам второй неформальной встречи министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14.04.2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/uregulirovanie_v_afganistane/1863617/ (дата обращения: 26.12.2025).

106. Совместное заявление расширенной «тройки» по мирному урегулированию в Афганистане, Москва, 18 марта 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 18.03.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/af/1417839/ (дата обращения: 03.04.2025).

107. Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: https://mid.ru/upload/medialibrary/110/yx0kvmqbw56s1qxrnthnmesa51ok6r44/MFC%202024%20FINAL%20RUS.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

108. Спецпредставитель президента РФ по ШОС об Афганистане: должен быть консенсус // Российское агентство правовой и судебной информации. 09.07.2024. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20240709/310084542.html (дата обращения: 03.04.2025).

На английском языке:

109. Address to a Joint Session of Congress and the American People // George W Bush White House Archives. 20.09.2001. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html (accessed: 14.02.2023).

110. Albright M.K. Yes, There Is a Reason to Be in Somalia // The New York Times. 10.08.1993. URL: https://www.nytimes.com/1993/08/10/opinion/yes-there-is-a-reason-to-be-in-somalia.html (accessed: 06.04.2023).

111. Delhi Declaration on Afghanistan // Ministry of External Affairs, Government of India. 10.11.2021. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34491/Delhi_Declaration_on_Afghanistan (accessed: 26.03.2025).

112. President Bush Commends Military in Speech at Fort Stewart, Georgia // George W Bush White House Archives. 12.11.2003. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/09/20030912-3.html (accessed: 14.02.2023).

113. Remarks by the President on a New Strategy for Afghanistan and Pakistan [Electronic resource] // The White House [Official website]. 27.03.2009. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-a-new-strategy-afghanistan-and-pakistan/ (accessed: 06.04.2023).

114. The Fifteenth National Congress // International Department of Central Committee of CPC. 18.12.1997. URL: https://www.idcpc.org.cn/english2023/tjzl/cpcjj/PartyCongresses/202307/t20230727_157827.html (accessed: 20.12.2024).

115. Transcript of the Press Briefing by the Spokesperson on Thursday, 21 March 2024 // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 21.03.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/transcript-of-the-press-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-21-march-2024?mission=media-briefings (accessed: 26.01.2026).

На таджикском языке:

116.Суханронии Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ-Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар мулоқот бо фаъолон, намояндагони ҷомеа ва ходимони дини кишвар [Выступление Основателя мира и национального единства — Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона на встрече с активистами, представителями общественности и религиозными деятелями страны] // Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 23.03.2024. URL: https://mfa.tj/tg/ufa/view/14754/sukhanronii-asosguzori-sulhu-vahdati-milli-peshvoi-millat-prezidenti-jumhurii-tojikiston-muhtaram-emomali-rahmon-dar-muloqot-bo-faolon-namoyandagoni-jomea-va-khodimoni-dini-kishvar (дата обращения: 25.12.2025).

На персидском языке:

117.بیانیه ایران در نشست افغانستان در تهران [Заявление Ирана на встрече по Афганистану в Тегеране] // 15.12.2025 .شبکه اطلاع رسانی افغانستان. URL: https://www.afghanpaper.com/nbody.php?id=178518 (дата обращения: 17.01.2026).

118.بیانیه وزارت امور خارجه در خصوص شرایط افغانستان [Заявление Министерства иностранных дел о ситуации в Афганистане] // وزارت امور خارجه جمهوری 10.01.2024 .اسلامی ایران. URL: https://mfa.gov.ir/portal/newsview/738058/-بیانیه-وزارت-امور-خارجه-در-خصوص-شرایط-افغانستان (дата обращения: 17.01.2026).

119.برگزاری نشست منطقه‌ای در تهران با حضور کشورهای همسایه افغانستان [Проведение региональной встречи в Тегеране с участием стран-соседей Афганистана] // 11.12.2025 .وزارت امور خارجه جمهوری اسلامی ایران. URL: https://mfa.ir/portal/newsview/779757/-برگزاری-نشست-منطقه-ای-در-تهران-با-حضور-کشورهای-همسایه-افغانستان.html (дата обращения: 17.01.2026).

120. مزایای عضویت رسمی جمهوری اسلامی ایران در سازمان همکاری شانگهای، در تاریخ ماندگار خواهد شد/ رویکرد «همسایگی و همگرایی» را مبنای سیاست خارجی خود قرار داده‌ایم/ شکل‌دهی به نظم عادلانه بین‌المللی نیازمند حذف دلار به عنوان ابزار سلطه غرب است/ اهانت برخی کشورها به ارزش‌های ملت‌ها بیانگر سقوط اخلاقی آنها و موجب گسترش نفرت‌پراکنی است/ رژیم صهیونیستی نماد عینی تجاوز به حق حاکمیت ملت‌هاست [Привилегия официального членства

Исламской Республики Иран в Шанхайской организации сотрудничества войдёт в историю / Мы строим свою внешнюю политику, опираясь на подход «соседство и конвергенция» / Формирование справедливого международного порядка требует устранения доллара как инструмента западного господства / Оскорбления некоторыми странами национальных ценностей отражают их моральный упадок и ведут к распространению ненависти / Сионистский режим является наглядным символом посягательства на суверенитет наций] // پایگاه اطلاع رسانی ریاست جمهوری اسلامی ایران. URL: https://president.ir/fa/145187 (дата обращения: 26.01.2026). 04.07.2023.

121. موازنه‌گری ایران در رابطه با طالبان/ چرا تهران رویکردی محتاطانه در پیش گرفته‌است [Балансирование Ирана по вопросу признания талибов / Почему Тегеран занимает осторожную позицию] // ایرنا. URL https://www.irna.ir/news/85919079/موازنه-گری-ایران-در-رابطه-با-طالبان-چرا-تهران-رویکردی-محتاطانه (дата обращения: 17.01.2026). 21.08.2025.

Статистические источники

122. Afghanistan Exports to Kazakhstan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/afghanistan/exports/kazakhstan (accessed: 11.12.2025).

123. Afghanistan Exports to Tajikistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/afghanistan/exports/tajikistan (accessed: 11.12.2025).

124. Afghanistan Exports to Uzbekistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/afghanistan/exports/uzbekistan (accessed: 11.12.2025).

125. Kazakhstan Exports to Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/kazakhstan/exports/afghanistan (accessed: 11.12.2025).

126. Kyrgyzstan Exports to Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/kyrgyzstan/exports/afghanistan (accessed:

11.12.2025).

127. Kyrgyzstan Imports from Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/kyrgyzstan/imports/afghanistan (accessed: 11.12.2025).

128. Tajikistan Exports to Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/tajikistan/exports/afghanistan (accessed: 11.12.2025).

129. Uzbekistan Exports to Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/uzbekistan/exports/afghanistan (accessed: 11.12.2025).

130. Uzbekistan Imports from Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/uzbekistan/imports/afghanistan (accessed: 11.12.2025).

Литература

Монографии

На русском языке:

131. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. — Алма-Ата: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Республики Казахстан, 1998. — 280 с.

132. Акимбеков С.М. История Афганистана. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — 848 с.

133. Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2017. — 336 с.

134. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.

135. Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. — Москва: Институт

востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2012. — 197 [1] с.

136. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. Сборник документов и материалов. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек: Илим, 2001. — 168 с.
137. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А.А. Байков; отв. ред. А.Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 256 с.
138. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2013. — 176 с.
139. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2014. — 216 с.
140. Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Под ред. И.В. Болговой. — М.: НОФМО, 2010. — 104 с.
141. Босин Ю.В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М.: Издательство «Гуманитарий» Академия гуманитарных исследований, 2002. — 232 с.
142. Быков А.И. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС: основные направления и перспективы развития: монография. — Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 232 с.
143. Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). — Москва: Проспект, 2014. — 192 с.
144. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Перевод с немецкого и вступительная статья А. Ф. Филиппова; редактор А. А. Рындин. — М.: Рипол-классик, 2018. — 292 с.
145. Веблен Т. Теория праздного класса. Пер. с англ. — М.: Прогресс. 1984. — 336 с.

146. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. — М.: Муравей, 2004. — 604 с.
147. Галенович Ю.М. Россия — Китай: шесть договоров. — М.: Муравей, 2003. — 408 с.
148. Ганковский Ю.В. Держава Дуррани. Очерки административной и военной системы. — Москва: Издательство восточной литературы, 1958. — 173 с.
149. Ганковский Ю.В. История вооруженных сил Афганистана, 1747-1977 / [Ю. В. Ганковский, А. И. Полищук, М. Ф. Слинкин; Отв. ред. Ю. В. Ганковский. — М.: Наука, 1985. — 206 с.
150. Глобальные дисбалансы человеческого развития: монография / Под ред. Е.Я. Араповой, В.В. Павлова. — М.: Аспект Пресс, 2024. — 531 с.
151. Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. Пер. с яп. М.Г. Горфункель. — М: АСТ: Восток — Запад, 2006. — 336 с.
152. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — М.: МГИМО-Университет, 2008. — 382 с.
153. Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — 640 с.
154. Князев А.А. История Афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. — 136 с.
155. Китай: риски, угрозы и вызовы развитию // Под ред. В.В. Михеева. — М.: Московский Центр Карнеги, 2005. — 647 с.
156. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. — М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения), 2004. — 528 с.
157. Кушкумбаев С.К. Казахстан и Центральная Азия между вызовами из прошлого и грядущего. Сборник статей, выступлений и интервью. — Астана: КИСИ при Президенте РК, 2022. — 372 с.
158. Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и

конфликтах. — М.: АСТ; Астрель, 2003. — 778 с.

159. Лалетин Ю.П. Политсистема Афганистана как идеальный тип: воздействие племён. — Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. — 105 с.
160. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в эпоху трансформации. — Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. — 464 с.
161. Мураталиева З.Т. Россия и Китай в Центральной Азии и фактор ШОС. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — 152 с.
162. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. — М.: Навона, 2009. — 200 с.
163. Норт Д. Институты, институциональные измерения и функционирование экономики. — М. Фонд экономической книги, 1997. — 180 с.
164. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2021. — 680 с.
165. Рейснер И.М. Независимый Афганистан. — Москва: [Московский ин-т востоковедения им. Н. Н. Нариманова при ЦИК СССР], 1928 (книжная фабрика Центр. изд-ва народов СССР). — 221 с.
166. Рубин Б. Афганистан. Что о нем нужно знать каждому / Б. Рубин, Д. Мэнсфилд, Н. Бижан, А. Джустоцци [пер. с англ. М. Тарасов]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 391 с.
167. Саженов Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 — начало 2020 г.) / Отв. ред. Р. Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2020. — 220 с.
168. Сушенцов А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000- х годов. Отв. ред. Богатуров А.Д. — М.: Издательство МГИМО-Университета, 2013. — 249 с.
169. Сыроежкин К.Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений: монография. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014. — 432 с.

170. Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. — Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте РК, 2006. — 299 с.

171. Сыроежкин К.Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана: монография. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — 336 с.

172. Умаров А.А. Фактор Афганистана в региональной безопасности Центральной Азии в начале XXI века: Монография. — Ташкент: УМЭД, 2017. — 320 с.

173. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В. В. Сапова и др. — М.: Праксис, 2004. — xxiv, 576 с.

174. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). — М.: Институт США и Канады РАН, 2002. — 445 с.

175. ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. Под ред. А.А. Князева, А.А. Мигранян. — Б.: 2009. — 229 с.

176. Этнические процессы в современном мире / [Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, С.А. Арутюнов и др.]; Отв. ред. Ю.В. Бромлей, АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1987. — 446 с.

На английском языке:

177. Aris S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation (Critical Studies of the Asia-Pacific). — Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. — 215 p. DOI: 10.1057/9780230307643.

178. Buzan B., Waever O., De Wilde J. Security — A New Framework for Analysis. — Lynne Rienner Publishers, 1998. — 247 p.

179. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 588 p.

180. Cohen A. The Dragon Looks West: China and the Shanghai Cooperation

Organization // Heritage Lectures. — 2006. — No. 961. — 13 p.

181. Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed. by Amitav Acharya and Alastair lain Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — 318 p.

182. Fairclough N. Discourse and Social Change. — Cambridge: Polity Press, 1992. — 259 p.

183. Gerring J. Case Study Research: Principles and Practices. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 265 p.

184. Goodson L. Afghanistan's Endless War: State Failure, Regional Politics, and the Rise of the Taliban. — University of Washington Press, 2001. — 279 p.

185. Guelke A. Terrorism and Global Disorder: Political Violence in the Contemporary World. — I.B. Tauris & Co Ltd, 2006. — 284 p.

186. Harpviken K.H. Afghanistan in a Neighborhood Perspective. — Peace Research Institute Oslo, 2009. — 28 p.

187. Harpviken K.B., Tadjbakhsh S. A Rock Between Hard Places: Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity. — Oxford University Press, 2016. — 224 p.

188. Katzenstein P.J. Asian Regionalism. — East Asia Program, Cornell University, 2000. — 169 p.

189. Keane C. US Nation-Building in Afghanistan. — Routledge, 2016. — 247 p.

190. Kepel G. Jihad: The Trail of Political Islam. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. — 464 p.

191. Mihr A., Sorbello P., Weiffen B. Securitization and Democracy in Eurasia: Transformation and Development in the OSCE Region. — Springer Cham, 2022. — 411 p.

192. Obydenkova A.V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 318 p. DOI: 10.1093/oso/9780198839040.001.0001.

193. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of

Groups. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. — 198 p.

194. Ramo J.C. The Beijing Consensus. — London: The Foreign Policy Centre, 2004. — 74 p.

195. Sharan T. Inside Afghanistan: Political Networks, Informal Order, and State Disruption. — Routledge, 2022. — 352 p.

196. Söderbaum F. Rethinking Regionalism. — Basingstoke: Palgrave, 2016. — 272 p.

197. The Rational Design of International Institutions. Ed: B. Koremenos, C. Lipson, D. Snidal. — Cambridge University Press, 2009. — 343 p.

198. The Taliban Reader: War, Islam and Politics. Ed.: A. Strick Van Linschoten, F. Kuehn. — C. Hurst & Company (Publishers) Limited, 2018. — 558 p.

199. Tousley S.W. Afghan Sources of the Tajikistan Civil War. — Fort Leavenworth, Kansas, 1995. — 130 p.

200. Vogel E.F. Deng Xiaoping and the transformation of China. — Belknap Press of Harvard University Press, 2011. — 928 p.

201. Wæver O. Securitization and Desecuritization. Ed.: R.D. Lipschutz. — New York: Columbia University Press, 1995. — 31 p.

202. Woodward B. Bush at War. — Simon & Schuster, 2002. — 432 p.

203. Woodward B. Obama's Wars. — Simon & Schuster, 2010. — 441 p.

204. Woodward S. The Ideology of Failed States: Why Intervention Fails. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — 324 p.

205. Young O.R. International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994. — 240 p.

206. Zhang C. Historical Changes in Relations Between China and Neighboring Countries (1949-2012). — Institute for Security and Development Policy, 2013. — 44 p.

На таджикском языке:

207. Сарвари давлат, Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон дар бораи масъалаҳои мубрам ва ибтикороти сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Мураттиб-муаллифи пешгуфтор Зафар Шералӣ Сайидзода [Глава

государства, лидер нации Эмомали Рахмон о насущных проблемах и внешнеполитических инициативах Республики Таджикистан. Составитель и автор предисловия — Зафар Шерали Сайидзода]. — Душанбе: ҶДММ «Контраст», 2019. — 366 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

208. Баранов А.Ю. Шанхайская организация сотрудничества и политика США в Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. — М.: Институт США и Канады РАН, 2010. — 196 с.

209. Варис М. «Зона племён» в социально-политическом развитии Афганистана (1880-1980 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. — М.: МГИМО (У) МИД России, 1995. — 330 с.

210. Князев А.А. Влияние афганского кризиса на безопасность Центральной Азии: 1990-е — начало 2000-х гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. — Бишкек: КРСУ, 2004. — 327 с.

211. Коргун В.Г. Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана, 1919-1999 гг. : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. — Москва, 2000. — 277 с.

212. Мирзоева А.Р. Кризис в Афганистане в контексте региональной безопасности на постсоветском пространстве (1991-2024 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.7. — М. : РУДН им. Патриса Лумумбы, 2026. — 245 с.

213. Никитина Ю.А. Эволюция механизмов и международно-политических стратегий ОДКБ и ШОС: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. — М.: МГИМО (У) МИД России, 2008. — 210 с.

Научные статьи и главы в книгах и сборниках

На русском языке:

214. Агрономов В.В. Афганистан и ШОС // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (к 10-летию образования ШОС). — Москва: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2011. — С. 17-30.

215. Арипов Э.Т. Афганистан: время для диалога // Россия в глобальной политике. — 2024. — № 6 (22). — С. 169-176.

216. Арунова М.Р. Афганская проблема и соседние мусульманские страны // Россия и мусульманский мир. — 2014. — № 10. — С. 119-139.

217. Барков А.В. Шанхайская организация сотрудничества // Московский журнал международного права. — 2003. — № 3. — С. 256-264.

218. Баталов Э.Я. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. — 2016. — № 1 (14). — С. 6-25.

219. Белокреницкий В.Я. Пакистан и афганский кризис // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — № 3 (60). — С. 83-91.

220. Бурнашев Р.Р., Черных И.А. Региональный конфликт: сценарий для Центральной Азии // Казахстан-Спектр. — 2013. — № 1. — С. 76-100.

221. Ван Л. О роли идейной традиции добрососедства во внешней политике современного Китая // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2005. — №2. — С. 57-71.

222. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Эволюция Аль-Каиды: между региональными конфликтами и глобалистской перспективой. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2022. — №1. — С. 141-151.

223. Васильев Л.Е. Перспективы решения проблем безопасности Евразии в свете расширения ШОС // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия. Ред.-сост. Л.Е. Васильев. — М.: ИДВ РАН, 2020. — С. 36-57.

224. Васильев Л.Е. Сотрудничество Китая, России и других государств — участников ШОС в борьбе с терроризмом в восточной части Евразии // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия. Ред.-сост. Л.Е. Васильев. — М.: ИДВ РАН, 2020. — С. 127-150.

225. Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. — 2017. — №2. — С. 37-57.

226. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — С. 30-58.

227. Гаман-Голутвина О.В. Мозаика страноведческих исследований: казусно-ориентированный подход // Сравнительная политика. — 2025. — № 1 (16). — С. 4-24. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-16-1.

228. Гарбузарова Е.Г. Роль ШОС в процессе нейтрализации региональных вызовов и угроз // Проблемы постсоветского пространства. — 2021. — № 8 (4). — С. 425-436.

229. Гулам Н. Афганский вопрос на площадке ШОС: между декларативной и реальной политикой // Международные процессы. — 2025. — Т. 23, № 4 (83). — С. 129-147. DOI: 10.46272/IT.2025.23.4.83.2.

230. Гулам Н.Я. Реализация проекта газопровода ТАПИ (2021 — 2024): вызовы и возможности для Афганистана // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран / отв. ред. и сост. Н.Н. Цветкова; Институт востоковедения РАН. — Ежегодник. Выпуск 5. М.: ИВ РАН. — 2024. — С. 152-167.

231. Гулам Н.Я. Сравнительный регионализм в изучении деятельности ШОС: возможности применения // Международная аналитика. — 2026. — № 1 (17). — С. 30-50. DOI: 10.46272/2587-8476-2026-17-1-30-50.

232. Гулам Н.Я. Цели, проблемы и перспективы участия Афганистана в СААРК // Международный аспект. — 2021. — № 2 (2). — С. 55-68.

233. Давыдов А.С. Активизация взаимодействия ШОС с государствами-наблюдателями и иными структурами в интересах стабилизации обстановки в Афганистане // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. — М.: ИДВ РАН, 2016. — С. 57-68.

234. Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. —

№ 3 (48). — С. 112-122.

235. Ерофеев Д.Р., Погодин С.Н., Фролова А.П. К истории сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Россия в глобальном мире. — 2017. — № 11 (34). — С. 164-174.

236. Зимонин В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. — М.: ИДВ РАН, 2008. — С. 198-202.

237. Истомин И.А., Левченко А.В. Меняющаяся роль военно-политических альянсов после холодной войны // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. — 2024. — №16 (1). — С. 51-92.

238. Карами Дж. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2023. — № 3 (23). — С. 547-561. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-547-561.

239. Карпачёва О.В. История движения Талибан в системе международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2003. — № 1 (3). — С. 93-102.

240. Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан: история, экономика, культура. — М.: Наука, 1989. — С. 37-57.

241. Каукенов А.С. Внутренние противоречия Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. — 2013. — № 2. — С. 7-18.

242. Каукенов А.С. Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 3. — С. 73-89.

243. Князев А.А. Американский тупик в Афганистане, ШОС и значение стран наблюдателей: поиск новых парадигм // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и

стран-соседей. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, 2009. — С. 130-138.

244. Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. — 2023. — № 3 (6). — С. 266-280.

245. Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 16 (2). — С. 98-117. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117.

246. Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей // Постсоветские исследования. — 2023. — №4(6). — С. 426-436.

247. Князев А.А. Интеграционные процессы в Центральной Азии: без России? // Мировая экономика и международные отношения. — 2026. — № 4 (70). — С. 99-109. DOI: 10.20542/0131-2227-2026-70-4-99-109.

248. Князев А.А. Талибы возвращаются // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. — 2009. — Т. 7. № 1 (19). — С. 134-140.

249. Кокарев К.А. К вопросу о политике ШОС в сфере безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: материалы Третьего заседания Форума ШОС (Китай, г. Пекин, 19-21 мая 2008 года). — М., 2008. — С. 95-98.

250. Колдунова Е.В. Региональные трансформации в Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // Сравнительная политика. — 2019. — № 4 (10). — С. 52-64.

251. Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. — 2013. — № 2. — С. 60-69.

252. Кольтюков А.А. Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. — М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. — С. 257-258.

253. Конаровский М.А. Афганистан в политических оценках и практической деятельности ШОС // Проблемы национальной стратегии. — 2013. — № 2 (17). — С. 7-21.

254. Конаровский М.А. Расширение ШОС: возможности и проблемы // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. — 2015. — № 1 (11). — С. 105-118.

255. Конаровский М.А. Россия-ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. — 2016. — № 4. — С. 149-161.

256. Коргун В.Г. Афганский конфликт и Центральная Азия // Россия и мусульманский мир. — 2012. — № 6. — С. 106-114.

257. Коргун В.Г. Ислам и государственная власть в Афганистане // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). — М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. — С. 173-179.

258. Кузнецов Д.А. Возможности формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма // Мировая политика. — 2019. — № 1. — С. 1-13.

259. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. — 2016. — № 7(2(23)). — С. 14-25.

260. Лалетин Ю.П. Афгано-пакистанские отношения и джирга мира // Азия и Африка сегодня. — 2008. — № 5. — С. 60-64.

261. Лалетин Ю.П. Политическая система Афганистана: воздействие племенной организации / Ю. П. Лалетин. // Россия и мусульманский мир. — 2008. — № 2. — С. 124-142.

262. Лалетин Ю.П. Ситуация в Афганистане и ее воздействие на южный фланг СНГ // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Возможности и вызовы для России. Под ред. М.М. Наринского, А.В.

Мальгина. — МГИМО (У) МИД России; ИНО-Центр. — М.: Логос, 2003. — С. 246-300.

263. Лалетин Ю.П. Трансафганский газопровод как фактор интеграции Афганистана в Большую Восточную Азию // Сравнительная политика. — 2010. — № 1. — С. 144-165.

264. Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — № 2 (20). — С. 261-278.

265. Лаумулин М. Безопасность Центральной Азии в контексте ситуации в Афганистане после 2014 года // Центральная Азия и Кавказ. — 2013. — № 3 (16). — С. 7-23.

266. Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Трансрегионализм — новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 5. — С. 71-84.

267. Лузянин С.Г. ШОС: проблемы развития (методология, экономика, безопасность) // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. — М.: ИДВ РАН, 2012. — С. 15-22.

268. Лукин А.В., Мочульский А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки НКСМИ. — 2005. — № 2 (4). — С. 3-28.

269. Лукин А.Н. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? // Россия в глобальной политике. — 2007. — № 3 (5). — С. 78-93.

270. Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества и российские интересы в Центральной Азии и Афганистане. Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — №5 (20). — С. 37-47. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-5-20-37-47.

271. Лунев С.И. Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия-Индия-Китай // Сравнительная политика. — 2020. — № 2. — С. 76-88. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021.

272. Лу С. Советско-китайские пограничные переговоры (1964-2004 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2018. — № 3 (18). — С. 33-39. DOI: 10.14529/ssh180305.

273. Лян Ч. Китайская дипломатия в Центральной Азии в 1990-е годы. // Социально-политические науки. — 2017. — № 1. — С. 17-21.

274. Мамедова Н.М. Иранские интересы в Афганистане и основные параметры ирано-афганских отношений // Современный Афганистан и сопредельные страны. Сборник статей. — М., 2011. — С. 71-91.

275. Махмудов Р.Б. Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. — 2023. — № 2 (8). — С. 80-93.

276. Махмудов Р.Б. Возвращение Талибана к власти как как фактор трансформации угроз и вызовов для региональной безопасности // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — № 2 (69). — С. 65-75.

277. Мачитидзе Г.Г. Роль Афганистана в международной стратегии России // Перспективы. — 2014. — № 2. — С. 36-40.

278. Мачитидзе Г.Г. Современная афганская политика Китая: сдержанный прагматизм. Восток (Oriens). — 2025. — № 1. — С. 147-156. DOI: 10.31696/S086919080033632-2.

279. Меркулова И. Строительство трансафганского газопровода поможет США закрепиться в регионе // Нефть и капитал. — 2002. — № 12. — С. 60-64.

280. Москаленко В.Н. Проблемы безопасности: ШОС и Пакистан // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. — М.: ИДВ РАН, 2008. — С. 351-368.

281. Мочульский А.Ф. Экономическое сотрудничество в ШОС: слова и дела // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 4 (19). — С. 49-53. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-4-19-49-53.

282. Мочульский А.Ф. БРИКС, РИК и ШОС в процессе кристаллизации многополярности в современных международных отношениях // Ежегодник ИМИ — 2012. — Москва: МГИМО-Университет, 2012. — С. 60-67.

283. Надточей И.В. Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности // Пути к миру и безопасности. —2014. — № 2 (47). — С. 28-54.

284. Нессар М.О. Афгано-пакистанские отношения на современном этапе // Международная жизнь. — 2025. — № 7. — С. 46-55.

285. Нессар М.О. Афганский фактор в политике стран Центральной Азии. Трансформация восприятия // Обозреватель-Observer. — 2025. — № 4. — С. 40-50. DOI: 10.48137/2074-2975_2025_4_40.

286. Нессар М.О., Комлева В.В. Афганская модель децентрализованных сетевых структур. Взгляд на динамику политических порядков в Афганистане // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. — 2022. — №2 (385). — С. 46-67. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_02_50.

287. Никитенко В.И. Евразийские векторы сотрудничества стран — участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и региональной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2018. — № 1. — С. 25-34.

288. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. — 2011. — № 2 (97). Т. 17. — С. 45-53.

289. Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 6 (15). — С. 134-140.

290. Норик Б.В. Афганские мигранты в Иране: угроза внутренней безопасности или будущая прокси-сила? // Социальные новации и социальные науки. — 2023. — № 1. — С. 122-138. DOI:

https://doi.org/10.31249/snsn/2023.01.09

291. Паничкин Ю.Н. Образование и распад первого афганского государства «Империи Дуррани» // Успехи современного естествознания. — 2013. — № 5. — С. 27-29.

292. Парамонов В.В., Столповский В.В., Строков О.А. Роль и место ШОС и Афганистана в политике России и Китая в Центральной Азии. // Князев А.А. (ред.) Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии: Материалы междунар. конф. — Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, 2008. — С. 68-88.

293. Притчин С.А. “Большая игра 2.0” в Центральной Азии на современном этапе. // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — № 6 (66). — С. 112-123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.

294. Притчин С.А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — № 4 (20). — С. 781-790. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-781-790.

295. Притчин С.А. Центральноазиатская интеграция: ограничители и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — № 3 (69). — С. 63-73. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-63-73.

296. Прохоренко И.Л. Новый регионализм и трансформация международного порядка // Пути к миру и безопасности. — 2015. — № 2. — С. 20-28.

297. Рауф С. Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2024. — № 2 (24). — С. 252-263. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263.

298. Рахимов К.Х. Вклад государств-членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО // Постсоветские исследования. — 2022. — № 4 (5). — С. 367-385.

299. Саженов Н.Д. О деятельности Узбекистана по урегулированию афганского конфликта (2017-2019 гг.) // Уральское востоковедение. — 2020. — № 10. — С. 14-26.

300. Саженов Н.Д. Потенциал сепаратизма в современном Афганистане // Труды Института Востоковедения РАН. — 2019. — № 26. — С. 346-353.

301. Сафонов М.В. Современные подходы к изучению международных институтов // Полис. Политические исследования. — 2003. — № 3. — С. 58-66.

302. Сафранчук И.А. Альтернативные варианты американской политики в Афганистане // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — № 2 (61). — С. 5-12. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-5-12.

303. Сафранчук И.А. Афганская проблема в региональном контексте // Россия в глобальной политике. — 2009. — № 3 (7). — С. 141-149.

304. Сафранчук И.А. Проблемы ШОС на стыке трендов глобализации и регионализации // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. — 2016. — №3-4 (48-49). — С. 54-61.

305. Сафранчук И.А. ШОС в системе региональных организаций в Евразии // Международная аналитика. — 2015. — № 2. — С. 92-94. DOI: 10.46272/2587-8476-2015-0-2-92-94.

306. Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. — 2001. — № 3. — С. 103-112.

307. Столповский О.А. Государства Центральной Азии в контексте военной операции в Афганистане // Афганистан и безопасность Центральной Азии, Вып. 4. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — С. 63-70.

308. Фененко А.В. Проблематика «АфПак» в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2013. — № 2. — С. 23-48.

309. Хайюнь В. Укрепление сотрудничества в сфере безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: материалы Третьего заседания Форума ШОС

(Китай, г. Пекин, 19-21 мая 2008 года). — М., 2008. — С. 91-95.

310. Хонрада Г.Д., Бокерия С.А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2023. — № 2 (23). — С. 253-264.

311. Чернявский С.И. Россия и Центральная Азия — проблемы двустороннего сотрудничества // Россия и Центральная Азия: новые перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и государствами Центральной Азии. — 2018. — С. 109-132.

312. Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. — 2011. — № 2 (9). — С. 29-39.

313. Ши В. ШОС и Инициатива “Пояс и Путь” — перспектива двойной страховки для Афганистана // Мировая экономика и международные отношения. — 2023. — № 9 (67). — С. 90-98. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-90-98.

314. Эргашев Б.И. Внешняя политика Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период: этапы, принципы, основные направления и результаты // Русская политология. — 2021. — № 3 (20). — С. 34-41.

315. Эргашев Б. К вопросу о роли Узбекистана в афганском урегулировании // Афганистан и безопасность Центральной Азии, Вып. 4. Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2010. — С. 71-76.

316. Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2017. — № 3 (17). — С. 469-482.

317. Ярлыкапов А.А. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России // Сравнительная политика. — 2013. — №3 (13). — С.

133-152.

На английском языке:

318. Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. — 2012. — Vol. 47. No. 1. — P. 3-15.

319. Acharya A., Johnston A.I. Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 1-31.

320. Acharya A., Johnston A.I. Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 244-278.

321. Acharya A. Regionalism Beyond EU-Centrism // The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Ed.: T.A. Börzel, T. Risse. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P. 109-130.

322. Ahmad I. Shanghai Cooperation Organization: China, Russia, and Regionalism in Central Asia. // Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective. Ed.: H. Loewen, A. Zorob. — United Nations University Series on Regionalism. — 2018. — Vol. 14. — Springer, Dordrecht. — P. 119-135.

323. Alimov R. The Shanghai Cooperation Organisation and the Development of Eurasia // The “Roads” and “Belts” of Eurasia. Ed.: A. Lukin. — Palgrave Macmillan, Singapore, 2020. — P. 261-301.

324. Amable D.S. Theorizing the Emergence of Security Regions: An Adaptation for the Regional Security Complex Theory // Global Studies Quarterly. — 2022. — No. 2. — P. 1-10. DOI: 10.1093/isagsq/ksac065.

325. Aman S., Aman S. Understanding ‘Failed States’ and ‘State Failure’: Discourses and Limitations // Pakistan Horizon. — 2015. — Vol. 68. No. 2. —

P. 95-118.

326. Anadi A. New Regionalism and Norm Creation: A Case of Shanghai Cooperation Organization // Journal of Strategic Security. — 2024. — Vol. 17. No. 1. — P. 100-111. DOI: 10.5038/1944-0472.17.1.2184.

327. Aris S. A new model of Asian regionalism: does the Shanghai Cooperation Organisation have more potential than ASEAN? // Cambridge Review of International Affairs. — 2009. — Vol. 22. No. 3. — P. 451-467. DOI: 10.1080/09557570903104040.

328. Barnett M., Solingen E. Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League // Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective. Ed.: A. Acharya, A.I. Johnston. — N. Y.: Cambridge University Press, 2007. — P. 180-220.

329. Bøås M., Jennings K. Insecurity and Development: The Rhetoric of the 'Failed State' // The European Journal of Development Research. — 2005. — Vol. 17. No. 3. — P. 385-395. DOI: 10.1080/09578810500209148.

330. Brummer M. The Shanghai Cooperation Organization and Iran: A Power-Full Union // Journal of International Affairs. — 2007. —Vol. 60. No. 2. — P. 185-198.

331. Chung C. The "Good Neighbour Policy" in the context of China's foreign relations // China: An International Journal. — 2009. — Vol. 7. No. 1. — P. 107-123.

332. De Lombaerde P., Van Langenhove L., Baert F. The problem of comparison in comparative regionalism // Review of International Studies. — 2010. — Vol. 36. No. 3. — P. 731-753.

333. Elzinga S. The Central Asian Regional Security Complex Revisited: Understanding the Implications of the US Retreat from Afghanistan // International Relations and Diplomacy. — 2021. — Vol. 9. No. 11. — P. 447-479. DOI: 10.17265/2328-2134/2021.11.00.

334. Fredholm M. Too Many Plans for War, Too Few Common Values: Another Chapter in the History of the Great Game or the Guarantor of Central Asian

Security? // The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges. Ed.: M. Fredholm. — Copenhagen: NIAS Press, 2013. — P. 3-19.

335. Hashi M.O. The Failed-State Paradigm and Implications for Politics and Practices of International Security // Bildhaan: An International Journal of Somali Studies. — 2015. — Vol. 14. No. 1. — P. 78-94.

336. Helms M.M. Exploring SWOT analysis — where are we now? A review of academic research from the last decade // Journal of Strategy and Management. — 2010. — Vol. 3. No. 3. — P. 215-251. DOI:10.1108/17554251011064837.

337. Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. — 1998. — Vol. 17. No. 3. — P. 6-21.

338. Hettne B. The New Regionalism Revisited // Theories of New Regionalism. Ed.: F. Söderbaum, T.M. Shaw. — London: Palgrave Macmillan, 2003. — P. 22-42.

339. Hettne B. Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Regionalisms in the Global Political Economy: Theories and Cases. Ed.: Shaun Breslin et al. — London: Routledge, 2002. — P. 33-47.

340. Katzenstein P.J. Regionalism and Asia // New Political Economy. — 2000. — Vol. 5, No. 3. — P. 353-368. DOI: 10.1080/713687777.

341. Katzenstein P.J. Regionalism in Comparative perspective // Cooperation and Conflict. — 1996. — Vol. 31. No. 2. — P. 123-159.

342. Keohane R. International Institutions: Can Interdependence Work? // Foreign Policy. — 1998. — No. 110. — P. 82-96. DOI: 10.2307/1149278.

343. Keohane R. Neoliberal institutionalism: A perspective on world politics // International Institutions and State Power: Essays in International Relations. Ed.: R.O. Keohane. — New York: Routledge, 1989. — P. 1-20.

344. Koolaee E., Tishehyar M. New Regionalism in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) // International Studies Journal (ISJ). — 2014. — Vol. 11 No. 1. — P. 97-119.

345. Koremenos B., Lipson C., Snidal D. The Rational Design of International

Institutions // International Organization. — 2001. — Vol. 55. No. 4. — P. 761-799.

346. Koremenos B., Lipson C., Snidal D. The Rational Design of International Institutions // The Rational Design of International Institutions. Ed: B. Koremenos, C. Lipson, D. Snidal. — Cambridge University Press, 2009. — P. 1-39.

347. Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. — 1990. — Vol. 70. No. 1. — P. 23-33.

348. Krauthammer C. The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. — 2002. — Vol. 70. No. 5. — P. 5-18.

349. Kushkumbayev S., Kushkumbayeva A. Water and energy issues in the context of international and political disputes in Central Asia // Chinese Journal of International Law. — 2013. — Vol. 12. No. 2. — P. 211-218.

350. Li X., Qiao J. County Level Economic Disparities of China in the 1990s // Acta Geographica Sinica. — 2001. — Vol. 56. No. 2. — P. 136-145. DOI: 10.11821/xb200102002.

351. Mazarr M.J. The Rise and Fall of the Failed-State Paradigm // Foreign Affairs. — 2014. — Vol. 93. No. 1. — P. 113-121.

352. Mearsheimer J. The false promise of international institutions // International Security. — 1994/1995. — Vol. 19. No. 3. — P. 5-49.

353. Misra A. Rajamandala Theory and India's International Relations // Nação e Defesa. — 2016. — No. 142. — P. 10-27.

354. Murtazashvili J.B. Afghanistan: A Vicious Cycle of State Failure // Governance. — 2016. — Vol. 29. No. 2. — P. 163-166.

355. Newman E. Failed States and International Order: Constructing a Post-Westphalian World // Contemporary Security Policy. — 2009. — Vol. 30. No. 3. — P. 421-443. DOI: 10.1080/13523260903326479.

356. Norling N., Swanström N. The Shanghai Cooperation Organization, Trade, and the Roles of Iran, India and Pakistan // Central Asian Survey. — 2007. — No. 26. — P. 429-444. DOI: 10.1080/02634930701702779.

357. Plastun V. Central Asia in Search of Stability // Central Asia and the Caucasus. — 2008. — Vol. 50. No. 2. — P. 43-51.

358. Shahrani N.M. War, Factionalism, and the State in Afghanistan // American Anthropologist. — 2002. — Vol. 104. No. 3. — P. 715-722.

359. Sunawar L. Regional Security Complex Theory: A Case Study of Afghanistan-Testing the Alliance // Journal of Security and Strategic Analyses. — 2018. — Vol. 4. No. 2. — P. 53-78.

360. Troitskiy E.F. Central Asian Regional Security Complex: The Impact of Russian and US Policies // Global Society. — 2015. — Vol. 29. No. 1. — P. 2-22. DOI: 10.1080/13600826.2014.961125.

361. Umarov A. Central Asia: construction of the new regional security complex? // The Journal of Cross-Regional Dialogues / La Revue de dialogues inter-régionaux. — 2020. — Special Issue. — P. 69-82.

362. Umarov A. The “Afghan factor” in Uzbekistan's foreign policy: Evolution and the contemporary situation // Asian Affairs. — 2021. — Vol. 52. No. 3. — P. 536-553.

363. Wan M. The Shanghai Cooperation Organization: The Security-Economics Nexus // Linking Trade and Security: Evolving Institutions and Strategies in Asia, Europe, and the United States. Ed.: V. Aggarwal, K. Govella. — New York: Springer, 2013. — P. 111-133. DOI: 10.1007/978-1-4614-4765-8_6.

364. Wendt A. Driving with the Rearview Mirror: On the Rational Science of Institutional Design // The Rational Design of International Institutions. Ed.: B. Koremenos, C. Lipson, D. Snidal. — Cambridge University Press, 2009. — P. 259-289.

365. Zuenko I.Yu. China’s Activity in Central Asia in Light of Russian Interests // Russia in Global Affairs. — 2025. — Vol. 23. No. 2. — P. 146-164. DOI: 10.31278/1810-6374-2025-23-2-146-164.

366. Zhuangzhi S. New and Old Regionalism: The Shanghai Cooperation Organization and Sino-Central Asian Relations. // The Review of International Affairs. — 2004. — Vol. 3. No. 4. — P. 600-612. DOI:

10.1080/1475355042000241548.

На французском языке:

367. Karami J. L'Iran et l'Organisation de coopération de Shanghai. Capacités, obstacles et perspectives d'avenir [Иран и Шанхайская организация сотрудничества: возможности, препятствия и перспективы на будущее] // L'Organisation de coopération de Shanghai et la construction de la «nouvelle Asie» [Шанхайская организация сотрудничества и построение «новой Азии»]. Ed.: P. Chabal. — Zurich: Peter Lang International Academic Publication, 2015. — С. 293-308.

Материалы аналитических центров

На русском языке:

368. Акмалов Ш. О некоторых аспектах внешней политики Ирана в отношении Афганистана // Московский Центр Карнеги. 11.04.2014. URL: https://carnegie.ru/2014/04/11/ru-pub-55327 (дата обращения: 22.12.2025).
369. Бородачёв Т.В. Международные институты и вызов «Первой пандемической войны» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 06.05.2020. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mezhdunarodnye-instituty-i-vyzov/ (дата обращения: 25.03.2025).
370. Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индийская модель содействия развитию: лучшие практики и ограничения // Отв. редакторы Ю.А. Никитина, Е.А. Сергеев; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований. — Москва: Издательский дом МГИМО, 2025. — 24 с.
371. Звягельская И.Д., Казанцев А.А. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. Рабочая тетрадь РСМД. — М.: РСМД, 2016. — 54 с.
372. Звягельская И.Д., Ларуэль М. Перспективы сотрудничества России и США в Центральной Азии. Совместная оценка. Доклад РСМД №14/2014.

Гл. ред. И.С. Иванов. — Москва: Спецкнига, 2014. — 32 с.

373. Кадырбаев А.Ш. Влияние афганского фактора на ведущие страны ШОС // Афганистан.Ру. 14.09.2011. URL: https://afghanistan.ru/doc/20882.html (дата обращения: 22.01.2025).

374. Князев А. Афганистан и региональная безопасность: перспективы развития ситуации // РСМД. 10.09.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-i-regionalnaya-bezopasnost-perspektivy-razvitiya-situatsii/ (дата обращения: 07.09.2026).

375. Кортунов А.В. Афганистан как стресс-тест для ШОС // Российский совет по международным делам. 15.06.2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-kak-stress-test-dlya-shos/ (дата обращения: 30.01.2025).

376. Кортунов А.В. ШОС — камень, отвергнутый строителями новой Евразии? // Российский совет по международным делам (РСМД). 14.05.2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shos-kamen-otvergnutyy-stroitelyami-novoy-evrazii/ (дата обращения: 22.03.2025).

377. Лалетин Ю.П. Советское присутствие в Афганистане: воздействие на этносоциальную структуру афганского общества // МГИМО. 25.12.2009. URL: https://mgimo.ru/afghan/133684.html (дата обращения: 16.01.2026).

378. Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли // Россия в глобальной политике. 09.07.2015. URL: https://globalaffairs.ru/articles/shanhajskaya-organizacziya-sotrudnichestva-v-poiskah-novoj-roli/ (дата обращения: 12.05.2025).

379. Мамахатов Т. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество? // Российский совет по международным делам (РСМД). 09.01.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-v-tsentralnoy-azii-sotrudnichestvo-ili-sopernichestvo/ (дата обращения: 30.01.2025).

380. Мелибаев Н. Что связывает Узбекистан и Афганистан кроме общей границы и вопросов безопасности? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 06.04.2018. URL: https://cabar.asia/ru/chto-svyazyvaet-uzbekistan-i-afganistan-krome-obshhej-granitsy-i-voprosov-bezopasnosti (дата обращения: 20.12.2025).

381. Нессар О. Эволюция подходов Центральной Азии к афганскому вопросу // Афганистан.Ру. 12.10.2025. URL: https://afghanistan.ru/doc/150334.html (дата обращения: 05.03.2025).

382. Нессар О. Современный Афганистан: факторы нестабильности // Афганистан.Ру. 18.06.2022. URL: https://afghanistan.ru/doc/149625.html (дата обращения: 20.03.2023).

383. Панфилова В. Москва и Ташкент собираются строить Трансафганскую дорогу // Независимая газета. 22.02.2024. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-02-22/5_8960-i_cis2.html (дата обращения: 03.09.2026).

384. Рамин Мансури М. Как Китай приспособился к «Талибану» в Афганистане // Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии. 07.01.2026. URL: https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2026/01/china-afghanistan-adaptation?lang=ru (дата обращения: 03.02.2026).

385. Узбекистан на ГА ООН: «О чем мы говорим с миром?» // Экспертная платформа перспективных исследований в области водной безопасности и устойчивого развития. 2021. URL: https://cawater-info.net/expert-platform/pdf/uzbekistan-un-ga-1992-2020-full.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

386. Шашок Л.А. О перспективах ирано-афганского конфликта вокруг реки Гильменд // Институт Ближнего Востока. 16.08.2023. URL: https://www.iimes.ru/?p=100458 (дата обращения: 17.01.2026).

На английском языке:

387. Afghanistan // U.S. Geological Survey. URL: https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-

center/afghanistan (accessed: 07.09.2026).

388. Afzal S. Taliban’s Denial Of TTP Ties: A Strategic Deflection Or Security Reality? // Eurasia Review. 11.11.2025. URL: https://www.eurasiareview.com/10112025-talibans-denial-of-ttp-ties-a-strategic-deflection-or-security-reality-oped/ (accessed: 26.01.2026).

389. Bleuer C., Kazemi S.R. Between Co-operation and Insulation: Afghanistan’s Relations with the Central Asian Republics // Afghanistan Analysis Network. 27.06.2014. URL: https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/2014/06/20140608-Bleuer_Kazemi-Central_Asia.pdf (accessed: 02.11.2023).

390. Debre M. Five Questions on How Dictators’ Clubs are Defending Autocracy // UC Institute on Global Conflict and Cooperation. 08.08.2025. URL: https://ucigcc.org/blog/five-questions-on-how-dictators-clubs-are-defending-autocracy/ (accessed: 10.10.2025).

391. Derek Grossman. Chinese Recognition of the Taliban Is All but Inevitable // Foreign Policy. 27.08.2021. URL: https://foreignpolicy.com/2021/08/27/taliban-china-afghanistan-recognition/ (accessed: 03.01.2026).

392. Girard B. How 1980 Laid the Groundwork for China’s Major Foreign Policy Challenges // The Diplomat. 12.11.2018. URL: https://thediplomat.com/2018/09/how-the-1980-laid-the-groundwork-for-chinas-major-foreign-policy-challenges/ (accessed: 16.01.2026).

393. India's Neighbourhood Policy - Prospects and challenges // Vision IAS. 22.11.2023. URL: https%3A%2F%2Fcdn.visionias.in%2Fvalue_added_material%2F6eea6-indias-neighbourhood-policy--prospects-and-challenges.pdf&usg=AOvVaw3KzZJANlsI-ILEv98JA6r8&opi=89978449 (accessed: 26.01.2026).

394. Iran and Afghanistan // Institute for the Study of War. 15.04.2009. URL: https://understandingwar.org/research/middle-east/iran-and-afghanistan/

(accessed: 20.09.2026).

395. Iran’s SCO Accession: A timely yet insufficient gambit // ORF. 19.09.2022. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/irans-sco-accession-a-timely-yet-insufficient-gambit (accessed: 26.01.2026).

396. Is TAPI Just ‘TA’ for Now? // The Times of Central Asia. 23.10.2025. URL: https://timesca.com/is-tapi-just-ta-for-now/ (accessed: 19.12.2025).

397. Krivdo M. CJSOTF-A Combined Joint Special Operations Task Force-Afghanistan A Short History | 2002-2014 // ARSOF. URL: https://arsof-history.org/articles/v12n2_cjsotf_page_1.html (accessed: 23.12.2025).

398. Kurbanov S. and Paddack V. Central Asia’s Mounting Debt Burden: Risks and Policy Implications // The Diplomat. 01.01.2026. URL: https://thediplomat.com/2026/01/central-asias-mounting-debt-burden-risks-and-policy-implications/ (accessed: 07.09.2026).

399. Lumpe L. A Timeline of U.S. Military Aid Cooperation with Uzbekistan. Central Eurasia Project, No. 2. — Open Society Foundations, 2010. — 17 p.

400. Mir A. Pakistan’s Twin Taliban Problem // United States Institute of Peace. 04.05.2022. URL: https://www.usip.org/publications/2022/05/pakistans-twin-taliban-problem (accessed: 26.01.2026).

401. Mukhammedova A. and Abdullayeva R. What’s Behind India’s Political Rapprochement With the Taliban? // The Diplomat. 19.11.2025. URL: https://thediplomat.com/2025/11/whats-behind-indias-political-rapprochement-with-the-taliban/ (accessed: 26.01.2026).

402. Nainar A. India's Foreign Assistance: Trends, Processes, and Priorities // ORF America. 28.05.2024. URL: https://orfamerica.org/newresearch/india-foreign-assistance-priorities (accessed: 26.01.2026).

403. Nichol J.P. Kyrgyzstan and the Status of the U.S. Manas Airbase: Context and Implications. — Congressional Research Service, 2009. — 11 p.

404. Lambert M. The CIA’s Strategic Thinking in Afghanistan: 1979 to 2021 // RIAC. 17.08.2021. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/eurasian-policy/the-cia-s-strategic-thinking-in-

afghanistan-1979-to-2021/. (accessed: 03.04.2025).

405. Majtdinova G. The Role of Key Communication Projects of Central Eurasia in Strengthening the Integration of the Eurasian Space // Valdai Club. 06.03.2025. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/the-role-of-key-communication-projects/ (accessed: 20.12.2025).

406. Pakistan Security Report 2025 // Pak Institute for Peace Studies. 21.01.2026. URL: https://pakpips.com/web/wp-content/uploads/2026/01/PIPS%20Security%20Report%2025.pdf (accessed: 26.01.2026).

407. Pannier B. Tajikistan's Afghan Conundrum // Foreign Policy Research Institute. 25.11.2024. URL: https://www.fpri.org/article/2024/11/tajikistans-afghan-conundrum/ (accessed: 05.01.2026).

408. Roggio B. Taliban again denies TTP presence in Afghanistan // Foundation for Defense of Democracies. 21.07.2023. URL: https://www.fdd.org/analysis/2023/07/21/taliban-again-denies-ttp-presence-in-afghanistan/ (accessed: 26.01.2026).

409. Safranchuk I. Afghanistan and Its Central Asian Neighbors // Center for Strategic & International Studies. 26.06.2017. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170612_Safranchuk_AfghanistanCentralAsianNeighbors_Web.pdf (accessed: 02.11.2024).

410. Sembayeva Z. and Makasheva Z. Kazakhstan’s Role in Shaping Regional Security in Central Asia // The Diplomat. 27.05.2025. URL: https://thediplomat.com/2025/05/kazakhstans-role-in-shaping-regional-security-in-central-asia/ (accessed: 07.09.2026).

411. Sidhu A. Off the Rails: Trans-Afghan Corridor Plagued by Afghan-Pak Conflict // Geopolitical Monitor. 28.07.2026. URL: https://www.geopoliticalmonitor.com/off-the-rails-trans-afghan-corridor-plagued-by-afghan-pak-conflict/ (accessed: 03.09.2026).

412. Small A. From Bystander To Peacemaker // Berlin Policy Journal.

27.04.2015. URL: https://berlinpolicyjournal.com/from-bystander-to-peacemaker/ (accessed: 03.04.2025).

413. Socor V. Kyrgyzstan Asks for Manifold Increase in U.S. Payments for Manas // Jamestown. 01.26.2006. URL: https://jamestown.org/kyrgyzstan-asks-for-manifold-increase-in-u-s-payments-for-manas/ (accessed: 05.01.2026).

414. States and the Transnational // Sciences Po. 28.09.2018. URL: https://espace-mondial-atlas.sciencespo.fr/en/topic-strategies-of-transnational-actors/article-3A02-EN-states-and-the-transnational.html (accessed: 20.09.2026).

415. The United States in Afghanistan an Indian perspective // ORF America. 14.09.2021. URL: https://www.orfonline.org/research/the-united-states-in-afghanistan-an-indian-perspective (accessed: 11.01.2026).

416. Tiezzi S. China Hosted Afghan Taliban for Talks: Report // The Diplomat. 07.01.2015. URL: https://thediplomat.com/2015/01/china-hosted-afghan-taliban-for-talks-report/ (accessed: 03.04.2025).

417. Umarov T. Afghanistan—Tajikistan Border Clashes Pose a Dilemma for Moscow // Carnegie Endowment for International Peace. 19.12.2025. URL: https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/12/tajikistan-afghanistan-tension-russia?lang=ru (accessed: 24.01.2026).

418. Vorobyov V. The SCO as a Rising Master of the Heartland // Russia in Global Affairs. 25.03.2012. URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-sco-as-a-rising-master-of-the-heartland/ (accessed: 17.04.2026).

419. White Paper on National Minorities Policy and Its Practice in China // China Report. — 2000. — Vol. 36. No. 1. — P. 123-155. DOI: 10.1177/000944550003600113.

Материалы СМИ

На русском языке:

420. Афганистан стал наблюдателем при ШОС, Турция - партнером по диалогу // РИА Новости. 07.06.2012. URL: https://ria.ru/20120607/667362112.html (дата обращения: 05.03.2025).

421. Винтами вперед // Газета «Коммерсантъ». 01.08.2005. URL:

https://www.kommersant.ru/doc/597603 (дата обращения: 05.01.2025).

422. Вице-президент счел себя главой Афганистана и призвал к войне с талибами // РБК. 17.08.2021. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/08/2021/611bca499a794749fe493445 (дата обращения: 05.03.2025).

423. «Все прекрасно понимают, что талибы террористы»: 20 лет санкциям ООН против «Талибана» // Газета.ru. 16.12.2022. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2022/01/16/14423779.shtml (дата обращения: 05.04.2025).

424. Встреча глав МИД стран-соседей Афганистана — итоги // Sputnik Узбекистан. 13.04.2023. URL: https://uz.sputniknews.ru/20230413/vstrecha-glav-mid-stran-sosedey-afganistana--itogi--33907083.html (дата обращения: 22.04.2023).

425. В Тегеране проходит встреча стран-соседей Афганистана с участием России // РИА новости. 14.12.2025. URL: https://ria.ru/20251214/tegeran-2061936623.html (дата обращения: 17.01.2026).

426. Генсек ШОС подчеркнул неблоковый характер работы организации // РИА Новости. 04.01.2025. URL: https://ria.ru/20250104/shos-1992463005.html (дата обращения: 19.11.2025).

427. Движение талибов не представляет угрозы Центральной Азии, заявили в МИД // РИА новости. 14.06.2022. URL: https://ria.ru/20220614/taliby-1795269104.html (дата обращения: 26.03.2023).

428. Зачем Узбекистан торгует с талибами // Deutsche Welle. 22.11.2021. URL: https://www.dw.com/ru/pochemu-uzbekistan-ne-hochet-portit-otnoshenija-s-talibami/video-59903901 (дата обращения: 20.12.2025).

429. Из Таджикистана принудительно выслали почти 1000 афганских беженцев — МОМ // Asia-Plus. 14.08.2025. URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20250814/iz-tadzhikistana-za-mesyats-prinuditelno-vislali-pochti-1000-afganskih-bezhentsev-mom (дата обращения: 25.12.2025).

430. Казахстан направил в Ирак военных инженеров // АЗЕРТАДЖ — Азербайджанское государственное информационное агентство. 23.08.2003. URL: https://azertag.az/ru/xeber/kazaxstan_napravil_v_irak_voennyx_inzhenerov-616263 (дата обращения: 26.12.2025).

431. Казахстан предлагает США использовать свои аэродромы на случай аварийных посадок самолетов сил антитеррористической коалиции // РИА новости. 29.04.2002. URL: https://ria.ru/20020429/131363.html (дата обращения: 26.12.2025).

432. Каримов делает ставку на НАТО в Афганистане // РИА новости. 07.04.2008. URL: https://ria.ru/20080407/103915182.html (дата обращения: 05.01.2025).

433. Киргизия закрывает авиабазу США в Манасе — Бакиев // РИА новости. 03.02.2009. URL: https://ria.ru/20090203/160879889.html (дата обращения: 20.12.2025).

434. Киргизия перестала считать талибов террористами // Ведомости. 06.09.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/06/1060394-kirgiziya-perestala-schitat-talibov-terroristami (дата обращения: 20.04.2025).

435. Лавров в Душанбе примет участие в СМИД ШОС и во встрече в формате ШОС – Афганистан // ТАСС. 14.07.2021. URL: https://tass.ru/politika/11897325 (дата обращения: 05.03.2025).

436. Россия и Узбекистан перешли к практической фазе строительства Трансафганской железной дороги // ИА «РЖД-Партнер». 15.05.2026. URL: https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/rossiya-i-uzbekistan-gotovyat-tekhniko-ekonomicheskoe-obosnovanie-transafganskoy-zheleznoy-dorogi/ (дата обращения: 03.09.2026).

437. Первый посол: Китай признал дипломата от талибов главой дипмиссии Афганистана // Известия. 02.02.2024. URL: https://iz.ru/1643558/kseniia-loginova/pervyi-posol-kitai-priznal-diplomata-ot-talibov-glavoi-dipmissii-

afganistana (дата обращения: 13.04.2025).

438. Президент Киргизии заложил под визит в Россию американскую базу // Коммерсантъ. 03.02.2009. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1112404 (дата обращения: 20.12.2025).

439. Премьер Пакистана отметил важность реализации проекта Трансафганского коридора // ТАСС. 02.09.2025. URL: https://tass.ru/ekonomika/24935863 (дата обращения: 27.12.2025).

440. Принята Ташкентская декларация по Афганистану // Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги. 27.03.2018. URL: https://uza.uz/ru/posts/prinyata-tashkentskaya-deklaratsiya-po-afganistanu-27-03-2018 (дата обращения: 05.01.2026).

441. Путин: РФ заинтересована в сильном Афганистане без наркотрафика // ТАСС. 15.01.2026. URL: https://tass.ru/politika/26159635 (дата обращения: 17.01.2026).

442. Рахмон предложил создать инклюзивное правительство Афганистана с участием таджиков // Anadolu Ajansı. 25.08.2021. URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/рахмон-предложил-создать-инклюзивное-правительство-афганистана-с-участием-таджиков/2345718 (дата обращения: 05.03.2025).

443. РК и США подписали меморандум о взаимопонимании в предоставлении аэропорта Алматы для экстренных посадок самолетов ВВС США // Медиа-портал CARAVAN.kz. 10.07.2002. URL: https://www.caravan.kz/news/rk-i-ssha-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii-v-predostavlenii-aehroporta-almaty-dlya-ehkstrennykh-posadok-samoletov-vvs-ssha-175252/ (дата обращения: 26.12.2025).

444. Россия поддержала возобновление работы группы ШОС — Афганистан, заявил МИД // РИА новости. 11.06.2024. URL: https://ria.ru/20240611/shos-1952098076.html (дата обращения: 26.12.2025).

445. Сотрудничество Казахстана с Афганистаном: обзор // Регнум.

21.07.2017. URL: https://regnum.ru/article/2303850 (дата обращения: 20.12.2025).

446. Строкань С. Великое выселение // Коммерсант. 01.11.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6312301 (дата обращения: 02.03.2025).

447. Таджикистан выступил против части пунктов декларации встречи московского формата // ТАСС. 29.09.2023. URL: https://tass.ru/politika/18874719 (дата обращения: 20.12.2025).

448. Таджикистан предоставил ВВС США и Франции аэродром // Коммерсантъ. 05.12.2001. URL: https://www.kommersant.ru/doc/928169 (дата обращения: 25.12.2025).

449. «Талибан» исключили из числа террористических организаций в России // РБК. 17.04.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/04/2025/6800f0fb9a79477fb06eae15?from=from_main_6 (дата обращения: 20.04.2025).

450. Талибы доверились Узбекистану // Коммерсантъ. 18.06.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3661900 (дата обращения: 05.01.2025).

451. Талибы приедут в сентябре в Москву на встречу по Афганистану // Интерфакс. 20.08.2018. URL: https://www.interfax.ru/world/625937 (дата обращения: 03.04.2025).

452. Талибы хотят участвовать в следующем саммите ШОС // Интерфакс. 05.07.2023. URL: https://www.interfax.ru/world/910238 (дата обращения: 01.03.2025).

453. Узбекистан поддерживает возобновление работы контактной группы "ШОС - Афганистан" // ТАСС. 01.09.2025. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24922175 (дата обращения: 05.01.2026).

454. У Казахстана появится свой спецпредставитель по Афганистану // КазТАГ. 15.02.2020. URL: https://kaztag.kz/ru/news/u-kazakhstana-poyavitsya-svoy-spetspredstavitel-po-afganistanu (дата обращения: 05.01.2026).

455. Участники международной конференции в Ташкенте обсудят вопросы помощи Афганистану // ТАСС. 25.07.2022. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15298463 (дата обращения: 20.12.2025).

456. Хакимов заявил, что заявка Афганистана на вступление пока не рассматривается // ТАСС. 09.07.2024. URL: https://tass.ru/politika/21314029 (дата обращения: 04.04.2025).

457. Хакимов пояснил, что мешает Афганистану присоединиться к ШОС // ИнфоШОС. 14.02.2019. URL: http://infoshos.ru/ru/?idn=20640 (дата обращения: 16.01.2025).

458. Хамид Карзай пригласил Казахстан принять участие в восстановлении афганской экономики // РИА новости. 15.04.2004. URL: https://ria.ru/20040415/569690.html (дата обращения: 20.12.2025).

459. Что известно о движении "Талибан" и его запрете в РФ // ТАСС. 31.03.2025. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23558175 (дата обращения: 03.01.2026).

На английском языке:

460. Afghanistan: Barbed wire borders and the 'Desert of Death' // Sky News. URL: https://news.sky.com/story/afghanistan-barbed-wire-borders-and-the-desert-of-death-the-dangerous-escape-routes-facing-refugees-fleeing-the-taliban-12398215 (accessed: 05.03.2025).

461. Afghanistan's Tajikistan Ambassador Mohammad Zahir Declares Himself As First Deputy Head // Republic World. 18.08.2021. URL: https://web.archive.org/web/20210821204226/https://www.republicworld.com/world-news/rest-of-the-world-news/tajikistan-ambassador-mohammad-zahir-declares-himself-as-first-deputy-head-of-afghanistan.html (accessed: 05.03.2025).

462. At SCO summit, Pakistani premier calls for engagement with Afghanistan // Anadolu Ajansı. 04.07.2024. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/at-sco-summit-pakistani-premier-calls-for-engagement-with-

afghanistan/3266197 (accessed: 26.01.2026).

463. Berdimuhamedow Visits Afghanistan to Launch New Phase of TAPI Gas Pipeline // Caspian News. 24.10.2025. URL: https://caspiannews.com/news-detail/berdimuhamedow-visits-afghanistan-to-launch-new-phase-of-tapi-gas-pipeline-2025-10-23-0/ (accessed: 27.12.2025).

464. Briefing: Iran's presidential candidates pledge to tackle 'illegal immigration' // BBC Monitoring. 13.06.2024. URL: https://monitoring.bbc.co.uk/product/b0001tk4 (accessed: 25.01.2026).

465. Chivers C.J. A Nation Challenged: Diplomacy; General Gives Uzbek Leader Warm Words And Spotlight // The New York Times. 05.01.2002. URL: https://www.nytimes.com/2001/10/31/world/nation-challenged-diplomacy-general-gives-uzbek-leader-warm-words-spotlight.html (accessed: 22.12.2025).

466. Coll S. Anatomy of a Victory: CIA’s Covert Afghan War // The Washington Post. 18.07.1992. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1992/07/19/anatomy-of-a-victory-cias-covert-afghan-war/1bd10b14-a0cc-441c-99cc-d2b5d1ba6e2d/ (accessed: 18.12.2022).

467. Farewell, Manas! // The Washington Post. 22.10.2013. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2013/10/22/farewell-manas/ (accessed: 20.12.2025).

468. Glasser S.B. Russia Says U.S. May Use Facilities in Tajikistan // The Washington Post. 26.09.2001. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2001/09/26/russia-says-us-may-use-facilities-in-tajikistan/e3b80d86-0da0-4881-9b9e-d024c7275dd2/ (accessed: 03.04.2025).

469. India condemns Pakistan's airstrikes in Afghanistan // Anadolu Ajansı. 06.01.2025. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/india-condemns-pakistans-airstrikes-in-afghanistan/3442735 (accessed: 26.01.2026).

470. India to formally join TAPI gas project, India Today // India Today.

23.04.2008. URL: https://www.indiatoday.in/latest-headlines/story/india-to-join-turkmenistan-gas-pipeline-project-24690-2008-04-23 (accessed: 26.07.2024).

471. India upgrades Technical Mission in Kabul to embassy with ‘immediate effect’ // The Hindu. 21.10.2025. URL: https://www.thehindu.com/news/national/india-upgrades-technical-mission-in-kabul-to-embassy-with-immediate-effect/article70187227.ece (accessed: 26.12.2025).

472. Iran walls off part of border with Afghanistan: state media // Dawn. 23.11.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1860652 (accessed: 05.03.2025).

473. Khalil A.B. Afghanistan and the Shanghai Cooperation Organization // The Diplomat. 14.07.2021. URL: https://thediplomat.com/2021/07/afghanistan-and-the-shanghai-cooperation-organization/ (accessed: 12.10.2023).

474. Kyrgyzstan Expands Trade Access to Afghan Market // The Times of Central Asia. 18.12.2025. URL: https://timesca.com/kyrgyzstan-expands-trade-access-to-afghan-market/ (accessed: 12.02.2026).

475. Maher H. Central Asia: US Helsinki Commission Concerned About SCO's Influence. // Eurasianet. 01.10.2006. URL: https://eurasianet.org/central-asia-us-helsinki-commission-concerned-about-scos-influence (accessed: 10.10.2025).

476. Memoir | 9/11: The American discovery of Tajikistan // Eurasianet. 27.08.2021. URL: https://eurasianet.org/memoir-911-the-american-discovery-of-tajikistan (accessed: 25.12.2025).

477. Pakistan, Uzbekistan Push to Accelerate Trans-Afghan Railway Project // The Kabul Tribune. 01.09.2025. URL: https://thekabultribune.com/en/0011069 (accessed: 03.09.2026).

478. Glass A. President Bush cites ‘axis of evil,’ Jan. 29, 2002 // Politico. 29.01.2019. URL: https://www.politico.com/story/2019/01/29/bush-axis-of-evil-2002-1127725 (accessed: 20.09.2026).

479. Report / SCO: Iran’s Shield against West’s Sanctions // ABNA. 06.11.2025. URL: https://en.abna24.com/news/1724047/Report-SCO-Iran-s-Shield-against-West-s-Sanctions (accessed: 25.01.2026).

480. Riaz A. No country for old Afghans: ‘Post-1951 immigrants to be considered illegal’ // The Express Tribune. 02.04.2015. URL: https://tribune.com.pk/story/863329/no-country-for-old-afghans-post-1951-immigrants-to-be-considered-illegal (accessed: 26.03.2025).

481. Tajikistan Expands Trade with Afghanistan Amid Border Challenges // Centralasianlight.org. 09.02.2026. URL: https://centralasianlight.org/news/tajikistan-expands-trade-with-afghanistan-amid-border-challenges/ (accessed: 12.02.2026).

482. Taliban Cuts Ties With 14 Afghan Diplomatic Missions Abroad // Radio Free Europe/Radio Liberty. 30.07.2024. URL: https://www.rferl.org/a/taliban-diplomatic-missions-afghanistan/33056291.html (accessed: 04.04.2025).

483. Taliban seek participation in future SCO meetings // Anadolu Ajansı. 05.07.2023. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/taliban-seek-participation-in-future-sco-meetings/2937849 (accessed: 01.03.2025).

484. Taliban Unleashes 'Spring Offensive' in Afghanistan // VOA - Voice of America English News. 27.04.2021. URL: https://www.voanews.com/a/taliban-afghanistan-spring-offensive/3829330.html (accessed: 05.05.2022).

485. Strikes on Afghan civilians are acts of war: India denounces Pakistan at UN // India Today. 11.12.2025. URL: https://www.indiatoday.in/world/story/india-condemns-pakistan-airstrikes-afghanistan-breach-international-law-threaten-regional-stability-2834215-2025-12-11 (accessed: 26.01.2026).

486. US troops for Uzbekistan // The Guardian. 05.10.2001. URL: https://www.theguardian.com/world/2001/oct/06/afghanistan.terrorism6 (accessed: 22.12.2025).

487. Uzbekistan Approves Feasibility Study for Trans-Afghan Railway // The Times of Central Asia. 12.02.2026. URL: https://timesca.com/uzbekistan-

approves-feasibility-study-for-trans-afghan-railway/ (accessed: 03.09.2026).

488. Yousaf K. Taliban's bid for UN seat rejected for third time // The Express Tribune. 19.12.2023. URL: https://tribune.com.pk/story/2450539/talibans-bid-for-un-seat-rejected-for-third-time (accessed: 01.03.2025).

489. Yun Sun. China's Strategic Assessment of Afghanistan // War on the Rocks. 08.04.2020. URL: https://warontherocks.com/2020/04/chinas-strategic-assessment-of-afghanistan/ (accessed: 03.04.2025).

На китайском языке:

490. 外交部阿富汗事务特使由孙玉玺大使担任 [Посол Сунь Юйси является специальным посланником Министерства иностранных дел по делам Афганистана] // 人民网. 18.07.2014. URL: https://world.people.com.cn/n/2014/0718/c1002-25300859.html (дата обращения: 17.01.2026).

На таджикском языке:

491. Сироҷиддин Муҳриддин: «Мавқеи Тоҷикистон нисбат ба толибон* тағйир наёфтааст» [Сироджиддин Мухриддин: «Позиция Таджикистана по отношению к талибам* не изменилась»] // АМИТ «Ховар». 02.02.2022. URL: https://khovar.tj/2022/02/siro-iddin-mu-riddin-mav-ei-to-ikiston-nisbat-ba-tolibon-ta-jir-nayoftaast/ (дата обращения: 05.03.2025).

492. Посухи толибон ба Раҳмон дар мавриди ҳузури террористҳо дар марз [Ответ талибов Рахмону по вопросу присутствия террористов на границе] // Sputnik Тоҷикистон. 11.01.2022. URL: https://sputnik.tj/20220111/tolibon-iddao-emomali-rahmon-posukh-marz-urdugoh-terrorist-1044720076.html (дата обращения: 15.01.2026).

На дари / персидском языке:

493. امنیت ملی ایران با حضور مهاجران افغانستانی به چالش افتاده است [Присутствие афганских беженцев представляет угрозу национальной безопасности Ирана] // Faraz 10.03.2024. URL: https://www.faraz.ir/fa/news/71222/امنیت-ملی-ایران-با-حضور-مهاجران-افغانستانی-به-چالش-افتاده-است. (дата обращения:

05.03.2025).

494. جزئیات جدید از مناقشه آبی ایران و طالبان [Новые подробности спора между Ираном и талибами по поводу водных ресурсов] // عصر ایران. 11.07.2023. URL: https://www.asriran.com/fa/news/897655/جزئیات-جدید-از-مناقشه-آبی-ایران-و-طالبان (дата обращения: 17.01.2026).

495. درگیری شدید میان مرزبانان ایرانی با طالبان [Ожесточенные столкновения между иранскими пограничниками и талибами] // اسپوتنیک افغانستان. 01.12.2021. URL: https://sputnik.af/20211201/درگیری-شدید-میان-مرزبانان-ایرانی-با-طالبان--8339069.html (дата обращения: 17.01.2026).

496. غنی: هیچ نوع تعهد برای رهایی پنج هزار زندانی وجود ندارد [Гани: Нет никаких обязательств по освобождению 5000 заключенных] // طلوع نیوز. 01.03.2020. URL: https://tolonews.com/fa/afghanistan/غنی-هیچ-نوع-تعهد-برای-رهایی-پنج-هزار-زندانی-وجود-ندارد (дата обращения: 07.06.2023).

497. هیئت جمهوری تاجیکستان با وزیر خارجه حکومت طالبان در کابل دیدار کرد [Делегация Республики Таджикистан встретилась с министром иностранных дел правительства талибов] // BBC News دری. 17.11.2025. URL: https://www.bbc.com/dari/articles/cy8v36332x4o (дата обращения: 24.01.2026).

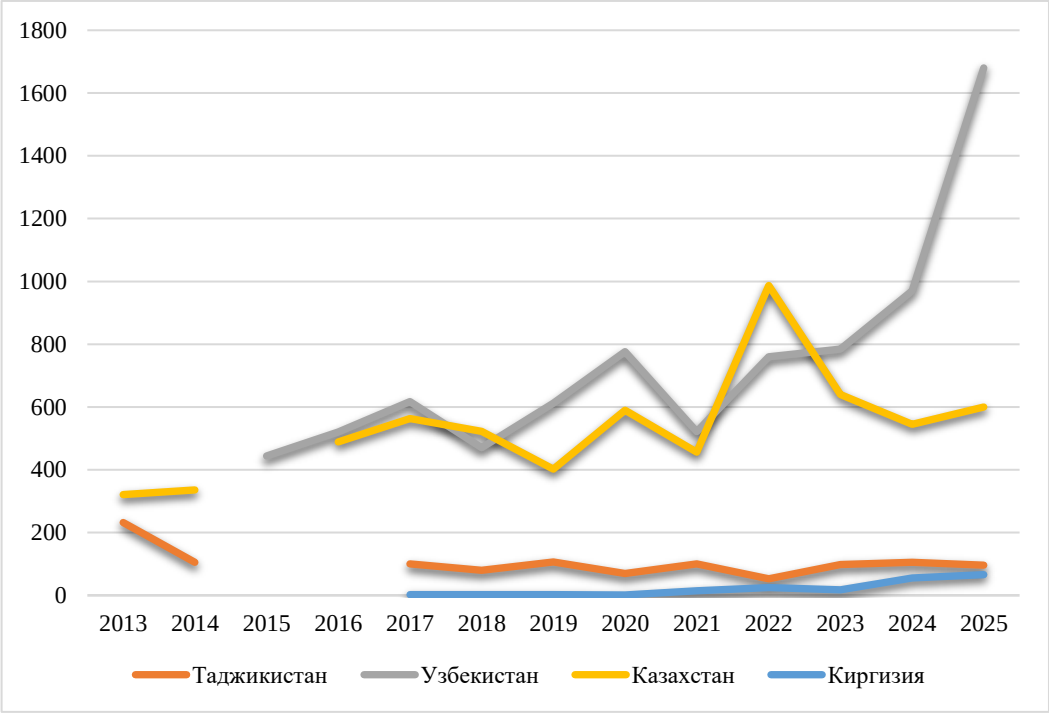
498. مقامات هند و ایران در مورد مسائل سیاسی و اقتصادی افغانستان گفتگو کرده اند [Индийские и иранские официальные лица обсудили политические и экономические вопросы, связанные с Афганистаном] // شمشاد نیوز. 04.01.2025. URL: https://shamshadnews.com/fa/2025/01/04/مقامات-هند-و-ایران-در-مورد-مسائل-سیاسی-و/ (дата обращения: 26.03.2025).

499. نماینده ویژه ایران در امور افغانستان منصوب شد [Назначен специальный представитель Ирана по делам Афганистана] // Fararu. 15.04.2019. URL: https://fararu.com/fa/news/396449/نماینده-ویژه-ایران-در-امور-افغانستان-منصوب-شد (дата обращения: 17.01.2026).

Приложения

Приложение 1.

Рисунок 1. Товарооборот государств Центральной Азии с Афганистаном в 2013-2025 гг. (по доступным статистическим данным), млн долл. США[563].

[563] Составлено автором на основе: Afghanistan Exports to Tajikistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/afghanistan/exports/tajikistan (accessed: 11.12.2025); Afghanistan Exports to Kazakhstan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/afghanistan/exports/kazakhstan (accessed: 11.12.2025); Afghanistan Exports to Uzbekistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/afghanistan/exports/uzbekistan (accessed: 11.12.2025); Kazakhstan Exports to Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/kazakhstan/exports/afghanistan (accessed: 11.12.2025); Kyrgyzstan Expands Trade Access to Afghan Market // The Times of Central Asia. 18.12.2025. URL: https://timesca.com/kyrgyzstan-expands-trade-access-to-afghan-market/ (accessed: 12.02.2026); Kyrgyzstan Exports to Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/kyrgyzstan/exports/afghanistan (accessed: 11.12.2025); Kyrgyzstan Imports from Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/kyrgyzstan/imports/afghanistan (accessed: 11.12.2025); Tajikistan Expands Trade with Afghanistan Amid Border Challenges // Centralasianlight.org. 09.02.2026. URL: https://centralasianlight.org/news/tajikistan-expands-trade-with-afghanistan-amid-border-challenges/ (accessed: 12.02.2026); Tajikistan Exports to Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/tajikistan/exports/afghanistan (accessed: 11.12.2025); Uzbekistan Exports to Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/uzbekistan/exports/afghanistan (accessed: 11.12.2025); Uzbekistan Imports from Afghanistan // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/uzbekistan/imports/afghanistan (accessed: 11.12.2025).

Приложение 2.

Табл. 1. SWOT-анализ позиций государств-членов ШОС на афганском направлении (Россия и Китай)[564]

Блок государств ШОС	**Ключевые преимущества (Strengths)**	**Ключевые ограничения (Weaknesses)**	**Основные возможности (Opportunities)**	**Основные угрозы (Threats)**
Россия	• Военно-политическое присутствие в регионе: 201-я дивизия в Таджикистане, база в Киргизии, объекты ОДКБ; • Долгая история взаимодействия: опыт советского периода, контакты с афганскими элитами, знание локальной специфики; • Институциональные рычаги: позиции в ООН, ШОС, ОДКБ, организация «Московского формата» по Афганистану; • Общие интересы с ключевыми игроками: совпадение позиций с Китаем (невмешательство), Ираном (присутствие США), ЦА (безопасность границ); • Прагматичный подход без идеологических условий: го-	• Ограниченные экономические инструменты: в отличие от Китая, не может предложить масштабные инвестиции; • Ограниченное влияние на политику талибов: нет рычагов давления на внутреннюю политику Афганистана (права женщин, меньшинства, борьба с ИГ); • Реактивный, а не проактивный подход: чаще реагирует на изменения, чем формирует повестку; • Вторичность афганского трека во внешней политике: уступает приоритетам (Украина, отношения с Западом); • Амбивалентное восприятие в афганском обществе: для	• Демонстрация альтернативной модели взаимодействия: прагматичный диалог без предварительных условий (в противовес западному подходу с санкциями и непризнанием); • Развитие многосторонних площадок под эгидой РФ («Московский формат», консультации в рамках ШОС — формирование региональной повестки; • Расширение гуманитарного присутствия: поставки продовольствия, топлива для улучшения имиджа РФ; • Возможность связки Афганистана с евразийскими проектами, трансафганской ж/д;	• Эскалация конфликта у границ: рост активности ИГ-Хорасан, столкновения талибов с ИГ могут дестабилизировать ситуацию в соседних Таджикистане и Узбекистане (РТ — член ОДКБ, с РУз — Договор о союзнических отношениях); • Афганистан остаётся источником наркоугрозы; маршруты через ЦА ведут в Россию, создавая социальные и криминальные проблемы; • Риск дестабилизации ЦА за счёт массового притока беженцев в случае гуманитарного коллапса; • В долгосрочной перспективе Китай может стать доминирующим внешним

[564] Составлено на основе материалов 3 главы, а также с использованием: Россия и Центральная Азия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/ (дата обращения: 07.09.2026); Afghanistan // U.S. Geological Survey. URL: https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/afghanistan (accessed: 07.09.2026); UNODC report finds drug use in Afghanistan is shifting toward synthetic drugs and the misuse of pharmaceutical drugs // United Nations Office on Drugs and Crime. 01.02.2026. URL: https://www.unodc.org/coafg/en/Press-Release/unodc-report-finds-drug-use-in-afghanistan-is-shifting-toward-synthetic-drugs-and-the-misuse-of-pharmaceutical-drugs.html (accessed: 07.09.2026); Мачитидзе Г.Г. Роль Афганистана в международной стратегии России // Перспективы. — 2014. — № 2. — С. 36-40; Мачитидзе Г.Г. Современная афганская политика Китая: сдержанный прагматизм. Восток (Oriens). — 2025. — № 1. — С. 147-156; Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 2 (16). — С. 98-117; Глобальные дисбалансы человеческого развития: монография / Под ред. Е.Я. Араповой, В.В. Павлова. — М.: Аспект Пресс, 2024. — 531 с.

	товность к диалогу с талибами без предварительных требований (в отличие от Запада).	одних — партнёр, для других — «наследница советской интервенции».	• Работа с афганской диаспорой в России: выпускники советских вузов, ветераны, бизнесмены как мост для восстановления экономических и культурных связей.	игроком в Афганистане, оттеснив Россию на второй план.
Китай	• Колоссальные финансовые возможности для инвестиций в добычу ресурсов и инфраструктуру (литий, медь, нефть); • Наличие прямой (хоть и узкой) границы через Вахан-ский коридор; • Прагматичный подход без политических условий: готовность взаимодействовать с любой властью в Кабуле без условий по правам человека или демократии; • Долгосрочное стратегическое планирование: действует на перспективу 10-20 лет, без ожидания быстрой отдачи.	• Нет военных баз вблизи Афганистана, отсутствует опыт силового присутствия в регионе (в отличие от России); • Политическая линия зависит от интересов безопасности в СУАР; • Рост скептицизма по отношению к проектам КНР («долговая ловушка», экономическая экспансия) в ЦА и Южной Азии; • Ограниченное влияние «мягкой силы» на афганское общество, конкуренция с Индией в этой сфере.	• Интеграция Афганистана в «Один пояс — один путь» и его использование как транзитного хаба; • Доступ к природным ресурсам: редкоземельным металлам, меди, литию и другим стратегическим ресурсам для китайской промышленности; • Координация с Россией по афганскому треку: разделение функций (Китай — экономика, Россия — безопасность);	• Угроза безопасности СУАР в случае активации уйгурского сепаратизма (ИДВТ) с территории Афганистана; • Террористическая угроза для китайских объектов и против китайских граждан и проектов; • Риск одностороннего пересмотра договоренностей, экспроприации активов или срыва совместных проектов из-за непредсказуемости и правового нигилизма афганских властей, или в случае очередного витка внутриполитической нестабильности в стране.

Табл. 2. SWOT-анализ позиций государств-членов ШОС на афганском направлении (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан)[565]

Блок государств ШОС	**Ключевые преимущества (Strengths)**	**Ключевые ограничения (Weaknesses)**	**Основные возможности (Opportunities)**	**Основные угрозы (Threats)**
Казахстан	• Крупнейшая экономика в ЦА, возможности для гуманитарных и торговых проектов; • Дипломатический вес (опыт председательства в ОБСЕ, непостоянного членства в СБ ООН, международные площадки); • Отсутствие общей границы с Афганистаном (снижает прямые угрозы).	• Логистические ограничения, зависимость от транзитных коридоров через другие страны ЦА; • Вторичность афганского трека во внешней политике; • Зависимость от позиции России и Китая по ключевым вопросам; • Скрытая экономическая конкуренция с РУз, транзитная зависимость от соседа.	• Позиционирование в качестве медиатора через гуманитарные инициативы и международные площадки; • Экономическое участие в реконструкции Афганистана (инвестиции, торговля); • Превращение в транзитный хаб (ж/д, порты на Каспии, коридоры через ЦА).	• Косвенные угрозы через дестабилизацию региона (миграция, наркотрафик); • Рост радикализации в казахстанском обществе; • Угрозы для транспортных коридоров.
Киргизия	• Участие в многосторонних форматах безопасности (ОДКБ, ШОС); • Отсутствие общей границы с Афганистаном (снижа-	• Ограниченные экономические и военные ресурсы; • Внутренняя политическая нестабильность (частые смены власти);	• Перспективы транзита электроэнергии в Афганистан (проект CASA-1000); • Наращивание поставок продовольствия и стройма-	• Общий рост исламского радикализма в регионе; • Косвенные угрозы через дестабилизацию региона (миграция, нарко-

[565] Составлено на основе материалов 3 главы, а также с использованием: Россия и Центральная Азия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/ (дата обращения: 07.09.2026); UNODC report finds drug use in Afghanistan is shifting toward synthetic drugs and the misuse of pharmaceutical drugs // United Nations Office on Drugs and Crime. 01.02.2026. URL: https://www.unodc.org/coafg/en/Press-Release/unodc-report-finds-drug-use-in-afghanistan-is-shifting-toward-synthetic-drugs-and-the-misuse-of-pharmaceutical-drugs.html (accessed: 07.09.2026); Sembayeva Z. and Makasheva Z. Kazakhstan's Role in Shaping Regional Security in Central Asia // The Diplomat. 27.05.2025. URL: https://thediplomat.com/2025/05/kazakhstans-role-in-shaping-regional-security-in-central-asia/ (accessed: 07.09.2026); Kurbanov S. and Paddack V. Central Asia's Mounting Debt Burden: Risks and Policy Implications // The Diplomat. 01.01.2026. URL: https://thediplomat.com/2026/01/central-asias-mounting-debt-burden-risks-and-policy-implications/ (accessed: 07.09.2026); Князев А. Афганистан и региональная безопасность: перспективы развития ситуации // РСМД. 10.09.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-i-regionalnaya-bezopasnost-perspektivy-razvitiya-situatsii/ (дата обращения: 07.09.2026); Саженов Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 — начало 2020 г.) / Отв. ред. Р. Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2020. — 220 с.; Глобальные дисбалансы человеческого развития: монография / Под ред. Е.Я. Араповой, В.В. Павлова. — М.: Аспект Пресс, 2024. — 531 с.

	ет прямые угрозы); • Транзитный потенциал для поставок в Афганистан.	• Вторичность афганского направления во внешней политике.	териалов; • Гуманитарное участие (помощь беженцам, образовательные квоты).	трафик); • Внутренняя дестабилизация на фоне внешних угроз.
Таджикистан	• Военная поддержка России (201-я дивизия, ОДКБ); • Языковая и культурная близость к таджикским элитам Афганистана; • Длительные контакты с представителями бывшего Северного альянса.	• Крайняя экономическая зависимость от РФ и КНР; • Протяжённая и наиболее уязвимая граница с Афганистаном; • Ограниченность собственных сил безопасности без поддержки России/ОДКБ.	• Совместные проекты по контролю границы, борьбе с наркотрафиком и терроризмом при поддержке международных партнёров; • Развитие приграничной торговли, растущие поставки электроэнергии в ИЭА, транзитные проекты РТ-ИЭА-ИРИ; • Культурно-гуманитарное сотрудничество с таджиками Афганистана.	• Прямое проникновение террористов и наркотрафика через границу; • Эскалация конфликта у границ (талибы vs. ИГ); • Массовый приток беженцев в случае очередного кризиса, критическая нагрузка на экономику и социальную сферу; • Рост трансграничной преступности (наркотрафик, оружие).
Узбекистан	• Развитая транспортная инфраструктура (ж/д и автодороги через Термез); • Хорошо укреплённая и контролируемая граница; • Активная региональная дипломатия (Ташкентская конференция 2018 и 2022 г.); • Устойчивый прагматичный диалог с руководством ИЭА.	• Контакты с дефакто властями сочетаются с опасениями идеологического влияния на собственное мусульманское население; • Высокая зависимость от стабильности в Афганистане; • Сравнительно неразвитые инструменты «мягкой силы»; • Зависимость транзитного потенциала от других стран региона (Казахстан).	• Превращение в главный региональный транзитный хаб (ж/д и автодороги через Термез); • Расширение торговых связей (экспорт продовольствия, стройматериалов); • Дальнейшее повышение роли координатора региональных инициатив в отношении ИЭА.	• Эскалация конфликта у границ (талибы vs ИГ); • Проникновение идеологии ИГ и других радикальных группировок через религиозные каналы; • Рост трансграничной преступности (наркотрафик, оружие).

Табл. 3. SWOT-анализ позиций государств-членов ШОС на афганском направлении (Индия, Пакистан, Иран)[566]

Блок государств ШОС	**Ключевые преимущества (Strengths)**	**Ключевые ограничения (Weaknesses)**	**Основные возможности (Opportunities)**	**Основные угрозы (Threats)**
Индия	• Богатый опыт сотрудничества в сфере содействия развитию (строительство инфраструктурных и социально значимых объектов при поддержке Индии), реализация гуманитарных инициатив как инструмент «мягкой силы»; • Индия — ключевой и естественный торгово-экономический партнер для афганского экспорта; • Дипломатический прагматизм, т.е. присутствие «технической миссии» в Кабуле, сохранение неформального диалога с ДТ без официального признания, гибкий под-	• Территориальная удалённость, отсутствие прямого доступа к Афганистану как препятствие для торгово-экономического взаимодействия, зависимость от маршрута через иранский порт Чабахар (уязвимость из-за санкций против Ирана и нестабильности в регионе); • Ограниченные инструменты в сфере безопасности, отсутствие военных рычагов влияния в регионе; • Враждебность Пакистана к индийскому присутствию в Афганистане (доктрина «стратегической глубины»),	• Дальнейшее развитие гуманитарного сотрудничества (образовательные квоты, медицинская помощь, продовольственная поддержка для усиления «мягкой силы», наращивание объёмов помощи для улучшения двусторонних отношений с правительством ИЭА); • Инвестиции в добывающие отрасли, доступ к афганским ресурсам (медь, литий, редкоземельные металлы) для индийской промышленности; • Сотрудничество с правительством ИЭА с целью ограничения	• Рост террористической активности, использование Афганистана антииндийскими группировками при поддержке пакистанских спецслужб для дестабилизации Кашмира; • Непредсказуемость режима ДТ и теракты ИГ, риск физических нападений на индийских дипломатов, граждан и объекты в Кабуле; • Риск дестабилизации ситуации в регионе в случае перерастания регулярных афгано-пакистанских пограничных стычек в полномасштабную войну.

[566] Составлено на основе материалов 3 главы, а также с использованием: Международный транспортный коридор «Север — Юг» (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25.12.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/2068639/ (дата обращения: 07.09.2026); Afghanistan // U.S. Geological Survey. URL: https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/afghanistan (accessed: 07.09.2026); UNODC report finds drug use in Afghanistan is shifting toward synthetic drugs and the misuse of pharmaceutical drugs // United Nations Office on Drugs and Crime. 01.02.2026. URL: https://www.unodc.org/coafg/en/Press-Release/unodc-report-finds-drug-use-in-afghanistan-is-shifting-toward-synthetic-drugs-and-the-misuse-of-pharmaceutical-drugs.html (accessed: 07.09.2026); Князев А. Афганистан и региональная безопасность: перспективы развития ситуации // РСМД. 10.09.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-i-regionalnaya-bezopasnost-perspektivy-razvitiya-situatsii/ (дата обращения: 07.09.2026); Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. — 2025. — № 2 (16). — С. 98-117; Саженов Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 — начало 2020 г.) / Отв. ред. Р. Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2020. — 220 с.; Глобальные дисбалансы человеческого развития: монография / Под ред. Е.Я. Араповой, В.В. Павлова. — М.: Аспект Пресс, 2024. — 531 с.

	ход для защиты своих интересов.	усиленная поддержкой КНР.	пакистанского влияния в регионе.	
Пакистан	• Глубокое историческое и политическое влияние, основанное на многолетних связях Исламабада с руководством ДТ, что делает страну одним из ключевых игроков на афганском треке; • Контроль над основными сухопутными маршрутами и морскими портами, через которые идет практически весь легальный транзит и снабжение Афганистана; • Уникальные рычаги воздействия и давления через приграничные этносы, обусловленные проживанием миллионов пуштунов по обе стороны границы и наличием лагерей афганских беженцев.	• Внутриполитическая нестабильность в самом Пакистане и неспособность самостоятельно подавить террористическую активность ТТП у себя на территории, критическая зависимость от Кабула в вопросе ликвидации баз боевиков; • Соперничество с Индией за влияние в Афганистане и рассмотрение Кабула через призму индо-пакистанского соперничества (доктрина «стратегической глубины»); • Негативное восприятие со стороны афганского общества, значительная часть которого видит в Пакистане враждебного игрока.	• Реализация энергетического проекта ТАПИ, способная превратить Пакистан в ключевой транзитный хаб для поставок природного газа; • Интеграция в Трансафганскую ж/д (Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар), кратное увеличение грузопотока через пакистанские порты, доступ к рынкам стран ЦА, возможность получать доход от транзитных сборов.	• Эскалация террора со стороны ТТП, использующей Афганистан как безопасное убежище для подготовки терактов против пакистанских военных и мирных граждан; • Обострение пограничного спора по «линии Дюранда», приводящее к регулярным пограничным столкновениям, взаимным обстрелам и полному параличу двусторонней торговли; • Гуманитарный коллапс и неуправляемый наплыв беженцев, грозящий Пакистану критической перегрузкой социальной инфраструктуры и дестабилизацией приграничных провинций.
Иран	• Культурно-языковая близость (язык фарси /дари — общий для значительной части афганцев), опора инструментов «мягкой силы» на этот фактор; • Влияние на шиитское население Афганистана через поддержку хазарейских партий, шиитских религиозных центров; • Статус ключевого поставщика товаров широкого потребления в Афганистан; также экспорт электроэнергии, нефтепродуктов.	• Международные санкции, в т.ч. ограничения со стороны США и Запада, сужающие возможности для сотрудничества; • Внутриэкономическая нестабильность, ограничивающая ресурсы для внешней политики; • Сложные отношения с талибами (конфликты 1990-х гг. и нынешние идеологические разногласия); • Зависимость от ситуации в Афганистане в сфере безопасности ввиду географической близости и протяженной границы.	• Развитие приграничной торговли: расширение экспорта электроэнергии, топлива, товаров; • Участие в транспортных проектах, подключение к трансафганской ж/д, коридору «Север — Юг», реализация проекта коридора ИРИ-ИЭА-РТ; • Поддержание позитивного имиджа за счёт воздействия «мягкой силы» на проживающих в Иране афганцев (в т.ч. беженцев); • Координация с Россией и Китаем: совместные инициативы в т.ч. в рамках ШОС по афганскому треку.	• Массовый приток беженцев к уже имеющимся 5 млн афганцев, критическая нагрузка на экономику и социальную сферу; • Рост трансграничной преступности (наркотрафик, оружие); • Эскалация конфликта у границ (ДТ против ИГ) и проникновение суннитских исламистов; эскалация белуджского сепаратизма в сопредельных пограничных районах; • Гидрополитический кризис в как следствие неурегулированного водного спора.